

ИНДУСТРИИ ВПЕЧАТЛЕНИЙ

ТЕХНОЛОГИИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

№2 (7), 2024

SOCIO-CULTURAL RESEARCH TECHNOLOGIES

experience
INDUSTRIES

(16+)

Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT), 2024, 2 (7).

Главный редактор

С. А. Маленко (Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия).

Заместитель главного редактора

А. Г. Некита (Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия).

Редакционная коллегия:

- Е. В. Быкова (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия);
Г. В. Варакина (Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Москва, Россия);
А. П. Воеводин (Луганская государственная академия культуры и искусств им. М. Матусовского, Россия);
О. А. Габриелян (Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия);
Д. П. Гавра (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия).
В. Ч. Добрева (Университет библиотекознания и информационных технологий, София, Болгария);
В. Е. Добровольская (Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина, (Технологии. Дизайн. Искусство), Москва, Россия);
А. Б. Ефременков (Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия);
Е. Н. Корнилова (Московский государственный университет, Москва, Россия);
Н. А. Лукьянова (Томский политехнический университет, Россия);
Б. В. Марков (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия);
Неби Мехдиев (Тракийский университет, Эдирне, Турция);
А. В. Павлов (Высшая школа экономики, Москва, Россия);
О. В. Попова (Институт философии РАН, Москва, Россия);
В. В. Савчук (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия);
С. З. Семерник (Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Беларусь);
С. В. Тихонова (Саратовский национальный исследовательский государственный университета им. Н. Г. Чернышевского, Россия);
Е. О. Труфанова (Институт философии РАН, Москва, Россия);
О. А. Фихтнер (Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия);
Н. А. Хренов (Государственный институт искусствознания, Москва, Россия);
О. К. Шевченко (Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия).

Редакция:

- Н. А. Кащей (Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия);
Т. А. Афанасьева (Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия);
С. В. Донских (Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Беларусь);
В. В. Матвеев (Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия);
В. А. Смирнов (Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия);
В. О. Шипулин (Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия).

Переводчик: Н. В. Данейкина.

Технический редактор: Д. А. Ванюшкин.

Учредитель и издатель

ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого»

Адрес учредителя и издателя: 173003, Россия, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41. Телефон: 8 (8162) 627244

Адрес редакции: 173003, Россия, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41, ауд. 3402. Телефон: 8 (8162) 338830

E-mail: experience@novsu.ru

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Выписка из реестра зарегистрированных средств массовой информации № ФС77-83574 от 13 июля 2022 г.

Официальный сайт издания: <https://eiscrt.press>

Дата выхода: 15.05.2024.

© Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2024

© Авторы статей, 2024.

Все права защищены

(16+)

Experience industries. Socio-Cultural Research Technologies (EISCRT), 2024, 2 (7).

Editor-in-Chief

S. A. Malenko (Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

A. G. Nekita (Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia)

Editorial Board:

- E. V. Bykova (Saint-Peterburg State University (SpbU), Russia);
G. V. Varakina (Russian State University named after I.I. A.N. Kosygin (Technology. Design. Art), Moscow, Russia);
A. P. Voevodin (Luhansk State Academy of Culture and Arts named after M. Matusovsky, Russia);
O. A. Gabrielyan (V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia);
D. P. Gavra (Saint-Peterburg State University (SpbU), Russia);
V. C. Dobрева (University of Library Science and Information Technology, Sofia, Bulgaria);
V. E. Dobrovolskaya (Russian State University named after I.I. A.N. Kosygin (Technology. Design. Art), Moscow, Russia);
A. B. Efremkov (Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia);
E. N. Kornilova (Moscow State University (MSU), Moscow, Russia);
N. A. Lukyanova (Tomsk Polytechnic University, Russia);
B. V. Markov (Saint-Peterburg State University (SpbU), Russia);
Nebi Mehdiyev (Trakiy University, Edirne, Turkey);
A. V. Pavlov (Higher School of Economics, Moscow, Russia);
O. V. Popova (RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia);
V. V. Savchuk (Saint-Peterburg State University (SpbU), Russia);
S. Z. Semernik (Yanka Kupala State University of Grodno, Belarus);
S. V. Tikhonova (Saratov State University (SSU), Russia);
E. O. Trufanova (RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia);
O. A. Fikhtner (Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia);
N. A. Hrenov (State Institute of Art Studies, Moscow, Russia);
O. K. Shevchenko (V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia).

Editorial:

- N. A. Kashchey (Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia);
T. A. Afanasieva (Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia);
S. V. Danskikh (Yanka Kupala State University of Grodno, Belarus);
V. V. Matveev (Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia);
V. A. Smirnov (Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia);
V. O. Shipulin (Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia).

Translation Editor: N. V. Daneykina.

Technical Editor: D. A. Vanyushkin.

Founder and editor

FSBEI HE "Yaroslav-the-Wise Novgorod State University".
Address of founder and editor: 173003, Russia, Veliky Novgorod,
ul. B. St. Petersburgskaya, 41. Tel.: 8 (8162) 627244.

Corresponding address: 173003, Russia, Veliky Novgorod,
ul. B. St. Petersburgskaya, 41, of. 3402. Tel.: 8 (8162) 338830.

E-mail: **experience@novsu.ru**

The edition is registered by the Federal Service for Supervision
in the Sphere of Communications,
Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor).

Extract from the register of registered
mass media No. FS77-83574 dated July 13, 2022.

Official website of the edition: **<https://eiscrt.press>**

Release date: 15.05.2024.

© **Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, 2024.**

© **Authors of articles, 2024.**

All rights reserved.

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

Колонка главного редактора. Образы потребительского мировоззрения: история, повседневность, горизонты. Сергей Маленко	9
--	----------

рефлексии

Вариативность мировоззренческого опыта: бриколаж vs «синяя таблетка». Сергей Борисов	21
--	-----------

традиция

Сюжетный твист с игрой сознания в кино: герой скорее жив, чем мертв. Татьяна Лефман, Екатерина Егорова	56
--	-----------

Услужить индустриям ностальгии: мифология советского Чебурашки в лабиринтах потребительской безысходности. Андрей Некита, Сергей Маленко	86
--	-----------

Мифологическая котоматрица общества потребления: от кормушки до лоточка. Софья Резвушкина	127
---	------------

Эволюция российской байк-культуры: от «Безумного Макса» до «Ночного Волка». Елена Семенова	156
--	------------

дело вкуса: впечатления консьера

Мифопоэтика Архадерессе (история в бокале вина).
Олег Шевченко, Анна Дорофеева..... 188

горизонты

Репрезентации повседневности и образы
технологического будущего: по следам комментариев в
социальных медиа.
Анна Шавлохова, Александр Брагин..... 226

рецензии

Рецензия на книгу Е. Г. Хамдан «Учимся понимать
русские новости» (2020 г.).
Майрамгул Жумабаева..... 262

CONTENTS OF THE ISSUE

Editor-in-Chief's column. Images of the consumer worldview: history, the everyday, horizons.
Sergey Malenko 9

reflections

Variability of worldview experience: bricolage vs "blue pill".
Sergey Borisov 21

tradition

A plot twist with the play of consciousness in the cinema: the hero is more alive than dead.
Tat'yana Lefman, Ekaterina Egorova..... 56

Serving the nostalgia industries: the mythology of the Soviet Cheburashka in the labyrinths of consumer despair.
Andrey Nekita, Sergey Malenko..... 86

The mythological cat-matrix of consumerist society: from feeder to cat litter.
Sofia Rezvushkina..... 127

Evolution of russian bike culture from Mad Max to Night Wolf.
Elena Semenova..... 156

a matter of taste: connoisseur's impressions

The mythopoetics of the Archaderesse (a story in a glass of wine).

Oleg Shevchenko, Anna Dorofeeva 188

horizons

Representations of everyday life and images of the technological future: following comments on social media.

Anna Shavlokhova, Aleksandr Bragin..... 226

reviews

Review of the book by E. G. Hamdan "Learning to understand Russian news" (2020).

Mairamgul Zhumabaeva..... 262

Колонка главного редактора

Сергей Маленко,
Новгородский государственный
университет имени Ярослава
Мудрого
(Великий Новгород, Россия).

Sergey Malenko,
Yaroslav-the-Wise Novgorod
State University
(Veliky Novgorod, Russia).

[https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2\(7\)-9-19](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2(7)-9-19)

ОБРАЗЫ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ: ИСТОРИЯ, ПОВСЕДНЕВНОСТЬ, ГОРИЗОНТЫ

Дорогие читатели!

Редакция научно-практического сетевого издания «Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований / Experience industries. Socio-Cultural Research Technologies» (EISCRT) представляет Вам второй выпуск в текущем 2024 году. В номере представлены исследования особенностей потребительского мировоззрения, представленного в различных культурных и художественных практиках. Авторами выявляются наиболее яркие потребительские маркеры, наглядно

презентующие ключевые смыслы консюмеристской ментальности. Эти тенденции обуславливают существенную трансформацию современной культуры и позволяют выявить целый ряд актуальных социокультурных трендов, каждый из которых по-своему раскрывает многогранную природу постсовременности. Подобного рода исследования доминирующего сегодня потребительского формата индустрии впечатлений дают возможность зафиксировать основные особенности сложившихся антропологических практик и определить главные направления трансформации их политического и социокультурного менеджмента.

Рубрика «Рефлексии» со статьей челябинского философа Сергея Борисова «Вариативность мировоззренческого опыта: бриколаж vs «синяя таблетка»» знакомит читателя с обобщениями по поводу принципов организации мировоззрения, которые автор соотносит с бриколажем как сутью познавательного процесса. Он обоснованно утверждает, что бриколаж позволяет современному человеку полноценно встраиваться в изменяющийся мир и находить наиболее адекватные форы реализации своих желаний и жизненных целей.

Статья архангельских исследователей Татьяны Лефман и Екатерины Егоровой открывает рубрику «Традиции» и рассказывает читателям о методиках анализа современных кинофильмов, интерпретируемых как отражение диалогической природы человеческого сознания. Современные кинопрактики в пространстве массовой культуры во многом выстраиваются по

примеру «сюжетного твиста», что провоцирует зрителя на формирование комплекса игровых стратегий, развивающих его сознание. Отметим, что оригинальные авторские обобщения были сделаны на основании многолетних исследований студенческой аудитории, вычленении и характеристике особенностей ее восприятия остросюжетных популярных фильмов.

Новгородские авторы Андрей Некита и Сергей Маленко открывают серию статей, посвященных феномену Чебурашки, вновь актуализированному в пространстве современной экранной культуры в связи с одноименной экранизацией начала 2023 года. Они пытаются разобраться в природе небывалого коммерческого успеха этого фильма и утверждают, что в значительной мере он был обеспечен существенными трансформациями российского общества. Во многом это было обусловлено специальной военной операцией на Украине, которая с новой силой активировала ностальгию по советской культуре в современном российском обществе, что превратило этот образ в крайне востребованный идеологический маркер.

Софья Резвушкина из Челябинска вот уже много лет анализирует современные маркеры популярной и массовой культуры. В нашем издании она представляет промежуточные результаты своих изысканий. Опираясь на обширный визуальный материал современной массовой культуры, она совершенно справедливо утверждает, что образы котов и кошек перестают выполнять исключительно развлекательную функцию, превращаясь в полноценные и самодостаточные идеологические

конструкты, позволяющие воспроизвести модели поведения индивида в обществе потребления от рождения до самой смерти. Таким образом создается и транслируется идеологическая «котоматрица», наглядно и всесторонне выражающая стратегию гедонистической мифологизации социокультурного пространства. Она тотально включает в себя всю сущность пути современного Героя, заключающуюся, по мнению нашего автора во всеобъемлющей потребительской формуле: «от кормушки до лоточка».

Елена Семенова, директор Некоммерческого партнерства «Театр-ЭКС» из Москвы анализирует символику байкера в современной экранной культуре. На материале субкультуры «Ночные волки» автор утверждает возрастающее влияние на нее австрало-североамериканской серии постапокалиптических фильмов «Безумный Макс», а также дополнительное воздействие элементов народного фольклора, что обуславливает появление нового образа героя-воина и создание особой, так называемой «волчьей эпопеи». Комплексное осмысление подобных байкерских культурных практик закономерно и обоснованно осуществляется автором с опорой на целый ряд научных теорий.

Рубрика «Дело вкуса: впечатления коносьера» продолжает знакомить читателей с принципами мифопоэтической реальности вина. Олег Шевченко и Анна Дорофеева в этот раз исследуют особенности терруара Козской и Туклукской долин, миф которого веками складывался под влиянием пребывания в Судаке эллинов, генуэзцев и турок-османов. Авторы утверждают, что

винодельческая традиция на территории Солнечной Долины не прерывался никогда, что позволило сохранить более пятидесяти аборигенных сортов винограда, послуживших основой создания целого ряда уникальных историко-сказочных образов, неразрывно связанных с различными марками крымских вин.

Томские исследователи Анна Шавлохова и Александр Брагин в рубрике «Горизонты» изучают влияние технологических достижений на массового потребителя информации в актуальной сегодня цифровой форме. Они утверждают, что это обуславливает формирование образа будущего и особенности его презентации в социальных медиа. Ученые приходят к выводу о том, что сетевые образы воспроизводят повседневность с соответствующими ей ценностно-смысловыми установками, что непосредственно обуславливает формирование в обществе определенного эмоционального отношения к технологическому благополучию России.

И завершает второй номер издания рецензия Майрамгул Жумабаевой из университета Раштрия Ракша (Индия) на книгу Елены Хамдан «Учимся понимать русские новости». Индийская коллега представляет свое экспертное мнение по поводу учебного пособия, адресованного иностранцам, осваивающим русский язык на базовом уровне. Она особенно подчеркивает, что формирование языковой компетенции на основе современных медиаресурсов, которые, помимо аналитических форм освоения языка, предполагают формирование образного и эмоционального отношения к богатству иностранной, в данном случае, русской

речи, что и составляет, по справедливому мнению автора, основу эффективной межкультурной коммуникации.

Редакция сетевого издания выражает особую благодарность авторам выпуска за интересные и дискуссионные материалы. Несомненно, они найдут своего читателя и вызовут всплеск мнений, эмоций и образов, которые послужат дальнейшему изучению пространства культуры, как яркой и многообразной палитры современных индустрий впечатлений.

Для цитирования статьи:

Маленко, С. А. (2024). Образы потребительского мировоззрения: история, повседневность, горизонты. *Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT)*, 2(7), 9–19. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2\(7\)-9-19](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2(7)-9-19)

Editor-in-Chief's Column

[https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2\(7\)-9-19](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2(7)-9-19)

IMAGES OF CONSUMER WORLDVIEW: HISTORY, THE EVERYDAY, HORIZONS

Dear readers!

Editorial board of the scientific and practical online publication "Experience industries. Socio-Cultural Research Technologies" (EISCRT) presents the second edition in the current year 2024. The issue presents research into the characteristics of the consumer worldview, represented in various cultural and artistic practices. The authors identify the most striking consumer markers that clearly present the key meanings of the consumerist mentality. These trends determine a significant transformation of modern culture and make it possible to identify several current sociocultural trends, each of which in its own way reveals the multifaceted nature of postmodernity. This kind of research into the dominant consumer format of the experience industry today allows recording the main features of existing anthropological practices and determining the main directions for the transformation of their political and sociocultural management.

The "Reflections" section with the article by Chelyabinsk philosopher Sergei Borisov "Variability of worldview experience: bricolage vs "blue pill"" introduces the reader to generalizations about the principles of worldview organization, which the author correlates

with bricolage as the essence of the cognitive process. He reasonably argues that bricolage allows a modern man to fully integrate into the changing world and find the most adequate ways to realize their desires and life goals.

An article by Arkhangelsk researchers Tatyana Lefman and Ekaterina Egorova opens the "Traditions" section and tells readers about methods for analyzing modern films, interpreted as a reflection of the dialogic nature of human consciousness. Modern film practices in the space of mass culture are largely built on the example of the "plot twist", which provokes the viewer to form a set of game strategies that develop their consciousness. It should be noted that the original author's generalizations were made based on many years of research of the student audience, identifying and characterizing the features of their perception of action-packed popular films.

Novgorod authors Andrey Nekita and Sergey Malenko open a series of articles devoted to the phenomenon of Cheburashka, actualized in the space of modern screen culture in connection with the film adaptation of the same name in early 2023. They are trying to understand the nature of the unprecedented commercial success of this film and argue that it was largely due to significant transformations of Russian society. This was largely due to the special military operation in Ukraine, which activated nostalgia for Soviet culture in modern Russian society with renewed vigor, which turned this image into an extremely popular ideological marker.

Sofya Rezvushkina from Chelyabinsk has been analyzing modern markers of popular and mass culture for many years. In our publication,

she presents the intermediate results of her research. Based on the extensive visual material of modern mass culture, she quite rightly asserts that images of cats cease to perform an exclusively entertainment function, turning into full-fledged and self-sufficient ideological constructs that make it possible to reproduce individual behavior patterns in a consumer society from birth to death. In this way, an ideological "cat matrix" is created and transmitted, clearly, and comprehensively expressing the strategy of hedonistic mythologization of the sociocultural space. It totally includes the entire essence of the path of the modern Hero, which, according to our author, consists in a comprehensive consumer formula: "from trough to tray".

Elena Semenova, director of the Non-Profit Partnership "Theatre-EX" from Moscow, analyzes the symbolism of the biker in modern screen culture. Based on the material of the "Night Wolves" subculture, the author asserts the growing influence on it of the Australian-North American series of post-apocalyptic films "Mad Max", as well as the additional influence of elements of folklore, which leads to the emergence of a new image of a warrior hero and the creation of a special, so-called "wolf epic". A comprehensive understanding of such biker cultural practices is naturally and reasonably carried out by the author, relying on several scientific theories.

The section "A Matter of Taste: Connoisseur's Impressions" continues to acquaint readers with the principles of the mythopoetic reality of wine. Oleg Shevchenko and Anna Dorofeeva explore the features of the terroir of the Koz and Tukluk valleys this time, the myth

of which was formed over centuries under the influence of the presence of the Hellenes, Genoese, and Ottoman Turks in Sudak. The authors claim that the winemaking tradition in the territory of the Sun Valley was never interrupted, which made it possible to preserve more than fifty indigenous grape varieties, which served as the basis for the creation of several unique historical and fairy-tale images inextricably linked with various brands of Crimean wines.

Tomsk researchers Anna Shavlokhova and Alexander Bragin, in the "Horizons" section, study the impact of technological advances on the mass consumer of information in today's digital form. They argue that this determines the formation of the image of the future and the features of its presentation in social media. Scientists conclude that network images reproduce everyday life with corresponding value and semantic attitudes, which directly determines the formation of a certain emotional attitude towards the technological well-being of Russia in society.

The second issue ends with a review by Mairamgul Zhumabaeva from Rashtriya Raksha University (India) on Elena Hamdan's book "Learning to understand Russian news". An Indian colleague presents her expert opinion on a textbook addressed to foreigners mastering Russian language at a basic level. She especially emphasizes that the formation of linguistic competence based on modern media resources, which, in addition to analytical forms of language acquisition, involves the formation of a figurative and emotional attitude to the wealth of foreign, in this case, Russian speech, which, in the fair opinion of the author, constitutes the basis of effective intercultural communications.

The editors of the online publication express special gratitude to the authors of the issue for interesting and controversial materials. Undoubtedly, they will find their reader and cause a surge of opinions, emotions and images that will serve to further study the space of culture, as a bright and diverse palette of modern experience industries.

For article citations:

Malenko, S. A. (2024). Images of the consumer worldview: history, the everyday, horizons. *Experience industries. Socio-Cultural Research Technologies (EISCRT)*, 2(7), 9–19. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2\(7\)-9-19](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2(7)-9-19)

рефлексии

УДК 130.2

5.7.8. Философская антропология, философия культуры
[https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2\(7\)-21-54](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2(7)-21-54)

ВАРИАТИВНОСТЬ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОГО ОПЫТА: БРИКОЛАЖ VS «СИНЯЯ ТАБЛЕТКА»

Сергей Борисов,
*Южно-Уральский
государственный
гуманитарно-педагогический
университет
(Челябинск, Россия).*

Sergey Borisov,
*South Ural State Humanitarian
and Pedagogical University
(Chelyabinsk, Russia).*

*ORCID: 0000-0003-0335-4405
e-mail: borisovsv69@mail.ru*

Для цитирования статьи:

Борисов, С. В. (2024). Вариативность мировоззренческого опыта: бриколаж vs «синяя таблетка». *Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT), 2(7), 21-54.*
[https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2\(7\)-21-54](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2(7)-21-54)

Аннотация: мировоззренческий опыт структурируется как бриколаж. Бриколаж глубоко укоренился в культуре и составляет суть любого познавательного процесса. При этом не имеет значения какие именно познавательные модели используются. Бриколаж всегда был и будет эпистемологией по умолчанию. То есть, собирание воедино всего того, что обнаружено случайно, всегда было основным способом получения знаний. Именно интересубъективность запускает процесс от фактов к данным, а затем от данных к истине, причем термин «истина» в этом социально-культурном контексте как правило подменяется терминами «система убеждений» или «метанарратив». Поэтому индивидуальная система убеждений будет

ориентироваться только на те факты и данные, которые ее укрепляют и поддерживают. Однако любая индивидуальная «истина» будет подвергаться постоянному пересмотру поскольку находится в тесном контакте с реальностью, которая на самом деле почти всегда оказывается не такой, какой представляется. Таким образом, формируется новый бриколаж, обретается новый мировоззренческий опыт. В то время как формализованные способы (стили) мышления стремятся к сдерживанию, бриколаж охватывает внешнее и случайное и обеспечивает развитие.

Ключевые слова: мировоззрение, стиль мышления, бриколаж, жизненный мир, культурная семантика.

Методологическое введение

В теории сложных систем эмерджентный процесс – это процесс, возникающий в результате коллективной самоорганизации. Эмерджентный процесс принадлежит ансамблю или сети элементов, возникает спонтанно в результате локально ограниченных и глобально ограниченных (контролируемых) взаимодействий этих элементов и не принадлежит ни одному отдельному элементу. По сути, речь идет о «динамической коэмерджентности» [Thompson 2007: 38], в которой часть и целое совместно возникают и взаимно определяют друг друга.

Эмерджентность как коллективная самоорганизация имеет два аспекта. Один из них – детерминация от локального к глобальному, в результате которой возникают новые структуры и процессы на макроуровне. Другой – глобально-локальная детерминация, при которой глобальные структуры и процессы ограничивают локальные взаимодействия. Согласованное и упорядоченное глобальное поведение, описываемое параметрами порядка, сдерживает или регулирует поведение отдельных компонентов, сковывая их таким образом, что они уже не

имеют тех альтернатив поведения, которые были бы у них, если бы они не были взаимозависимо вплетены в согласованную и упорядоченную глобальную модель. В то же время поведение компонентов порождает и поддерживает глобальный порядок. Такая двусторонняя или двойная детерминация носит название «круговой причинности» [Хакен 1980].

*Кристаллизация воды как пример эмерджентного процесса.
Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://clck.ru/35Xtgw>*

Эмерджентность и круговая причинность чрезвычайно важны, например, в контексте нейродинамики. Нейронаука показывает, что мышление, эмоции и действия являются результатом интеграции многочисленных, широко распределенных и постоянно взаимодействующих областей и зон мозга. Актуальным вопросом нейронауки является определение механизмов этой крупномасштабной интеграции. С точки зрения динамических систем, крупномасштабная интеграция соответствует

формированию преходящих динамических связей между нейронными популяциями [Varela et al. 2001]. С одной стороны, крупномасштабные динамические паттерны возникают в результате распределенной локальной активности нейронов. С другой стороны, эти паттерны сдерживают локальную активность. В этом контексте динамическая нестабильность или метастабильность имеет решающее значение для крупномасштабной интеграции, поскольку она обеспечивает гибкий репертуар глобальных состояний, не позволяя системе «застрять» в каком-либо одном конкретном состоянии.

Компоненты мировоззренческого опыта: стиль мышления

В контексте теории сложных систем мировоззренческий опыт тоже можно рассматривать как результирующий эмерджентного процесса, глобальным уровнем которого будет стиль мышления, свойственный тому или иному мировоззрению, возникший в результате локальных взаимодействий его сетевых семантических структур. Ведь стиль мышления – это не только различия в смысловых нюансах слов и выражений, которые используются в языке, но, главным образом, определенный способ их взаимосвязи, их смысловая структура, форма, которая определяет границы мышления и общую готовность «творцов» и потребителей культуры видеть окружающий мир определённым образом и иметь, исходящие из этого видения ценностные предпочтения, и осуществлять действия, обусловленные этими предпочтениями.

Иными словами, представления об «истине» и «факте», бытующие в

культуре, целиком и полностью предзаданы стилем мышления ее представителей.

В повседневной жизни человек обычно специализированно («тематически») погружен в различные ситуации и проекты, будь то профессия, увлечение, социальные связи. Но, помимо этого, человек также обращен к миру как неспециализированному («нетематическому») горизонту всей его активности [Гуссерль 2013]. Это то, что феноменология называет «естественной установкой» и характеризует как неререфлексивное «полагание» мира как чего-то существующего «там», независимо от нас. Подобный «горизонт» определяет стиль мышления, поскольку представляет собой жизненный мир человека, то есть культурную, историческую и intersubъективную конституцию сообщества людей.

Генеративная феноменология исследует историческое, социальное и культурное становление человеческого опыта. Жизненный мир – это мир повседневности, он всегда уже предзадан и служит горизонтом всей человеческой деятельности, как практической, так и теоретической. Жизненный мир формирует особый стиль мышления, свойственный мировоззрению, который никогда не будет точно соответствовать строго научному представлению об «объективной природе». Конечно, этот стиль мышления не отвергает достижения науки, поскольку влияние научного опыта в современной культуре проявляется повсеместно. Научные представления неизбежно «перетекают» в повседневный мир через технологии и социальные практики. Однако жизненный мир причудливым способом синтезирует науку с другими сферами

мировоззренческого опыта, такими как мифология, искусство, философия, религия, что находит отражение в специфическом стиле мышления.

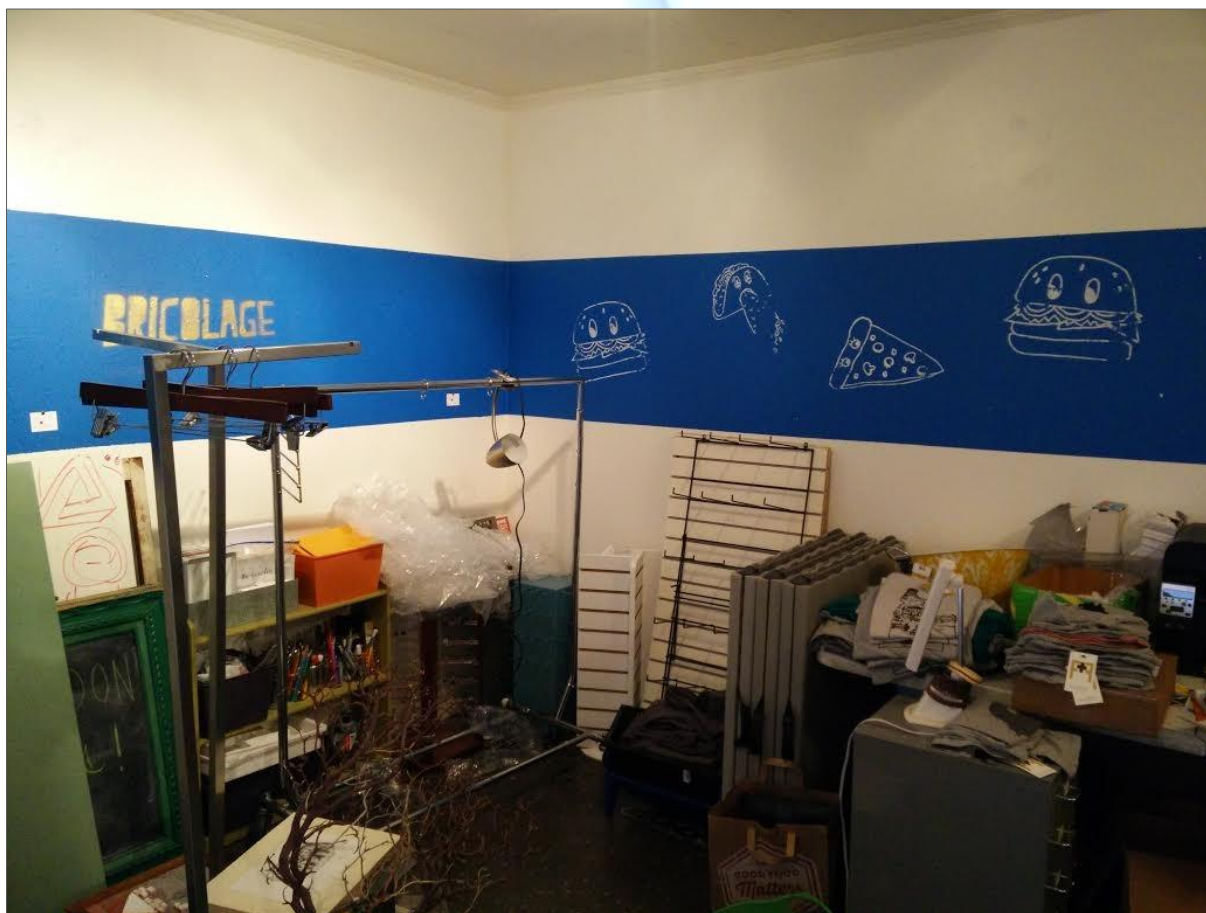
Компоненты мировоззренческого опыта: бриколаж

Подобные локально ограниченные системы, синтетические образования по способу структурирования своих элементов представляют собой бриколаж [Tarkington 2023]. Бриколаж – это конструкция (как воплощенная, так и идеальная), достигаемая использованием всего, что «попадет под руку» с учетом изменчивости и вариативности окружающей среды. Сам термин «бриколаж» стал популярен в начале 1950-х годов благодаря научным исследованиям К. Леви-Стросса, который использовал его для характеристики первобытной культуры [Леви-Стросс 1994]. С тех пор указанный термин нашел применение во многих областях, от искусства до социальных наук. Вероятно, это связано с тем, что многие мыслители расширяли его значение, усматривая в нем что-то свое, так или иначе соответствующее методологии их подхода. Возьмем, к примеру, исследование Ж. Делёза и Ф. Гваттари «Анти-Эдип» [Делёз & Гваттари 2008], где бриколаж приравнивается к желанию или к «шизофреническому производству» – тому, что творится на уровне импульса, вынося за скобки сознательного субъекта и растворяя его в подсистемах, подчиненных принципу «Подключи и забудь».

Кульминацией этого подхода является работа «Что такое философия?» [Делёз & Гваттари 2009], в которой авторы выводят

специфику философии, в отличие от искусства и науки, в конструировании понятий. Эта эпистемология не лишена творчества и случайности, что позволяет характеризовать философию как концептуальную игру или бриколаж ради создания еще более глубоких понятий. Хотя об этом не говорится прямо, но по стилю изложения можно судить как сами философы «играют» концепциями из разных областей знания, заимствуют их у разных авторов, по-видимому, просто ради того, чтобы увидеть, что получится в итоге этого эмерджентного процесса, подключая весь имеющийся под рукой потенциал культуры.

Такого рода постмодернистская игра и стилизация типичны для континентальной философии, особенно французской, начиная от постструктурализма середины XX века через постмодерн до наших дней. Истоки его можно увидеть и в более ранних философских опытах Ж.-П. Сартра и М. Хайдеггера, а также еще в XIX веке, например, у Фр. Ницше. В самом деле, конструктивность случая и хаоса – вот что отличает континентальную философию от аналитической философии. Это также вопрос стиля и подхода. Перефразируя Б. Рассела, можно сказать, что на ничейной земле между наукой и искусством континентальная философия склоняется к художественной стороне спектра, в то время как аналитический подход тяготеет к науке [Рассел 1998: 6]. Исключение, пожалуй, составляет подход Э. Гуссерля, который требовал от философии, чтобы она была научной. Но тем не менее континентальная феноменология пошла по конструктивистскому пути, начиная с Хайдеггера, Сартра и Мерло-Понти.

Средства для создания бриколажа.

Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://clck.ru/35XuvY>

Если держать в фокусе внимания первоначальное значение понятия «бриколаж», предложенное К. Леви-Строссом, то конструктивистская инженерия отличается от бриколажа тем, что она использует понятия, а бриколаж – знаки. Внимание Леви-Стросса как антрополога было сосредоточено на более «примитивных» творческих актах, по сравнению с современными эпистемическими конструкциями. Мы же рассматриваем бриколаж как семантическую систему, находящуюся в «круговой

причинности» со стилем мышления в контексте совокупного мировоззренческого опыта.

Бриколаж как эмерджентный процесс познания

Сам термин «бриколаж» происходит от глагола *bricoler*, что означает «мастерить», что указывает на то, что большинство творческих начинаний требуют некоторого мастерства, в котором присутствуют случайные и спонтанные аспекты, на что К. Леви-Стросс также обращал внимание, характеризуя «первобытный бриколаж». Можно утверждать, что даже самые развитые и современные семантические конструкции (стили мышления), как бы научнообразно они ни выглядели, структурировались именно как бриколаж, следовательно, «генетически» обусловлены изменчивостью и вариативностью культуры, ее высокой динамикой.

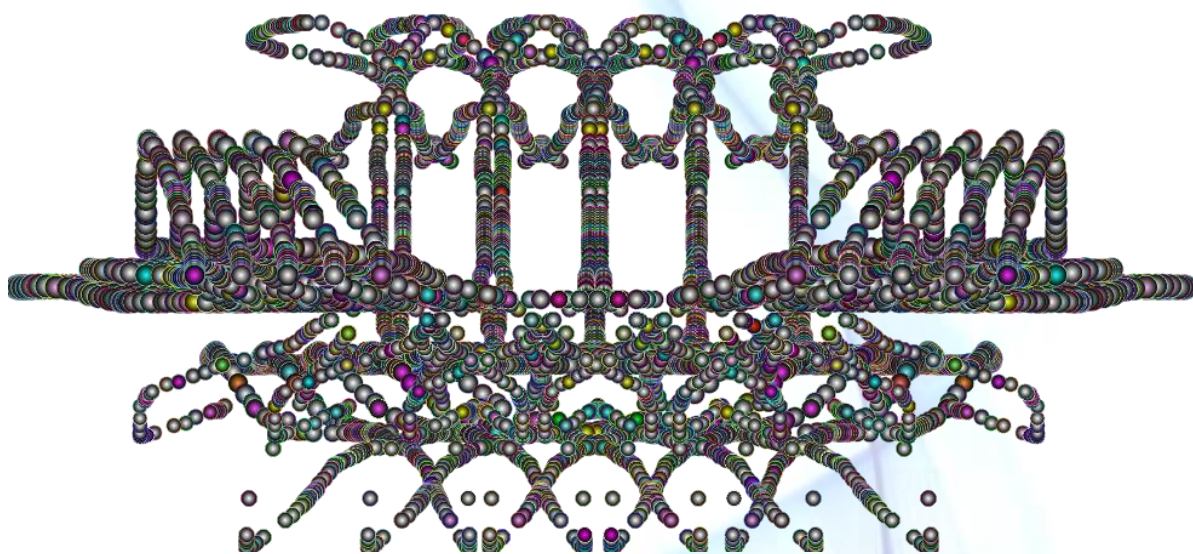
Мы полагаем, что бриколаж насколько глубоко укоренился в культуре, что представляет собой суть познавательного процесса в целом, как его понимают сейчас. При этом не имеет значения какие модели разрабатываются для знания и понимания того, что мы знаем. Бриколаж всегда есть собирание воедино того, что обнаружено случайно. Именно многообразие комбинаций знания создает эффект «новизны», ведущий к трансформации стиля мышления и мировоззренческого опыта в целом.

Бриколаж основан на базовой способности мышления – способности сопоставлять. Образы и сюжеты культуры являются продуктом сопоставления в многообразных комбинациях. Возьмем к примеру, воображение, которое особенно ярко реализует себя в

снах. Исследуя активность мозга, мы можем понять его «механику». Так сны, по мысли Зигмунда Фрейда, есть «королевская дорога к подсознанию» [Фрейд 2022]. Но если детально рассмотреть эту «первобытную, непослушную и импульсивную натуру подсознания» [Фрейд 2022], то мы увидим, что такая деятельность, способная создавать столь сложные и четко структурированные символические системы, на которых «паразитируют», например, так называемые толкования сновидений, обусловлена также сознательным мировоззренческим опытом.

Или возьмем систематизированный сексуальный символизм Фрейда, в контексте которого сны есть набор коротких, постоянно сменяемых сюжетов: вот я обнимаю женщину, которая отвечает мне взаимностью; вдруг она исчезает, и я начинаю бродить в толпе по какому-то парку развлечений, пытаюсь найти беглянку, но при этом испытывая желание покататься на аттракционах; затем я еду на машине, пытаюсь добраться до работы, или брожу по нескончаемому лабиринту, понимая, что опаздываю. Фрейдист без труда по этим обрывкам сна определит мою фрустрацию, ведь по статистике от 70 % до 80 % снов указывают на это. Что мы здесь видим? Типичный символический бриколаж, наследуемый еще от первобытности, но сконструированный уже из элементов современной культуры.

Относительно роли сновидений можно сказать, что это обратная сторона пластичности мышления, особенно с точки

Конструирование образов сновидения. Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://clck.ru/35XvNH>

зрения того, что хранится в памяти. Для умственной деятельности нет различий бодрствования или сна, она проявляет себя и в том, и в другом состоянии. Сновидения есть ментальная инвентаризация, в ходе которой ментальные единицы из опыта прошлого случайным образом сопоставляются с другими единицами, находящимися в памяти. В результате получается своеобразный гибрид в виде странных образов сна. Однако на рациональном уровне (стиль мышления) существуют столь же гибридные формы идей, которые по той или иной причине достигают резонанса в мировоззренческом опыте и имеют тенденцию повторяться.

Можно легко совместить этот процесс «конструирования» бриколажа сновидений как с творческим, так и с познавательным процессами. Произведения искусства формируются путем накопления базовых единиц опыта, приносящих удовольствие, будоражащих чувства, которые можно случайным образом сопоставлять, пока они не соберутся в более крупную

совокупность. То же самое можно сказать и о процессе мышления, когда осуществляется выход в мир за границы «мировоззренческой раковины» [Ясперс 2021], а затем полученный опыт проецируется обратно на мировоззренческие схемы, сопоставляется, смешивается и сочетается с ними, пока не будет найдена более удачная новая комбинация.

В том, как человек накапливает и обрабатывает знания видится аналогичная динамика. Отдельные факты собираются и преобразуются в данные, структуры которых, согласно определённому стилю мышления, будут называться истиной. Подобно сновидениям, это, как правило, случайный процесс выбора и сопоставления различных единиц информации и данных наблюдения, осуществляемый для того, чтобы обрести новый мировоззренческий опыт, узнать, как эти единицы работают (или не работают) в контакте с реальностью и провести отсев ненужного.

Всё, что «попадает под руку» при построении знания, согласно определённому стилю мышления именуется «фактом» только в том случае, если эта индивидуальная единица информации помещается в мировоззренческую матрицу данных. Факты также могут принимать формальное выражение, например, если я говорю: «я написал эту статью», то для того, чтобы быть фактом, это утверждение должно подтверждаться моим опытом. Если в науке к факту относятся более формально, то неформальное отношение мировоззренческого опыта допускает

индивидуальность, переживания, убеждения, но в любом случае какие-то аргументы (то есть группировка данных) необходимы.

«Фармакон» мировоззренческого опыта: «синяя таблетка»

Проблемы возникают в процессе сопоставления (группировки) собранных данных. Совокупность данных дает более широкую картину реальности за счет того, что показывает, как эти данные связаны друг с другом, но более широкая картина всегда сталкивается с риском быть фальсифицированной какими-то еще ранее не обнаруженными фактами.

Например, я, как курильщик, получаю некоторое утешение от пробелов в статистике, касающейся курения. Можно, конечно, подсчитать количество курильщиков, которые заболевают определенными заболеваниями или умирают и сравнить эту статистику с некурящими. Но чего никогда нельзя подсчитать, так это совокупность всех факторов, которые влияют на эту статистику заболеваний и смертей, и понять насколько решающую роль в совокупности этих факторов играет собственно курение. Кроме того, какова бы ни была статистика, для меня в этом вопросе всегда решающее значение будет иметь мой личный мировоззренческий опыт.

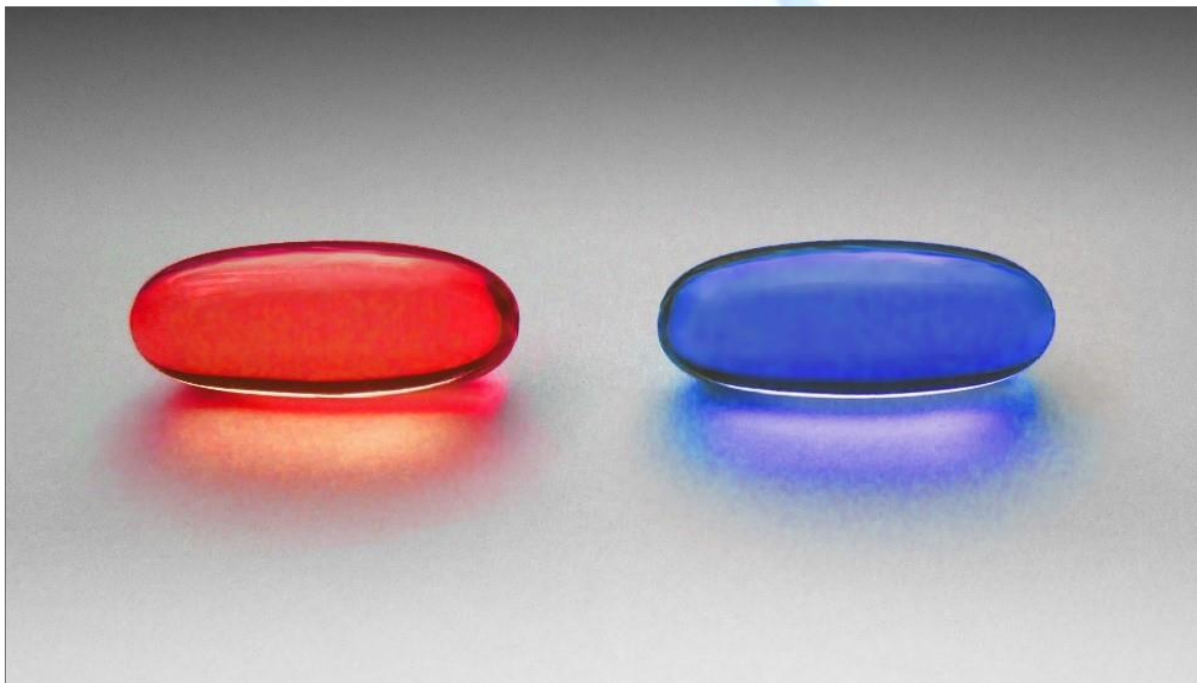
Таким образом, истиной будет только то, что хорошо работает в определенной системе мировоззренческих координат, когда в соответствии с локально структурируемым бриколажем накопление и сопоставление собранных данных считается достаточно оправданным.

Поэтому, в силу изменчивости и вариативности мировоззренческого опыта, существует немало людей, подверженных дезинформации. Они принимают своего рода «фармакон» (Платон) [Деррида 2017], замедляющий процесс трансформации мировоззренческого опыта. Есть те, кто просто верит; а есть и те, кто верит истово. Эта вера является следствием «символического» преодоления когнитивного диссонанса, когда отрицается сама возможность конструирования альтернативных бриколажей. Истово верующие не просто оспаривают противоположные позиции: для них идея, которую они отвергают, просто невысказана (не вписывается в их привычный стиль мышления), и никакими аргументами и доказательствами их нельзя убедить в обратном, ибо ограниченность и ригидность своего стиля мышления они принимают за «объективные» границы реальности. Они будут стоять на своем даже перед лицом неоспоримых фактов.

В эпистемологическом смысле они живут в своей собственной «привилегированной» реальности – подобно героям фильма «Матрица», которые предпочли принять «синюю таблетку», чтобы продолжить существовать в фантомном мире. В этом контексте «синяя таблетка», как отказ от взаимодействия с реальностью во всей ее изменчивости и вариативности, это стойкое нежелание выстраивать бриколаж альтернативный прежнему на основе спонтанного, случайного, неизвестного, чем является реальность за границей «мировоззренческой раковины».

Следует констатировать, что приверженцы «синих таблеток» вовсе не безрассудны, не склонны к саморазрушению и не

представляют потенциальной опасности. В большинстве своем они психологически нормальны, движимы обычными психическими и социально-культурными побуждениями. Приверженцем «синих

Красная и синяя таблетки. Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://clck.ru/35XvhH>

таблеток» может стать каждый. Побудительным стимулом для этого могут быть обиды и страхи, острая потребность в порядке и контроле, обусловленная когнитивным диссонансом, негативизм, вызванный «ленивым разумом» (Г. В. Лейбниц) [Комаров 2007].

Ведь дело не только в том, чтобы ясно мыслить и всегда совершать рациональный выбор; дело в том, что для такого выбора нужна энергия воли, а ее-то и может перебивать беспокойство повседневных желаний. В «зазоры» стиля мышления мгновенно внедряется мощный поток иррациональных мотивов и желаний, который если не подвергается символическому структурированию, вызывает реакцию оцепенения, «сна наяву». Внимание

рассеивается, воля сменяется слепым желанием. Невозможность мыслить всегда обусловлена нежеланием мыслить. Так обнаруживается «ленивый разум», который проявляется, во-первых, в этом нежелании мыслить; во-вторых, в притворстве (ведь есть осознание нежелания мыслить, и связанная с ним потребность оправдываться за это нежелание); и в-третьих, в формирующейся привычке не мыслить [Некита & Маленко 2024: 116]. Спорить с людьми, «подсевшими» на «синие таблетки» – почти всегда пустая трата времени, особенно в эмоционально подогретой атмосфере социальных сетей.

Пробуждение сознания сопряжено с волевым усилием, связанным с решимостью строить бриколаж альтернативный прежнему. Пробужденное сознание не боится неопределенности и дезориентации, наоборот, рассматривает игру с неопределенностью как способ получения новых возможностей для своей работы. Извращенная, невежественная позиция – это бегство от взаимодействия с реальностью, которое достигается путем отключения сознания, сна наяву. Именно этой цели служит «синяя таблетка». Важно вовремя обнаружить в себе признаки такого извращенного мышления. Первый шаг – не отрицать проблему, «пограничную ситуацию», которая, по сути, есть осознание этой границы, линии столкновения «мировоззренческой раковины» с реальностью. Ведь долгое время за объективную реальность принимается горизонт «естественной установки». Через осознание границы появляется возможность исследовать ее, осознать собственное незнание, что, во-первых, является условием

самосознания и самопознания, а во-вторых, основой критического мышления.

Симптомы действия «синей таблетки»

Симптомы действия «синей таблетки» можно определить по нескольким признакам [Vaughn 2023]. Первый признак – наличие следующих автоматически включающихся реакций: отрицание любых фактов, статистических данных, аргументов или исследований, противоречащих моим убеждениям; искреннее принятие значимых для меня заявлений без опоры на доказательства; безоговорочная вера всему, что исходит от того, кого считаю своим авторитетом; любая информация, противоречащая моим убеждениям, автоматически рассматривается как фальшивая; отказ серьезно рассматривать точку зрения, которая вызывает у меня дискомфорт; склонность измышлять собственные и подтасовывать существующие «факты».

Второй признак – я не могу отстаивать свои взгляды, не полагаясь на подтверждающую информацию, поступающую исключительно из одного приоритетного источника.

Третий признак – в моей аргументации преобладают оценочные суждения. Все такие суждения производятся с целью победить в споре, найти наилучшую поддержку для заранее известного вывода, а не совместно искать истину. Противоположные точки зрения нужны исключительно для того, чтобы попытаться их опровергнуть, а не обеспечить с их помощью более глубокое понимание проблемы.

Четвертый признак – я могу сформулировать аргумент в пользу своей позиции только, если исхожу из следующих посылок: личная убежденность («я так чувствую», «я просто знаю», «это мне приятно или неприятно, поэтому...»); возведение частного во всеобщее («со мной был такой случай, следовательно, все и всегда...»); радикальное обобщение («если так говорить, тогда бы все и всегда...»); довод к человеку («этот человек мне нравится или не нравится, поэтому...»); отсылка к скрытым мотивам («кто говорит так, тот, наверное, имеет такие-то или такие-то скрытые намерения...»).

Пятый признак – я не могу разговаривать с кем-либо, кто выражает несогласие, не оскорбляя его, не насмехаясь над ним, не ругая его или не повышая на него голос. Сильные эмоции есть признак того, что мне не безразлично или же я возмущен с морально-этической точки зрения, однако чаще всего сильная эмоциональная реакция есть признак неуверенности в себе, осознание слабости собственного аргумента, проявление боязни ошибиться.

Итак, принимая во внимание процесс, о котором мы говорим, – от фактов к данным, а затем от данных к истине, – следует признать, что термин «истина» в широком социально-культурном контексте как правило подменяется терминами «система убеждений» или «метанарратив», то есть стилем мышления в границах определенного мировоззренческого опыта. Именно благодаря индивидуальной системе убеждений осуществляется подбор фактов и группировка данных, которые поддерживают такую систему. Это также допускает представление о том, что в

социально-культурном контексте у каждого есть своя «правда» – «истина», которая кажется оправданной для отдельного человека, однако подтверждение статуса истины всегда требует сопоставления с реальностью, что и определяет ее положение в «спектре истин» между сильными и слабыми полюсами этого спектра.

Например, в рамках структуралистского подхода к истине мировоззренческую интерпретацию культурно значимых текстов нельзя назвать произвольной. Тем не менее в социальном контексте мировоззренческая интерпретация всегда будет идти в разрез с реальностью текста, поскольку является intersубъективной. В этом смысле текст, как «всё, что подлежит интерпретации», невозможно рассматривать иначе как через интерпретацию схем и структур мировоззренческого опыта. Эти схемы и структуры intersубъективны и являются, по сути, эволюционной адаптацией к окружающей (культурной) среде, работающие в режиме «автопилота». Однако человеческое сознание обладает способностью выбирать к какой среде адаптироваться, а какой среде сопротивляться и преобразовывать ее.

Что есть безумие?

В качестве иллюстрации рассмотрим известную притчу Фридриха Ницше в контексте удивительной способности массового сознания игнорировать экзистенциальную угрозу. Однажды утром на рыночной площади, когда горожане наслаждались, как им кажется, началом обычного дня, из ниоткуда

появляется растрепанный человек с фонарем в руках. «Я ищу Бога! Я ищу Бога!» – кричит он всем подряд. Вскоре вокруг этого зрелища образуется толпа, и, поняв, что происходит, горожане не могут удержаться от смеха над нелепым видом сумасшедшего, который с фонарем наперевес ищет Бога. Сумасшедший, все более и более раздражаясь тем, что его не воспринимают всерьез, наконец, огрызается: «Где Бог? Я хочу сказать вам это! Мы его убили – вы и я!».

Ошеломленные горожане уже не смеются, а просто стоят в оцепенении. Устав от безуспешных попыток быть услышанным, безумец в последнем приступе ярости разбивает свой фонарь о землю и уходит, оставив горожанам последнее загадочное предупреждение: «Я пришел слишком рано, мой час еще не пробил. Это чудовищное событие еще в пути и идет к нам – весть о нем не дошла еще до человеческих ушей. Молнии и грому нужно время, свету звезд нужно время, деяниям нужно время, после того, как они уже совершены, чтобы их увидели и услышали. Это деяние пока еще дальше от вас, чем самые отдаленные светила, – и все-таки вы совершили его!» [Ницше 1990: 593].

Притча Ницше о безумце, написанная в конце XIX века, оказалась до жути точной для современной культуры. Западный мир в большинстве своем пребывал в блаженном неведении относительно того, что его наукообразный стиль мышления адаптировался для жизни без Бога (или, по терминологии Ницше, осуществлял планомерное убийство Бога) и не смог до конца осознать насколько катастрофичной окажется для него «смерть

Бога», если не будет выстроен новый альтернативный бриколаж. Однако «ницшеанский пророк» пришел слишком рано.

Тишбе́йн И. Диоген в поисках честного человека (1780).

Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://goo.su/UT9RVoF>

Перенесемся в сегодняшний день. Представьте себе, что однажды утром вы, привычно просматривая ленту социальных сетей, вдруг увидели видео, где человек кричит, что комета находится в шести месяцах от столкновения с Землей и что «Мы все умрем!». Уверенный, что это какой-то фейк, вы, тем не менее проводите небольшое исследование и узнаете, что кричащий человек на самом деле является уважаемым астрономом, и его выводы подтверждены научными данными.

Как бы мы отреагировали на это? Да и как бы отреагировал на это весь мир?

Именно такие вопросы поставил перед зрителем амбициозный фильм А. Маккея «Не смотрите наверх» (Don't Look Up) (2021 г.), и если «метанарратив» популярной культуры делает акцент на том, чтобы видеть в человечестве хорошее и быть оптимистично настроенным на то, что, какая бы катастрофа ни случилась, авторитетные люди (ученые, политики) все равно что-нибудь придумают, то после финальных титров этот оптимизм полностью улетучивается.

На первый взгляд кажется, что шокирующую информацию о том, что комета размером с Эверест находится в шести месяцах от столкновения с Землей, что грозит гибели цивилизации, легко донести до людей, и что, получив ее, каждый впредь будет стремиться сделать всё возможное, чтобы остановить падение кометы на Землю, и что серьезность ситуации приведет к исчезновению всех привычных глупых, бессодержательных забот и привязанностей и пробудит человечество от экзистенциальной спячки. Однако стоит задуматься, чем подобная вымышленная угроза отличается от огромного количества реальных угроз, в преддверии которых живет современное человечество. Взять, к примеру изменение климата. Конечно, данная угроза не кажется столь же апокалиптической, поскольку нарастает постепенно, а не случается мгновенно, хотя прогнозируемый результат тот же. Следовательно, если у нас нет возможности выстроить альтернативный бриколаж, то все прежние проверенные сценарии

адаптации и выживания окажутся бесполезными. Главные герои фильма Кейт (Дженнифер Лоуренс) и Рэндалл (Леонардо ДиКаприо) понимают это сразу же после того, как делают свое открытие и их накрывает «тошнота» экзистенциального ужаса. Но чем дальше они продвигаются по лестнице власти, чтобы сообщить о надвигающейся катастрофе, тем яснее становится невозможность преодоления ригидных схем мышления ее представителей.

Вот характерный диалог из этого фильма:

«Президент: Во что мне всё это обойдется?»

Минди: Существуют планы правительства, действия, которые мы можем предпринять через NASA, беспилотники, которые можно оснастить ядерными бомбами, чтобы отклонить и, надеюсь, изменить орбиту этой кометы. Мы должны действовать немедленно.

Президент: Хорошо, хорошо, хорошо... Когда промежуточные итоги выборов? Через три недели? Если мы потеряем Конгресс, то мы всё равно ничего не сможем сделать. Поэтому сейчас мы должны сидеть тихо и оценивать ситуацию.

Кейт: Правильно ли я понимаю, что после всей той информации, которую вы получили сегодня, вы принимаете решение сидеть и оценивать?»

Президент: Конечно, ведь в этом моя работа» [Skurka 2022: 56].

Как же ведет себя в этой ситуации «четвертая власть» – масс-медиа? Симптомы действия «синей таблетки» представлены здесь еще более ярко. Попав на популярное ток-шоу The Daily Rip и в очередной раз рассказав ведущим о своем ужасающем открытии, Кейт и Рэндалл получают в ответ лишь пустые любезности и плоские шутки. Что характерно, зрители шоу практически не реагируют на откровение о надвигающемся апокалиптическом событии, зато реагируют на эмоциональный срыв Кейт (высмеивают ее с помощью мемов) и симпатизируют «милому

ученому» Рэндаллу. То есть реальность полностью блокируется; шоу – вот та «реальность», в которой и живут все эти люди.

При этом даже сами Рэндалл и Кейт не могут полностью освободиться от автоматизмов своих прежних социальных паттернов: Рэндаллу льстит, что он стал новой знаменитостью, а Кейт негодует по поводу того, что ее обманом заставили заплатить за бесплатные закуски, пока она ожидает прибытия президента в Белый дом. В конце концов после того, как президент в отчаянной попытке вернуть себе общественную поддержку после скандала соглашается осуществить план по уничтожению кометы, «резвый расчет» привычного стиля мышления «сворачивает» и этот план, когда миллиардер-технолог убеждает администрацию, что комета-убийца несет на Землю ценные природные ресурсы.

Наблюдая за разворачивающимися сценами, отчасти сокрушаясь, отчасти забавляясь, трудно понять, что более безумно: то, что большинство героев фильма не могут понять, что такие вещи, как гарантия занятости, финансовая выгода и общественный имидж, совершенно бессмысленны, если все скоро погибнет, или то, что фильм настолько хорошо отражает реальный мировоззренческий опыт современного социума, что со стороны местами даже не чувствуется, что это острая сатира. Если поставить себя на место героев, то первое «разумное» решение, которое приходит в голову, несмотря на его абсурдность, – самоуспокоиться и самоустраниться, спрятаться от реальности в своей «мировоззренческой раковине».

L'aigle de malheur (Орёл несчастий) (фрагмент гобелена «Апокалипсис» Жана Бондоля и Николаса Батая, 1377-1382 годы). Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://clck.ru/35YXhF>

Нет нужды говорить, что к тому времени, когда серьезность ситуации наконец начинает осознаваться, будет слишком поздно. Мир уже не спасти. Придя в себя после опьянения собственной знаменитостью, Рэндалл разбивает свой пресловутый фонарь в прямом телеэфире и раздражается лихорадочным монологом ницшеанского масштаба: «Не могли бы вы перестать быть такими чертовски приятными? Извините, но не всё должно звучать так умно или очаровательно. Иногда нам просто нужно иметь возможность говорить друг другу правду о реальности – нам нужно слышать

реальность. Если все не могут согласиться с тем, что гигантская комета размером с Эверест, несущаяся к планете Земля, – это не полная катастрофа, то что же, черт возьми, с нами случилось? Боже мой, о чём мы вообще разговариваем друг с другом? Что мы с собой сделали?» [Skurka 2022: 57].

Что в конечном счете делает фильм таким тревожным, так это то, что зрителю очень трудно понять, как реальный мир может отличаться от того «пародийного мира», в котором живут современные люди. Смогут ли политики когда-нибудь перестать ставить во главу угла свои личные амбиции, в противовес принципам, за которые они якобы выступают? Смогут ли СМИ когда-нибудь перестать отдавать предпочтение новым ярким заголовкам перед очень знакомыми, но гораздо более актуальными проблемами? Смогут ли социальные группы, живущие в «мировоззренческой раковине» своих интерсубъективных «мифов», мыслить в масштабах глобальной человечности? Что есть безумие: быть настолько сопричастным реальности, которую «дружно» игнорирует большинство, чтобы загнать себя в «пограничную ситуацию», бросить вызов всему миру, или быть настолько поглощенным мелочами повседневности, что даже не замечать, экзистенциальной угрозы? А что, если выход в том, чтобы начать выстраивать альтернативный бриколаж?

Русский философ С. Л. Франк сравнивал непостижимое с «настежь открытой дверью» [Франк 2007: 27]. Именно дверь в

Марш женщин в Мельбурне против гендерного неравенства и сексуального насилия (март 2021 года). Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://clck.ru/35XwG6>

неизвестное как таковое кажется большинству закрытой, более того, вовсе не дверью, которая есть вход в какое-то новое пространство, а непроницаемой стеной или абсолютным пределом того, что нам вообще доступно. Конечно, мир не исчерпывается тем, что нам в нем уже известно и знакомо, что познано нами, он бесконечно шире и содержательнее всего нам уже известного. Но на практике познавательного отношения к миру, общей установки к бытию люди склонны жить в «привычном», то есть уже известном (в мирке своей привычной «платоновской пещеры»).

Практика жизни, потребность экономии духовных сил и чувства вынуждает человека закрывать глаза на окружающее его со всех сторон непостижимое, требует от него самоограничения и

потому – ограниченности. И это не только «обывательская» ограниченность простых, немудрящих и немыслящих людей; политические деятели живут в «мирке» своих представлений, определенных партийными взглядами и интересами, вожди народов – в «мирке» своей нации, специалисты-ученые – в «мирке», ограниченном методами и интересами данного научного исследования. Но как раз так называемое «нормальное», «обыденное» сознание в известной мере близко к маниакальности, а ясное и напряженное сознания широты бытия за пределами уже «известного» и «знакомого» есть необходимое условие подлинно непредвзятого – соответствующего самой реальности – отношения к бытию.

Вместо заключения: бриколаж как противоядие

Живое, а не мертвое (формализованное) культурное пространство – это бриколаж. Сознание всегда занято тем, что «под рукой», оно работает с тем, чем заполнено культурное пространство, оно сопоставляет время жизни с окружающим пространством. Эффект новизны, как правило, наступает со сменой темпоритма жизни в измененном пространстве. Сознание либо само перестраивает культурный пространственно-временной порядок, либо новый культурный пространственно-временной порядок перестраивает мировоззренческие схемы. Причем не имеет значения идет ли речь о физическом или виртуальном пространстве.

Бриколаж раскрепощает мышление, создает предпосылки для нового мировоззренческого опыта, а новое привносится из внешнего и случайного, неопределенного и непостижимого, чем, по сути, и является реальность. Когда мир (реальность) воспринимается как нечто фиксированное и само собой разумеющееся, это означает, что у индивида либо пока вообще нет мировоззренческого опыта, либо застыв в определенной «системе убеждений» или «метанарративе» (стиле мышления), индивид перестал получать хоть какой-либо опыт, потерял контакт с реальностью. В то время как формализованные способы (стили) мышления стремятся к сдерживанию, бриколаж охватывает внешнее и случайное и обеспечивает развитие. Исходя из этого, почему бы в мыслительных процессах не следовать примеру нейропластичности, выраженной в наших снах, и не проявлять эклектику в собираемых фактах, но не утрачивать при этом осознанности? В конце концов, что мы от этого теряем? Ведь человеческий мир, по сути, является естественным продолжением эволюционного бриколажа, создавшего нас самих.

Эта способность мыслить, думать о мышлении и удивляться бесконечному – это самое ценное в нас и в нашей культуре. Когда человек упражняется в мышлении, он бросает себе вызов, пробуя что-то трудное, выходя за рамки привычного, стремясь понять себя и всю свою человечность, воспитать в себе человека, осознанно проживающего собственную жизнь. Это может быть сложно, может вызывать тревогу, может разочаровывать, но это же может

одновременно и освобождать, и обогащать. Большинство людей находят в этой работе сочетание всего перечисленного.

Изменяя склонный к застыванию в ригидных формах «стиль мышления», бриколаж, совершенствует его. Этот эмерджентный процесс вызывает особое наслаждение. И «печать» этого наслаждения надолго сохраняется в памяти. Поэтому, помня об этой радости, индивид вновь и вновь обращается к мышлению. Эта радость позволяет преодолевать естественный сон интеллекта, просыпаться в своем повседневном существовании, преодолевать зазоры, в которые вклиниваются повседневные иррациональные желания, и сохранять непрерывность существования. Именно память о том, как «душа радовалась», когда мыслила, и склоняет волю в пользу интеллекта, а не спонтанных желаний.

Изменяя и совершенствуя стиль мышления, создавая альтернативные бриколажи, индивид упражняет мышление, улучшает навыки рассуждения. Чем больше упражнений, тем легче впоследствии даются мыслительные действия, тем яснее формулируемые мысли. Ум избегает атрофии, поддерживается в здоровом состоянии. Мышление – одна из самых важных формируемых «здоровых привычек». Бриколаж пластичен, открыт для новых комбинаций идей, не страшится неопределенности. Догма рассматривается как неоправданный запрет, прерывающий «игры разума», лишаящий человека естественного удовольствия. Именно через удовольствие человек приходит к осознанию своих желаний, что необходимо в экзистенциальном и психологическом плане, ведь самопознание – это, по сути,

осознание цели и смысла собственных желаний, освобожденных от диктата предзаданного «метанарратива».

Начало самоанализа – это пробужденное желание осознать, критически оценить и осознанно выбрать те знания, ценности, верования, обязательства и цели, которых предлагает богатый репертуар культуры. В этом выборе актуализируется личность, субъектность человека, который обнаруживает, что чем больше он работает над своим мышлением, тем более осознанным и ответственным становится его отношение к жизни. Он знает, чего хочет, и, принимая решения в соответствии со своими желаниями, осознает меру своей ответственности. С этим связан созидательный, творческий способ самовыражения личности в противовес подавлению желаний и встраиванию в существующий порядок, повинуюсь инфантильному страху перед неопределенностью. Формируется гуманный способ «стремления к бессмертию», выход за пределы любых «материальных» ограничений. Жизнь рассматривается как нечто большее, чем просто работа, привычки, социальные обязательства, случайные радости и огорчения. Ощущение хаотичного скольжения по поверхности жизни трансформируется в созерцание жизненной глубины. Мышление обретает свободу, натренированное постоянной игрой по сопоставлению мировоззренческих позиций и построению альтернативных бриколажей. Разумное сомнение и неопределенность формируют осторожное и внимательное отношение к реальности и открывающимся возможностям выбора альтернатив. Мышление наполняет жизнь радостью открытий.

Мировоззренческий опыт рационального человеческого бытия обретает полноту, открывая главные смыслы земной жизни и смерти.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00855, <https://rscf.ru/project/23-28-00855>.

Литература

- Гуссерль, Э. (2013). *Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология*. Санкт-Петербург: Наука.
- Делёз, Ж., & Гваттари, Ф. (2008). *Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-Фактория.
- Делёз, Ж., & Гваттари, Ф. (2009). *Что такое философия?* Москва: Академический Проект.
- Деррида, Ж. (2017). Фармация Платона. *Платоновские исследования*, 1(6), 113-254.
- Комаров, С. В. (2007). «Ленивый разум» Лейбница и «ложные суждения» Локка. *Человек*, 1, 96-111.
- Леви-Стросс, К. (1994). *Первобытное мышление*. Москва: Республика.
- Некита, А. Г., & Маленко, С. А. (2024). Визуальная милитаризация бытия: голливудские стратегии эстетизации насилия. *Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT)*, 1(6), 85-133. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-1\(6\)-85-133](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-1(6)-85-133)
- Ницше, Ф. (1990). *Сочинения: в 2 т.* Москва: Мысль.
- Рассел, Б. (1998). *История западной философии*. Ростов-на-Дону: Феникс.
- Франк, С. Л. (2007). *Непостижимое*. Москва: АСТ; Хранитель.
- Фрейд, З. (2022). *Введение в психоанализ*. Москва: АСТ. Режим доступа: <https://clck.ru/3Ax5fR> (дата обращения: 12.10.2023).
- Хакен, Г. (1980). *Синергетика*. Москва: Мир.
- Ясперс, К. (2021). Психология мировоззрений. *Философская антропология*, 1(7), 116-133.
- Skurka, D. (2022) Don't Look Up. *Philosophy Now*, 151, 56-57.
- Tarkington, D. E. (2023). Bricolage: Natural Epistemology. *Philosophy Now*, 154, 22-24.
- Thompson, E. (2007). *Mind in Life: Biology, Phenomenology and the Sciences of Mind*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Varela, E. J., Lachaux, J.-P., Rodriguez, E., & Martinerie, J. (2001). The brainweb: phase synchronization and large-scale integration. *Nature Reviews Neuroscience*, 2, 229-239.

Vaughn, L. (2023). Six Signs You've Taken The Blue Pill. *Philosophy Now*, 154, 20–21.

Информация об авторе

Борисов Сергей Валентинович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии. Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (Россия, 454080, Челябинск, пр. Ленина, 69). ORCID: 0000-0003-0335-4405, borisovsv69@mail.ru

VARIABILITY OF WORLDVIEW EXPERIENCE: BRICOLAGE VS “BLUE PILL”

Sergey Borisov

Abstract: worldview experience is structured as bricolage. Bricolage is deeply rooted in culture and is the essence of any cognitive process. It does not matter what cognitive models are used. Bricolage has always been and will always be the default epistemology. That is, piecing together what is discovered by chance has always been the primary way of acquiring knowledge. Intersubjectivity triggers a process from facts to data, and then from data to truth, with the term “truth” in this socio-cultural context generally being substituted for the terms “belief system” or “metanarrative”. Therefore, an individual belief system will only focus on facts and data that reinforce and support it. However, any individual “truth” will be subject to constant revision because it is in close contact with reality, which in fact is usually not, what it appears to be. Thus, a new bricolage is formed, a new worldview is acquired. While formalized ways (styles) of thinking tend to contain, bricolage embraces the external and the accidental and ensures development.

Keywords: worldview, thinking style, bricolage, life-world, cultural semantics.

References

- Deleuze, G., & Guattari, P.-F. (2008). *Anti-Edip. Kapitalizm i shizofreniya* [Anti-Oedipus. Capitalism and schizophrenia]. Ekaterinburg: U-Faktoriya Publ. (In Russ).
- Deleuze, G., & Guattari, P.-F. (2009). *Chto takoe filosofiya?* [What is philosophy?]. Moscow: Academic project Publ. (In Russ).
- Derrida, J. (2017). Farmaciya Platona [Plato's Pharmacy]. *Platonovskie issledovaniya* [Platonic studies], 1(6), 113–254. (In Russ).
- Frank, S. L. (2007). *Nepostizhimoe* [The incomprehensible]. Moscow: AST Publ.; Guardian Publ. (In Russ).
- Freud, S. (2022). *Vvedenie v psihoanaliz* [Introduction to psychoanalysis]. Moscow: AST Publ. Available at: <https://clck.ru/3Ax5fR> (accessed: 12.10.2023). (In Russ).
- Haken, H. (1980). *Sinergetika* [Synergetics]. Moscow: World Publ. (In Russ).

- Husserl, E. (2013). *Krizis evropejskih nauk i transcendental'naya fenomenologiya* [The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology]. Saint-Petersburg: Science Publ. (In Russ).
- Jaspers, K. (2021). Psihologiya mirovozzrenij [The psychology of worldviews]. *Filosofskaya antropologiya* [Philosophical anthropology], 1(7), 116-133. (In Russ).
- Komarov, S. V. (2007). «Lenivyj razum» Lejbnica i «lozhnye suzhdeniya» Lokka [Leibniz's "lazy reason" and Locke's "false judgments"]. *Chelovek* [Human], 1, 96-111. (In Russ).
- Lévi-Strauss, C. (1994). *Pervobytnoe myshlenie* [Primeval thinking]. Moscow: Republic Publ. (In Russ).
- Nekita, A. G., & Malenko, S. A. (2024). Vizual'naia militarizatsiia bytiia: gollivudskie strategii estetizatsii nasiliia. [Visual militarization of being: Hollywood strategies for aestheticizing violence]. *Industrii vpechatlenii. Tekhnologii sotsiokul'turnykh issledovanii (EISCRT)* [Experience industries. Socio-Cultural Research Technologies (EISCRT)], 1(6), 85-133. (In Russian). [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-1\(6\)-85-133](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-1(6)-85-133)
- Nietzsche, F. (1990). *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols.] Moscow: Thought Publ. (In Russ).
- Russell, B. (1998). *Istoriya zapadnoj filosofii* [History of Western Philosophy]. Rostov-on-Don: Phoenix Publ. (In Russ).
- Skurka, D. (2022) Don't Look Up. *Philosophy Now*, 151, 56-57.
- Tarkington, D. E. (2023). Bricolage: Natural Epistemology. *Philosophy Now*, 154, 22-24.
- Thompson, E. (2007). *Mind in Life: Biology, Phenomenology and the Sciences of Mind*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Varela, E. J., Lachaux, J.-P., Rodriguez, E., & Martinerie, J. (2001). The brainweb: phase synchronization and large-scale integration. *Nature Reviews Neuroscience*, 2, 229-239.
- Vaughn, L. (2023). Six Signs You've Taken The Blue Pill. *Philosophy Now*, 154, 20-21.

Author's information

Borisov Sergey Valentinovich – Doctor of science (in Philosophy), Professor, Head of the Department of Philosophy and Cultural Studies. South Ural State Humanitarian and Pedagogical University (69, Lenin Ave, Chelyabinsk, Russia, 454080), ORCID: 0000-0003-0335-4405, borisovsv69@mail.ru

For citation:

Borisov, S. V. (2024). Variability of worldview experience: bricolage vs "blue pill". *Experience industries. Socio-Cultural Research Technologies (EISCRT)*, 2(7), 21-54. (In Russian). [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2\(7\)-21-54](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2(7)-21-54)

традиция

УДК 791.43.45

5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания

5.10.1. Теория и история культуры, искусства

[https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2\(7\)-56-85](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2(7)-56-85)

СЮЖЕТНЫЙ ТВИСТ С ИГРОЙ СОЗНАНИЯ В КИНО: ГЕРОЙ СКОРЕЕ ЖИВ, ЧЕМ МЕРТВ

Татьяна Лефман,
*Северный (Арктический)
федеральный университет
им. М. В. Ломоносова
(Архангельск, Россия).*

Tat'yana Lefman,
*Lomonosov Northern (Arctic)
Federal University,
(Arkhangelsk, Russia).*

*ORCID: 0000-0002-0488-7687
e-mail: t.lefman@narfu.ru*

Екатерина Егорова,
*Северный (Арктический)
федеральный университет
им. М. В. Ломоносова
(Архангельск, Россия).*

Ekaterina Egorova,
*Lomonosov Northern (Arctic)
Federal University,
(Arkhangelsk, Russia).*

*ORCID: 0000-0001-8115-9344
e-mail: ruslit1611@yandex.ru*

Для цитирования статьи:

Лефман, Т. О., & Егорова, Е. Н. (2024). Сюжетный твист с игрой сознания в кино: герой скорее жив, чем мертв. *Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT)*, 2(7), 56-85. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2\(7\)-56-85](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2(7)-56-85)

Аннотация: в статье на основе герменевтического анализа современных кинокартин рассматривается вопрос о диалогической природе человеческого сознания. Проблематика исследования также состоит в попытке актуализации осмысления понятия «сознание» в текстах массовой культуры, как одного из наиболее обсуждаемых вопросов в современной научной парадигме с точки зрения когнитивно-дискурсивного подхода. Репрезентация смыслов исследуемых кинокартин оказывается значимой как на уровне теоретического обобщения приемов работы по привлечению внимания зрителя, так и на уровне практики, в процессе выявления представлений о схожих компонентах стратегии «сюжетного твиста с игрой сознания». Материалом для анализа служат остросюжетные популярные фильмы, в сценариях которых используется эта стратегия визуальной метафоры незримого «сюжетного твиста с игрой сознания». В рассуждениях и стратегии осмысления заявленных проблем авторы обращаются к особенностям восприятия зрителей (информантов). В качестве информантов выступили студенты направления «Культурология» кафедры культурологии и религиоведения Северного (Арктического) университета.

Ключевые слова: киноискусство, кинематографический прием, сюжетный твист, диалогическая природа сознания, кинодискурс, впечатления, сознание человека, приём «двойное зрение».

«У вас в кармане два яблока...»

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью практического осмысления современного кинодискурса как того специфического зеркала, в котором отражаются проблемы, трудности и вопросы, волнующие человека и общество. Это становится значимым ввиду высокой степени воздействия на зрителей, пропаганды средствами кино различных идей, ценностей и установок. Мы разделяем мнение С. А. Маленко и соглашаемся с тем, что «впечатления стали ведущим духовным содержанием современного этапа социальной коммуникации,

экзистенциальной основой бытия сознания и человека» [Маленко 2022: 11].

«Предположим, что у вас в кармане два яблока...»

В исследованиях отечественного философа, исследователя культуры и литературоведа М. М. Бахтина разрабатывается понятие полифонии сознания. Ученый справедливо предполагает, что раскрыть уникальные, прежде неизвестные свойства сознания возможно при создании ситуации встречи, коммуникации двух «голосов» внутри одного сознания, которое по самой природе своей полифонично. Это «не то, что происходит внутри, а то, что происходит на границе своего и чужого сознания, на пороге. И все внутреннее повернуто вовне, диалогизировано, каждое внутреннее переживание оказывается на границе, встречается с другим, и в этой напряженной встрече – вся его сущность» [Бахтин 1979: 343].

Нам думается, что использование феномена диалогического сознания как твиста в кинематографе основано на создании чувства напряжения, которое описано М. М. Бахтиным, того самого саспенса, так сильно привлекающего современного, особенно молодого зрителя. Постоянная игра на границе «своего» и «чужого», пересечение этой границы неразрывно связаны с темой двойничества, бинарности мира и его архетипичности для восприятия зрителем.

Разрабатывая теорию архетипов коллективного бессознательного, К. Г. Юнг даже не предполагал, как увлекут

результаты его работы кинематографистов в будущем. Идея двойничества и диалога субъекта с неким «другим» описана ученым в образах архетипа «Тени». Основываясь на теории К. Г. Юнга [Юнг 2019: 496], кинематографисты определяют «Тень» как некую оставшуюся за порогом сознания бессознательную часть личности героя. «Тень», так называемый «другой», может быть совершенно не похожим на героя («Бойцовский клуб», реж. Д. Финчер, 1999, «Черный лебедь», реж. Д. Аронофски, 2010, «Переполненная комната», реж. Мона Фастволд Лерче, Корнел Мундруцо, Алан Тейлор, 2023).

Как правило, «Тень» является демоническим двойником героя, содержит отрицательные, негативные, сокрытые черты его личности, те, которые он не хочет в себе признавать, а потому намеренно старается «заглушить». Героя постоянно беспокоит его «Тень», он вступает с ней в диалог, похожий на тот, что описывал Сергей Есенин: «Черный человек на кровать ко мне садится, черный человек спать не дает мне всю ночь» [Есенин 1923]. Диалог, который герой ведет с тенью, постепенно становится более напряженным, превращаясь в спор а, в итоге, и битву, в которой есть только один победитель.

Сюжетная схема битвы и акт узнавания зрителем статуса вымышленности «другого», генерируемого самим сознанием главного героя, в современном кинематографе превращается в твист. Этот прием используется Д. Финчером в фильме «Бойцовский клуб» (1999), Д. Аронофски в «Черном лебеде» (2010), О. Трофимов в фильме «Майор Гром: чумной доктор» (2021) и других кинокартинах.

Сюжетный поворот часто предваряется диалогом героя и его «Тени», в котором-то и открываются основные смыслы фильма. Так, в ключевом диалоге Тайлера Дердена и рассказчика зритель понимает, что все происходящие события были лишь плодом воображения главного героя: – *Так почему меня принимают за тебя?* / – *А ты не знаешь?* / – *Нет, не знаю.* / – *Нет, знаешь. Почему все вокруг путают нас с тобой?* / – *Мы – один человек* [Паланик].

Увлечение темой двойничества и теорией архетипов К. Г. Юнга кинематографистами характерно не только для современного кино. Мастер саспенса, знаменитый американский режиссер Альфред Хичкок использует феномен диалогичности сознания в «Психо» (1960), а шведский режиссер Ингмар Бергман – в «Земляничной поляне» (1957). Однако И. Бергман не наделяет своих персонажей раздвоенным сознанием. В исповедальном фильме «Земляничная поляна» автор скорее реализует тему двойничества с помощью внутреннего диалога героя с самим собой во время сновидческих путешествий, где персонаж встречается с «Я-другим», из прошлой жизни, задает ему вопросы, рефлексиирует прожитые дни и решения, которые были ошибочными. Таким образом, в случае со шведским режиссером внутренний диалог остается в рамке рефлексии и приводит к метаноиие главного героя, но не к диссоциации его сознания.

«Врете, ни одного...»

Наша статья посвящена вопросам функционирования и использования кинематографического приема, основанного на

диалогической природе человеческого сознания. Мы ставим перед собой цели по выявлению в современных кинокартинах наличия «сюжетного твиста с игрой сознания» и на основе отзывов информантов пытаемся осмыслить, почему этот прием стал так востребован режиссерами особенно в последнее время.

На наш взгляд, анализ фильма подразумевает интерпретацию кинотекста как целостного текста культуры, умышленно разделяемого на части с возможностью выявления в этих частях скрытых смыслов. Следует отметить, что восприятие кинотекста обусловлено самыми разными факторами. К их числу можно отнести субъективные и объективные факторы текстообразования в целом. К субъективным факторам мы относим, например, фактор адресата, то есть зрителя, его опыт и фоновые знания в сфере культуры. К объективным факторам, на наш взгляд, можно отнести маркеры времени и пространства, исторический контекст и другие моменты.

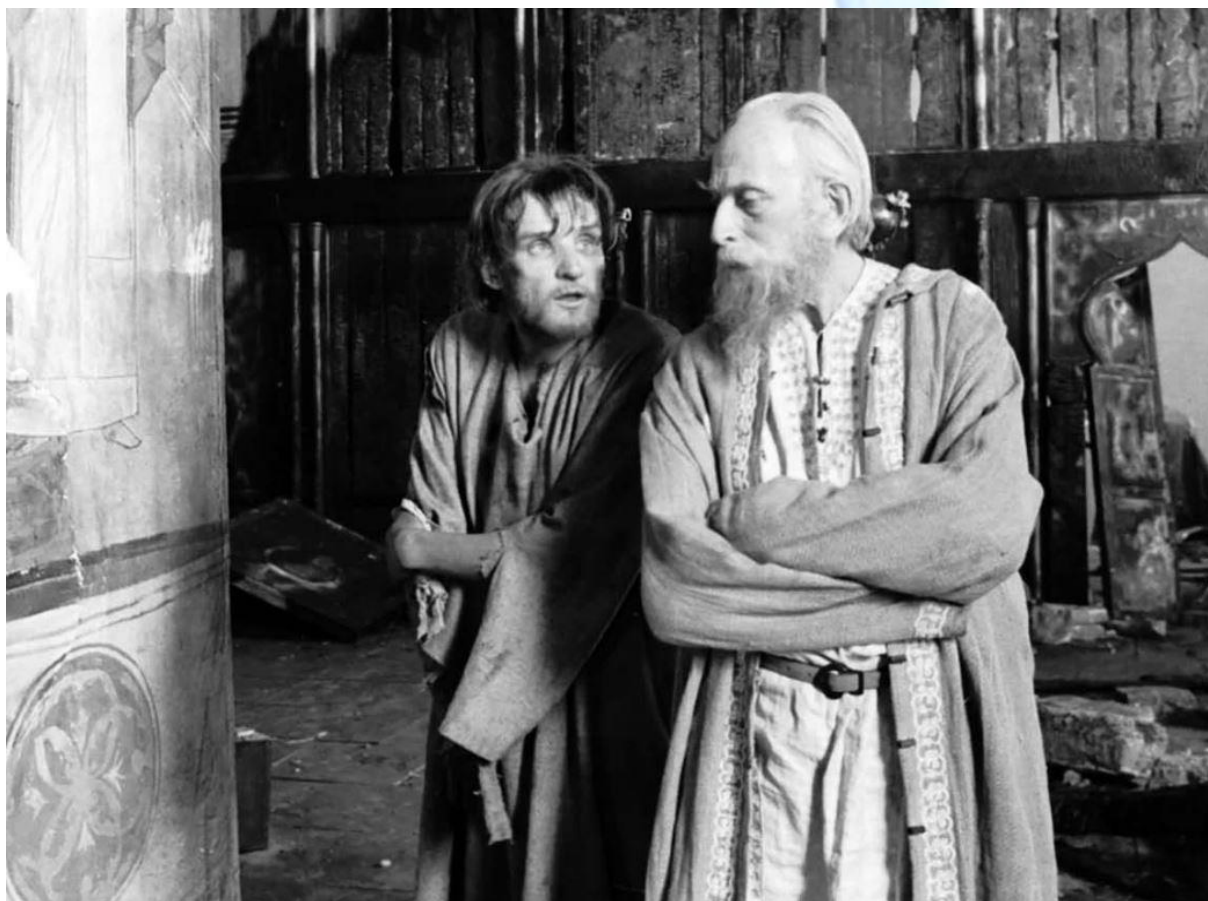
Культурологический подход выступает в исследовании как междисциплинарный метод интерпретации актуальных культурных феноменов. Применение подобного подхода позволяет интерпретировать и оценивать художественные произведения, в нашем случае – кинокартины – на основе особенностей их отражения в духовном опыте сознания, в наблюдении за ментальным содержанием сюжетного твиста в том или ином фильме. Представляется важным также возможность проследить интертекстуальные связи как внутри, так и вне кинотекста.

В исследовании авторитетного отечественного ученого Н. А. Хренова, посвященном вопросам философии и искусства, актуализируется своего рода «точка опоры» в идейном содержании, которая актуальна и для настоящей публикации. То, что мы называем «сюжетным твистом с игрой сознания», в его работе осмыслено как прием «двойного зрения»: «Чтобы ощутить личность и вообще жизнь сквозь призму смерти, для этого нужно специфическое или так называемое «двойное зрение», а его дает ангел смерти, не забирающий душу человека сразу, а дающий ему еще некоторое время для жизни» [Хренов 2023: 75]. Как утверждал отечественный философ-экзистенциалист Л. Шестов, таким зрением обладал, например, Ф. М. Достоевский. Наделенный этим специфическим зрением художник «внезапно начинает видеть сверх того, что видят все и что он сам видит не так, как видят простые смертные, а как существа других миров» [Шестов 1993: 27]. «Поэтому у избранника возникают особые видения, которые могут показаться фантастическими или галлюцинациями расстроенного воображения» [Хренов 2023: 75].

На основе анализа творчества известного советского кинорежиссера А. А. Тарковского, как основателя новой дискурсивности, мы склонны разделять его слова относительно метода работы с художественными произведениями: «В искусстве существуют явления, которые не всегда возможно рассматривать с помощью уже имеющихся традиционных подходов и приемов. Они сами обновляют язык искусства и потому требуют соответствующей новой методологии» [Хренов 2023: 53].

«Или герой жив, или он умер...»

В фильме «Страсти по Андрею» (реж. А. Тарковский, 1966) есть эпизод, в котором Феофан Грек, к тому времени уже покойный, с того света является в разоренном храме, чтобы утешить Андрея (кульминация картины, после смерти Фомы).

Кадр из фильма «Страсти по Андрею», реж. А.Тарковский, 1966 г. Изображение размещено в свободном доступе: <https://bestraskraski.ru/raskraski/tarkovskij-kadri-iz-filmov>

Особенно важными, на наш взгляд, становятся слова главного героя этого фильма, произнесенные еще в начале пути, в диалоге с Фомой: «Через молитву только от видимого к невидимому душа подойти может» («Страсти по Андрею», реж. А. Тарковский, 1966). И если за основу взять кинематографическое наследие режиссера,

то можно обнаружить обращение к визуализации «незримого» мира и в других его фильмах (например, «Зеркало», реж. А. Тарковский, 1974).

Кадр из фильма «Зеркало» (реж. А. Тарковский, 1974 г.). Изображение размещено в свободном доступе: https://dzen.ru/a/Y62e7qn_wolLsIXr

В работе уже упоминавшегося нами Н. А. Хренова справедливо отмечено: «Прием «двойного зрения» присутствует уже в фильме «Иваново детство», связанном с субъективным видением героем всего, что представлено на экране. В фильме «Зеркало» этот прием сохраняется и только усиливается. При том, что герой, от имени которого ведется повествование, вообще не показывается. Вместо этого зритель может слышать лишь его голос. И видеть то, что в его сознании возникает в виде обрывков и фрагментов, связь между которыми уловить не просто. Ключ к пониманию структуры повествования дает даже не фильм, а

сценарий. А из него в ходе реализации замысла многие эпизоды выпали. Так, сценарий начинался эпизодом на кладбище, когда героя, от имени которого ведется повествование, хоронят. В кадре проносят гроб, а в фонограмме воспроизводится его внутренний монолог. Вот уж, действительно, воспроизведение жизни сквозь призму смерти» [Хренов 2023: 75-76].

Как видно из приведенных выше цитат, кажущиеся «новыми» эти сюжетные ходы и приемы давно и хорошо известны как режиссерам, так и зрителям, а также исследователям, в то время как современный кинематограф лишь всякий раз актуализирует эту тему и трансформирует прием. В одних лентах и форматах подобный прием выступает как «оголенный провод», так как содержит основу – игру с сознанием (например, фильм «Во власти стихии», реж. Б. Кормакур, 2018), тогда как в других – существует

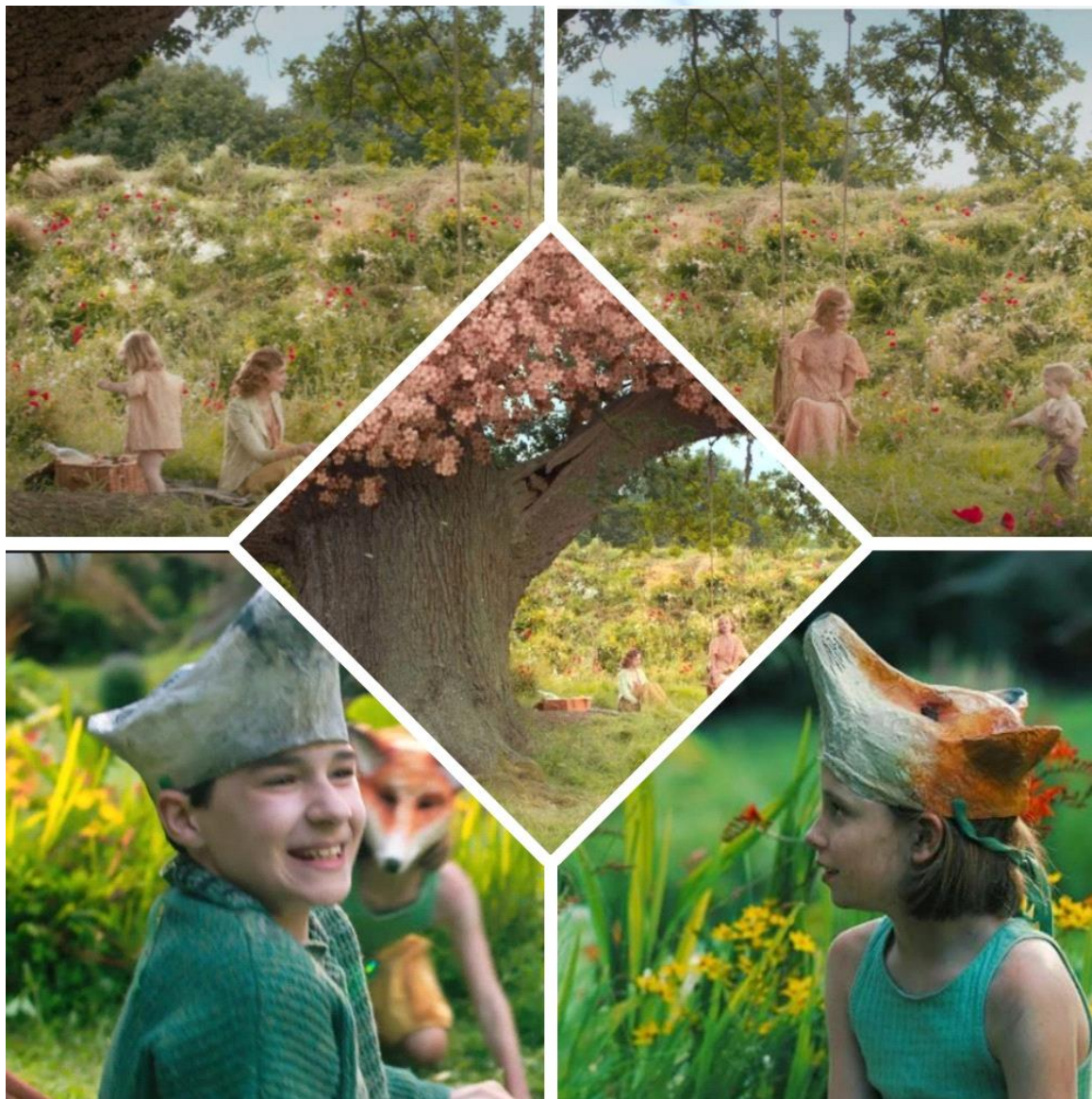

Кадры из фильма «Во власти стихии», реж. Б. Кормакур, 2018 г.

Коллаж создан авторами публикации на основе изображений, размещенных в свободном доступе:

<https://www.film.ru/articles/zhizn-ti>

как развернутая метафора незримого мира (например, «Таинственный сад», реж. М. Манден, 2020).

Кадры из фильма «Таинственный сад» (реж. М. Манден, 2020 г.).

*Коллаж создан авторами публикации на основе изображений, размещенных в свободном доступе:
<https://kinofilmpro.ru/>*

Анализ визуальных текстов, где используется феномен диалогического сознания, позволяет авторам настоящей статьи сделать вывод о том, что режиссер создает смысловое поле, наполненное символами, которые подготавливают и

предупреждают зрителя о скором пересечении героем границы реального и нереального. Классической метафорой деформации сознания становятся зеркала, фотографии, портреты, присутствующие в пространстве фильма. Процессы всматривания в свое отражение в зеркале, рассматривания себя на фотографиях и портретах описывал в эссе «Camera lucida» французский философ-структуралист и литературовед Р. Барт [Барт 2011: 272]. Именно он предположил, что акт рассматривания себя на фотографии, по сути, должен говорить нам о легком расстройстве личности, диссоциации сознания, ведь фотография – это явление меня в качестве «другого». По этой причине режиссеры часто используют символизм двойничества зеркал и фотопортретов для создания еще большего напряжения у зрителя.

Как видно из представленных выше рассуждений, феномен кино постоянно находится в фокусе внимания филологов и философов, когнитивистов, специалистов по психологии и лингвистики, искусствоведов и культурологов. Однако именно «само кино представляет собой новую практику образов и знаков» [Делез 216: 553]. Сложность методологии исследования такой «практики образов и знаков» во многом состоит в интерпретационной гибкости кинотекста. Смысловое единство вербального и визуального определяет трудности и в воспроизведении креолизованной цитаты. Важно отметить значение непрерывного обращения к зрительскому опыту восприятия кино. Если язык искусства дублирует реальность, то

язык кино реконструирует механизм мыслительных процессов, тем самым демонстрируя результат работы сознания.

Вслед за российским исследователем А. Г. Рыжковым мы рассматриваем кинодискурс как разновидность дискурса, где доминантой выступает визуальная метафора. В кинодискурсе информация может проявляться как в виде слов (например, героиня произносит: «мне грустно»), так и через визуальное решение (например, героиня смотрит в окно, где остаются следы дождя // героиня держит в руках одежду погибшего героя, см. изображение) [Рыжков 2000: 96-102]. Добавим также, что кинодискурс, на наш взгляд, – это еще и результат взаимодействия авторской интенции с опытом зрителя, поэтому мы опираемся в своей аргументации на диалог со студентами и выпускниками направления «Культурология» (Северного Арктического федерального университета имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск), 4 курса бакалавриата), поделившимися мнениями о собственном восприятии представленных кинокартин.

Кадр из фильма «Во власти стихии» (реж. Б. Кормакур, 2018 г.). Изображение размещено в свободном доступе: <https://www.film.ru/articles/zhizn-ti>

По-видимому, визуализация диалогической природы человеческого сознания в современном кинематографе признана хоть как-то сократить дистанцию, возникающую при передаче смыслов на пути между режиссерской задумкой, ее воплощением и итоговым зрительским прочтением, прояснить все, что скрывает внутренний поток сознания персонажей. Вероятно, использование такого приема обусловлено усиливающейся борьбой за внимание зрителя.

По мнению информанта Дарьи Одерий, «сюжетные твисты кажутся хорошим напоминанием об субъективности камеры. Кинематограф легко может убедить даже искушенного зрителя в реальности происходящего, ведь он сам видит и слышит его. Это кажется почти документалистикой. Если ненадежный рассказчик в литературе – это напоминание о сомнении в опыте другого, то кинематограф заставляет сомневаться, как мне кажется, в своем опыте (ведь зритель забывает, что это не его опыт, а протагониста)» (записано со слов информанта-культуролога, 2023).

Как писал «Сократ XX века» философ М. К. Мамардашвили: «Чаще всего наше переживание сопровождается отрешенным взглядом на мир: мир как бы выталкивает тебя в момент переживания из самого себя, отчуждает, и ты вдруг ясно что-то ощущаешь, сознаешь. Это и есть осмысленная, истинная возможность этого мира. Но именно в видении этой возможности ты окаменел, застыл. Оказался как бы отрешенно вынесенным из мира. В этом состоянии тебе многое способно открыться» [Мамардашвили 1992: 17].

*Кадр из фильма «Таинственный сад» (реж. М. Манден, 2020 г.).
Изображение размещено в свободном доступе: <https://kinofilmpro.ru/>*

Раскроем подробнее технику исследуемого кинематографического приема: в основной сюжетной линии герой-помощник «воскресает» в сознании главного героя (зритель думает, что герой жив и не умирал вовсе), именно с целью спасения жизни главного героя. Например, фильме «Таинственный сад», реж. М. Манден, 2020 г. во время пожара герои-помощники помогают главным героям выйти из горящего дома, указывая на потайную дверь; в фильме «Гравитация», реж. А. Куарон, 2013 г. напарник подсказывает, как надо действовать, чтобы вернуться домой; в фильме «Вышка», реж. С. Манн, 2022 г. девушка думает, что ее напарница жива, поэтому продолжает борьбу за жизнь; фильм «Во власти стихии», Б. Кормакур, 2018 г. основан на реальных событиях, жена в океане выживает благодаря тому, что думает, что ее муж жив: ремонтирует яхту и пр. Все упомянутые фильмы содержат

своего рода ход-обман: сначала они показывают зрителю, что герой мертв, а потом, наоборот, убеждают, что жив. Такая игра с человеческим сознанием в кинематографе, представляет наррацию, задача которой не только симитировать мыслительный акт, но, главным образом, транслировать мыслительный поток, который не прошел рациональную проверку.

*Кадр из фильма «Гравитация» (реж. А. Куарон, 2013 г.).
Изображение размещено в свободном доступе: imdb.com*

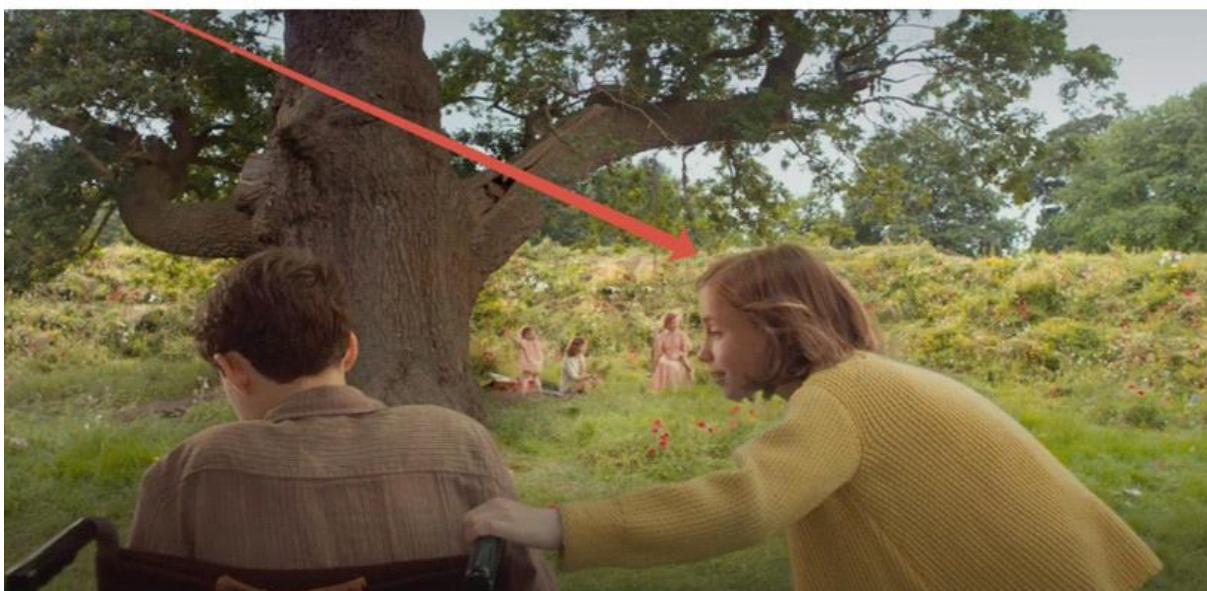
Объединяет эти картины также и предельность ситуации, в которой мозг (из-за инстинкта самосохранения) «включает» визуализацию выстроенного будущего по модели «а чтобы было, если бы близкий человек не погиб». То есть, то, что психиатр, вероятно, назовет галлюцинацией, а гуманитарий осмыслит как идею о множественности мира, о незримом и духовном, необъяснимом с точки зрения разума, но понятным с точки зрения

Кадры из фильма «Вышка» (реж. С. Манн, 2022 г.). Коллаж создан авторами публикации на основе изображений, размещенных в свободном доступе: film.ru

веры. По-видимому, это своего рода защита мозга, способ адаптироваться. У здорового человека, у человека со здоровой психикой подобная адаптация случается в пограничной ситуации (между жизнью и смертью), а у человека с измененным сознанием это вполне может произойти и без пограничного состояния.

Вероятно, на искажении границ сознания героя и Другого строятся механизмы сюжетостроения. В пространство реального восприятия активно вторгаются аномалии, порожденные воображением. Подобное возвращение к природе воспоминаний мы часто наблюдаем и в фильме «Таинственный сад», реж. М. Манден, 2020 г.

Кадры из фильма «Таинственный сад» (реж. М. Манден, 2020 г.).

*Коллаж создан авторами публикации на основе изображений, размещенных в свободном доступе:
<https://kinofilmpro.ru/>*

По мнению Арины Смолич (информант-культуролог): «Попадая в старый сад, Мэри и Колин теряют связь с внешним миром и меняют свою идентичность. Проводником в иное пространство для них становится птичка Робин. В библейской традиции зарянка – символ жертвы, потери частицы себя. Имея проводника и спутника, который охраняет и вместе с тем показывает правильную дорогу, Мэри и Колин меняются сами. Мэри постоянно видятся умершие мама и тетя. Происходят временные инверсии, появляется возможность у главной героини посмотреть на себя-малышку со стороны, возможность понять холодность матери и простить ее, – все это в фильме отрабатывается старательно» (информант-культуролог, записано со слов, 2023).

Как следует из рассуждений Матвея Дрочнева (информант-культуролог): «К финалу фильма я пришел к мысли, что сад-то не волшебный. Чудеса, творимые в саду, – это лишь действия, не пользовавшиеся позволением в доме. К примеру, недуг Колина, это вина самовнушения со стороны отца. Поэтому он начал ходить только в саду, где ему это позволили и помогли друзья. Волшебство, оно заключено в воображении детей, а стечение обстоятельств они характеризуют как чудо» (информант-культуролог, записано со слов, 2023). По словам Дарьи Одерий: «Общение с мертвым персонажем – еще и общение с самим собой. У зрителя есть возможность увидеть то, что главный герой скрывает внутри себя, какие мотивы и переживания его охватывают, но в отличие от альтер-эго («Бойцовский клуб», реж. Д. Финчер, 1999), связано еще

и с чувством потери и размышлениями о потерянной возможности» (информант-культуролог, записано со слов, 2023).

В исследовании современного кинематографа нас также интересуют те ситуации, когда состояние видоизмененного сознания персонажа соотнесена с трансформацией аудиовизуального [Хоружий 2016: 141]. Отметим подобные случаи, в основе которых могут находиться: некоторая тема, развиваемая сознанием (например, «Во власти стихии», Б. Кормакур, 2018 г.); отклик сознания на те или иные проявления окружающего мира (например, «Гравитация», реж. А. Куарон, 2013 г.); болезненность или искажение основы сознания (например, «Талли», реж. Д. Райтман, 2017 г.).

К сюжету кинокартины, в которой «твист» основан на «болезни» сознания, на наш взгляд, можно отнести фильм «Талли» (реж. Д. Райтман, 2017 г.), в котором главная героиня находится в пограничном состоянии от истощения. Совсем недавно у Марло родился третий ребенок, ее второй ребенок – сын, вероятно психологический двойник, испытывает трудности в коммуникации с миром (в фильме напрямую не говорится, но у зрителей складывается впечатление о наличии признаков расстройства аутистического спектра). Брат Марло говорит о необходимости нанять ночную няню, которая может помочь Марло. В одну такую бессонную ночь и появляется Талли (Марло в молодости, второе «Я»), она оказывается прекрасной помощницей, которая предстает воплощением всех желаний Марло. Талли даже приглашает Марло в бар, немного выпить и отдохнуть.

Кадры из фильма «Талли» (реж. Д. Райтман, 2017 г.). Коллаж создан авторами публикации на основе изображений, размещенных в свободном доступе: <https://www.film.ru/articles/mama-matochka-matusya>

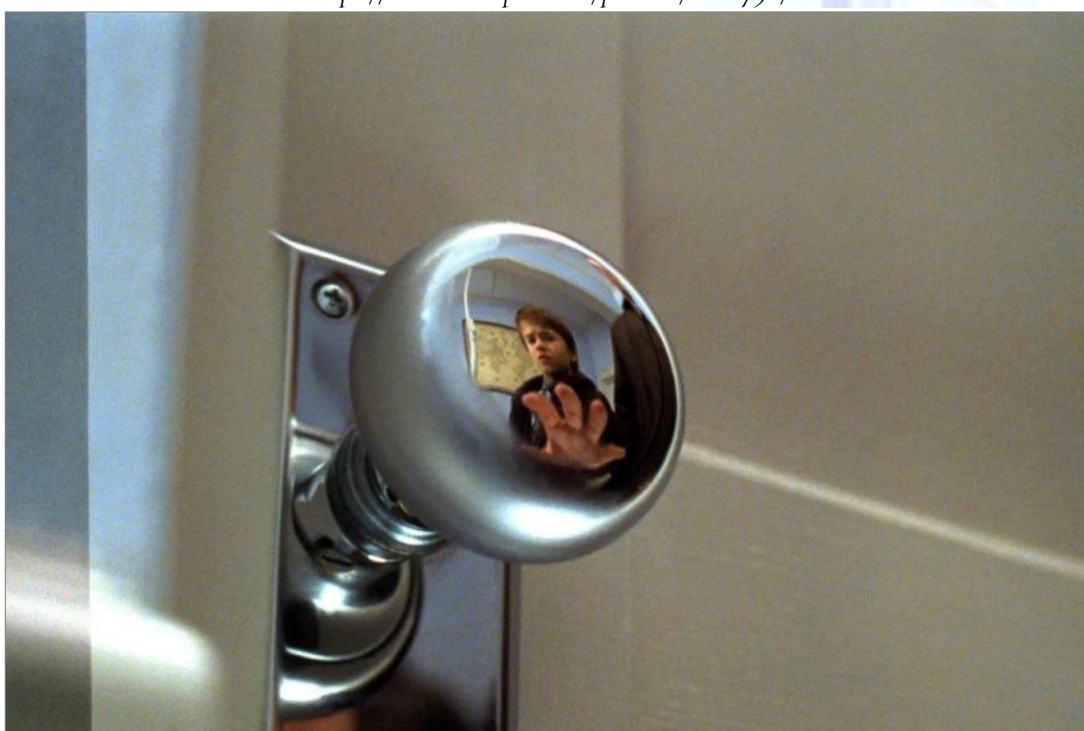
Обнаруженный нами сюжетный твист состоит в следующем: оказывается, все это время Марло справлялась сама ночью, а ее мозг создал двойника в виде помощницы ее самой 25-летней. Послеродовая депрессия спровоцировала появление Талли (оказывается, Талли – это девичья фамилия Марло). После

автокатастрофы (пограничное состояние героини между жизнью и смертью в фильме также присутствует) муж Марло наконец-то понимает, что он тоже должен принимать участие в воспитании детей, быть вторым родителем и хоть как-то помочь Марло. В жизнь Марло наконец-то приходит долгожданная гармония, ведь она все-таки нашла помощь в своей семье.

Из обозначенных нами моментов в строении сюжета искаженным (в интерпретируемом материале упомянутых выше фильмов) оказывается второе основание: в силу жизненных обстоятельств чаще всего главный герой теряет близкого человека («Во власти стихии», Б. Кормакур, 2018 г.). Эту ситуацию информант Дарья Одерий комментирует следующим образом: «Финальный сюжетный твист отличается от обычного сюжетного поворота тем, что влияет также и на оценку событий до твиста. Несмотря на то, что в кинематографе твисты существовали всегда («Психо», реж. А. Хичкок, 1960), явление привлекло внимание в «девяностые» и «нулевые» из-за обширного списка культовых фильмов с неожиданной концовкой («Шестое чувство», реж. М. Найт Шьямалан, 1999), где мастерски скрывался важный сюжетный твист до самого финала. Желание повторить этот трюк возникало у многих режиссеров долгие годы, так что такой сюжетный твист в кинопрессе именуют «шьямалановский твист» (записано со слов информанта-культуролога Д. Одерий, 2023).

Кадр из фильма «Психо», реж. А. Хичкок, 1960. Изображение размещено в свободном доступе: <https://www.kinopoisk.ru/picture/1888790/>

Кадр из фильма «Шестое чувство» (реж. М. Нйт Шьямалан, 1999 г.). Изображение размещено в свободном доступе: <https://www.kinopoisk.ru/picture/1587852/>

«Лучше умру, чем пить касторку...»

Сегодня кажутся типичными размышления по поводу того, как человек воспринимает мир. По словам российского философа И. Г. Корсунцева, «субъект как творец и участник событий действительного мира одновременно создает так называемое бытие сознания субъектов» [Корсунцев 2004: 44]. Кинематограф остро чувствует и ретранслирует неуклонно возрастающий интерес к вопросам природы человеческого сознания, бытия сознания субъектов. Возможно, это спровоцировано и мотивировано глобальной цифровизацией и влиянием разработок по развитию искусственного интеллекта. Поняв, как устроен мозг, как работает сознание, человек, с одной стороны, совершенствовал бы искусственный интеллект, с другой стороны, поставил бы под угрозу само существование человека. Нельзя отрицать, на наш взгляд, и фактор антропоцентрической катастрофы, подталкивающей человека к размышлениям о природе сознания.

В исследовании российского философа и культуролога В. В. Зверевой справедливо отмечено: «Медиа как технологиям и культурным формам присущи свои характерные особенности, у них своя логика и правила, которые структурируют способы мышления и эмоционального переживания аудитории, задают исходную картину интерпретации действительности, подталкивают к определенным способам общения в малых и больших группах» [Зверева 2012: 7]. Использование в кинематографе визуальной метафоры обращения к «незримому» миру приводит к осмыслению

того, что сознание детей; душевнобольных людей, сознание которых сочли находящимся «вне нормы»; людей, находящихся в пограничном состоянии (между жизнь и смертью), испытывающих колоссальный стресс, но стремящихся выжить, способно адаптироваться и защититься посредством погружения внутрь, в некое архетипическое, мифологическое пространство, там, где время циклично. Об этом свидетельствует и то, что, сюжетные твисты с игрой с сознанием, как правило, сопровождаются чередой воспоминаний главного героя, обрывочные воспоминания «путают» время, а прошлое смещается в настоящее.

Как видно из исследуемых и интерпретируемых источников, в них объективируется смысл: сознание человека тянется к сакральному. Травмирующее, потери и утраты сознание заполняет потусторонним, «незримым миром»: временем, пространством, другими героями и природой. В анализируемых кинокартинах с сюжетным твистом персонажи конструируют образ «самого Я» и определяют пространство, которое находится за границей «Я». Их одиночество «Я» приводит к тому, что человек, по Н. А. Бердяеву, переживает «свою личность, свою особенность, свою единственность, неповторимость, свое несходство ни с кем и ни с чем на свете» [Бердяев 2001: 85].

Нам показались крайне интересными рассуждения информантов о том, что «сюжетные твисты с игрой сознания» помогают зрителям осмыслить события и мотивируют их быть внимательным к деталям: «на примере «Вышки» (реж. С. Манн, 2022): фильмов о выживании много, если бы обе подруги спаслись – этот

фильм мало чем бы отличался бы от других. Но смерть подруги заставляет зрителя проанализировать все события, желать пересмотреть фильм заново со знанием правды и подметить детали. Хотя вот фанаты фильмов о выживании часто «Вышку» не любят, находя там нестыковки» (записано со слов информанта-культуролога Д. Одерий, 2023).

В отзыве Дарьи Одерий также присутствует предположение о том, почему этот прием стал так востребован режиссерами в последнее время: «для современного кино твисты на одно время стали костылем, так как появление цифровой камеры (фильмы стало дешевле и проще снимать без привязки к пленке), видеопрокаты, интернет и стриминговые платформы и др. спровоцировали рост количества фильмов. Большая конкуренция заставляет выбирать «обходные пути», чтобы запомниться» (записано со слов информанта-культуролога Д. Одерий, 2023).

Кроме того, как нам кажется, «обманные ходы сознания», позволяют преодолевать проблему недосказанности, отражают глубину человеческих переживаний. Метафора «незримого» становится визуализируемой. Коррелирующий с повествованием изобразительный ряд не просто дезориентирует зрителя в художественном времени и пространстве, он помогает воспринимать хронотоп киноленты как целое.

Для каждого раздела этой публикации мы предложили подзаголовки, определяющий основную мысль и одновременно демонстрирующий, как большое может заключаться в малом, а сложное – в простом и очевидном. Обращение к тексту знаменитой

сказки А. Н. Толстого служит своего рода аллегорией исследуемого кинематографического приёма. «Одно из двух, – прошелестел он, – или пациент жив, или он умер. Если он жив – он останется жив или он не останется жив. Если он мертв – его можно оживить или нельзя оживить» [Толстой 1936]. Ученые и философы много веков пытаются дать точное определение сознанию, разобраться в поведенческих установках личности через анализ дискурсов разного типа, однако точнее сравнения сознания с ветром, после которого очевидны последствия – сломанные ветви деревьев, по-видимому, ничего нет, как в карманах у Буратино нет никаких яблок. Думается, что интерес к исследуемому приёму «двойного зрения» вообще никогда не угаснет, как не угаснут попытки режиссёров предложить зрителю вступить в диалог на тему человеческого в человеке.

Литература

- Барт, Р. (2011). *Camera lucida. Комментарий к фотографии*. Москва: Ад Маргинем Пресс.
- Бахтин, М. М. (1979). *Эстетика словесного творчества*. Москва: Искусство.
- Бердяев, Н. А. (2001). *Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения*. Режим доступа: <http://www.vehi.net/berdyaev/mirobj/03.html> (дата обращения: 07.02.2024).
- Делез, Ж. (2016). *Кино*. Москва: Ад Маргинем Пресс.
- Есенин, С. (1923). *Черный человек*. Режим доступа: <https://www.culture.ru/poems/43530/chernyi-chelovek> (дата обращения: 22.02.2024).
- Зверева, В. В. (2012). *«Настоящая жизнь» в телевизоре: исследования современной медиакультуры*. Москва: РГГУ.
- Корсунцев, И. Г. (2004). Особенности виртуальной реальности. В книге *Корсунцев, И. Г. В мире современных научных мифов* (стр. 21–45). Москва: Молодая гвардия.
- Маленко, С. А. (2022). Высокая концентрация впечатлений: чувства, образы, идеи. *Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT)*, 1(1), 09–13. Режим доступа:

[https://doi.org/10.34680/EISCRT-2022-1\(1\)-09-13](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2022-1(1)-09-13) (дата обращения: 22.02.2024).

Мамардашвили, М. (1992). *Как я понимаю философию?* Москва: Прогресс; Культура.

Паланик, Ч. (2002). *Бойцовский клуб*. Москва: АСТ. Режим доступа: http://www.eunet.lv/cgi-bin/win/INPROZ/PALANUK/fightclub_kor.txt (дата обращения: 22.02.2024).

Рыжков, А. Г. (2000). Вербальное и визуальное в кинодискурсе. *Когнитивный подход к изучению языковых явлений: материалы науч. конф. молодых ученых факультета романо-германской филологии* (стр. 96-102). Калининград.

Толстой, А. Н. (1936). *Золотой ключик, или Приключения Буратино*. Режим доступа: <https://azbyka.ru/fiction/zolotoj-kljuchik-ili-prikljuchenija-buratino-tolstoj/> (дата обращения: 22.03.2024).

Хоружий, С. С. (2015). *«Улисс» в русском зеркале*. Санкт-Петербург: Азбука-Аттикус.

Хренов, Н. А. (2023). Философия и искусство: Тарковский как основатель новой дискурсивности. *Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT), 4(5), 49-86*. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-4\(5\)-49-86](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-4(5)-49-86)

Шестов, Л. (1993). На весах Иова. В книге *Шестов Л. Сочинения в 2-х т., Т. 2*. Москва: Наука.

Юнг, К. Г. (2019). *Архетипы и коллективное бессознательное*. Москва: АСТ.

Информация об авторах

Лэфман Татьяна Олеговна – кандидат культурологии, старший преподаватель, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (Россия, 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17), ORCID: 0000-0002-0488-7687, t.lefman@narfu.ru

Егорова Екатерина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (Россия, 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17), ORCID: 0000-0001-8115-9344, ruslit1611@yandex.ru

A PLOT TWIST WITH THE PLAY OF CONSCIOUSNESS IN THE CINEMA: THE HERO IS MORE ALIVE THAN DEAD

**Tat'yana Lefman
Ekaterina Egorova**

Abstract: the article, based on a hermeneutical analysis of modern films, examines the question of the dialogical nature of human consciousness. The research problem also consists of an attempt to actualize the phenomenon of

understanding the concept of "consciousness" in mass culture texts, which, in our opinion, is one of the most discussed issues in the modern scientific paradigm from the point of view of the cognitive-discursive approach. The representation of the meanings of the films under study is significant both at the level of theoretical generalization of work methods to attract the viewer's attention, and at the practical level, for example, identifying ideas about similar components of the "plot twist with the game of consciousness" strategy. The material for analysis is action-packed popular films, the scripts of which use this strategy of visual metaphor of the invisible / "plot twist with the game of consciousness". In reasoning and understanding the stated problems, the authors turn to the perception of viewers (informants). The informants are students of the "Cultural Studies" department of the Department of Cultural Studies and Religious Studies of the Northern (Arctic) University.

Keywords: cinematic art, cinematic technique, plot twist, dialogical nature of consciousness, film discourse, impressions, human consciousness, imaginary vision.

References

- Bakhtin, M. M. (1979). *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Art Publ. (In Russ.).
- Bart, R. (2011). *Camera lucida. Kommentarii k fotografii*. [Camera lucida. Commentary on the photo]. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russ.).
- Berdyaev, N. A. (2001). *Ia i mir ob"ektov. Opyt filosofii odinochestva i obshcheniia* [The experience of the philosophy of loneliness and communication]. Available at: <http://www.vehi.net/berdyaev/mirobj/03.html> (accessed: 02.07.2024). (In Russ.).
- Delez, Zh. (2016). *Kino* [Cinema]. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russ.).
- Hrenov, N. A. (2023). Filosofii i iskusstvo: Tarkovskii kak osnovatel' novoi diskursivnosti. [Philosophy and art: Tarkovsky as the founder of a new discursivity]. *Experience industries. Socio-Cultural Research Technologies (EISCRT)*, 4(5), 49-86. (In Russ.). [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-4\(5\)-49-86](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-4(5)-49-86)
- Jung, K. G. (2019). *Arkhetipy i kollektivnoe bessoznatel'noe*. [Archetypes and the collective unconscious]. Moscow: AST Publishing House. (In Russ.).
- Khoruzhy, S. S. (2015). «Ulyss» v russkom zerkale. ["Ulysses" in the Russian mirror]. St. Petersburg: Azbuka-Atticus Publ. (In Russ.).
- Korsuntsev, I. G. (2004). Osobennosti virtual'noi real'nosti [Features of virtual reality]. V knige Korsuntsev, I. G. *V mire sovremennykh nauchnykh mifov* [In the world of modern scientific myths] (pp. 21-45). Moscow: The Young Guard Publ. (In Russ.).
- Malenko, S. A. (2022). Vysokaia kontsentratsiia vpechatlenii: chuvstva, obrazy, idei. [High concentration of experience: feelings, images, ideas]. *Experience industries. Socio-Cultural Research Technologies (EISCRT)*, 1(1), 99-116. (In Russ.). [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2022-1\(1\)-09-13](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2022-1(1)-09-13).

- Mamardashvili, M. (1992). *Kak ia ponimaiu filosofiiu?* [How do I understand philosophy?]. Moscow: Progress; Culture Publ. (In Russ.).
- Palanik, Ch. (2002). *Boitsovskii klub* [Fight Club]. Moscow: AST. Available at: http://www.eunet.lv/cgi-bin/win/INPROZ/PALANUK/fightclub_kor.txt (accessed: 22.02.2024).
- Ryzhkov, A. G. (2000). Verbal'noe i vizual'noe v kinodiskurse. [Verbal and visual in film discourse]. *Kognitivnyi podkhod k izucheniiu iazykovykh iavlenii: materialy nauch. konf. molodykh uchenykh fakul'teta romano-germanskoii filologii*. [Cognitive approach to the study of linguistic phenomena: materials of the scientific conference of young scientists of the Faculty of Romano-Germanic Philology] (pp. 96-102). Kaliningrad. (In Russ.).
- Shestov, L. (1993). Na vesakh lova [On the scales of Job]. In *Shestov L. Sochineniia v 2-kh t. T. 2*. [Essays in 2 volumes. Vol.2]. Moscow: The science Publ. (In Russ.).
- Tolstoy, A. N. (1936). *Zolotoj kljuchik, ili Prikljuchenija Buratino*. [The Golden Key, or the Adventures of Pinocchio]. Available at: <https://azbyka.ru/fiction/zolotoj-kljuchik-ili-prikljuchenija-buratino-tolstoj> (accessed: 03.22.2024).
- Yesenin, S. (1923). *Chernyi chelovek*. [The Black man]. Available at: <https://www.culture.ru/poems/43530/chernyi-chelovek> (accessed: 02.22.2024). (In Russ.).
- Zvereva, V. V. (2012). «Nastoyashhaya zhizn'» v televizore : issledovaniya sovremennoj mediakul'tury` ["Real Life" on TV: studies of modern media culture]. Moscow: RSUH Publ. (In Russ.).

Author's information

Lefman Tat'yana Olegovna – PhD in Culturology, Senior lecturer, Lomonosov Northern (Arctic) Federal University (Severnaya Dvina Emb. 17, 163002 Arkhangelsk, Russia), ORCID: 0000-0002-0488-7687, t.lefman@narfu.ru

Egorova Ekaterina Nikolaevna – PhD in Philology, Associate Professor, Lomonosov Northern (Arctic) Federal University (Severnaya Dvina Emb. 17, 163002 Arkhangelsk, Russia), ORCID: 0000-0001-8115-9344, ruslit1611@yandex.ru

For citation:

Lefman, T. O., & Egorova, E. N. (2024). A plot twist with the play of consciousness in the cinema: the hero is more alive than dead. *Experience industries. Socio-Cultural Research Technologies (EISCRT)*, 2(7), 56-85. (In Russian). [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2\(7\)-56-85](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2(7)-56-85)

УДК: 304.42

5.7.7. Социальная и политическая философия

[https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2\(7\)-86-126](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2(7)-86-126)

УСЛУЖИТЬ ИНДУСТРИЯМ НОСТАЛЬГИИ: МИФОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ЧЕБУРАШКИ В ЛАБИРИНТАХ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ БЕЗЫСХОДНОСТИ

Андрей Некита,

*Новгородский государственный
университет
им. Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия).*

Andrey Nekita,

*Yaroslav-the-Wise Novgorod
State University
(Veliky Novgorod, Russia).*

ORCID: 0000-0002-9254-2901

e-mail: beresten@mail.ru

Сергей Маленко,

*Новгородский государственный
университет
им. Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия).*

Sergey Malenko,

*Yaroslav-the-Wise Novgorod
State University
(Veliky Novgorod, Russia).*

ORCID: 0000-0003-4828-0171

e-mail: olenia@mail.ru

Для цитирования статьи:

Некита, А. Г., & Маленко, С. А. (2024). Услужить индустриям ностальгии: мифология советского Чебурашки в лабиринтах потребительской безысходности. *Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT)*, 2(7), 86-126. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2\(7\)-86-126](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2(7)-86-126)

Аннотация: в статье анализируется феномен фильма Дмитрия Дьяченко «Чебурашка», премьера которого состоялась 23 декабря 2022 года в кинотеатре «Каро 11 Октябрь». Авторы пытаются объяснить небывалый коммерческий успех проекта не столько неординарностью маркетинговых стратегий его команды, сколько наличием в современном российском обществе определенных мифологизированных образов, репрезентирующих непрерывно возрастающую ностальгию по СССР. Опираясь на социологические данные, авторы делают вывод, что актуализация образа Чебурашки в этот период полностью соответствует крайнему драматизму того непростого этапа, в котором находится Россия, что во многом объясняет возрождение массового очарования от советского прошлого и связанных с ним созидательных символов. Поэтому взрывной интерес представителей всех поколений к этой картине неразрывно связан со стремлением россиян к проверенным временем визуальным образам счастливой, спокойной и мирной жизни. С другой стороны, в стремлении преодолеть отчуждение и одиночество, которые являются главными внутренними вызовами для российского общества, посредством переживания советского опыта индивидуации, на котором формировались целые поколения, авторы усматривают действие мощного компенсационного механизма. Поэтому изучение образа Чебурашки приобретает значимые социокультурные и политико-идеологические смыслы, способные консолидировать российское общество на решающем этапе его цивилизационного развития.

Ключевые слова: архетипическая семья, мифология Чебурашки, детство, фильм «Чебурашка», социализация, ностальгия по советскому, СССР, компенсация, одиночество, отчуждение, индивидуация, СВО.

Было... Я от этого слова бегу,
И никак убежать не могу
Было... Опустевшую песню свою
Я тебе на прощанье пою.
[Рождественский, без даты].

Я был когда-то странной игрушкой безымянной...
[Шаинский 2004: 7].

Триумфальное шествие: причины и поводы

Пожалуй, только ленивый не высказывался в последнее время по поводу вышедшего в самом конце 2022 года российского полнометражного фильма режиссера Дмитрия Дьяченко под хорошо знакомым с детства миллионам россиян названием «Чебурашка». На страницах многочисленных интернет-изданий, в теле и радиоэфирах, новостных каналах и различных видеохостинговых ресурсах размещены сотни и тысячи самых разнообразных и противоречивых комментариев и рецензий на этот фильм. Значительная часть авторов подобных материалов с явным воодушевлением констатирует неслыханный для российского кинематографа коммерческий успех этого проекта.

И действительно, последовавшие за премьерой длинные, необычайно теплые и во многом «невыездные» (из-за многочисленных зарубежных санкций) новогодние каникулы 2023 года стали поистине «красной дорожкой», отправной точкой триумфального проката «Чебурашки» и, собственно, говоря, того самого коммерческого и во многом «вынужденного» (в условиях начавшейся СВО, лавины санкций, трудностей с выездом за рубеж, и отсутствия конкуренции) зрительского успеха, равного которому российский кинематограф не знал за все время своего существования. Подобные знаки для обычного российского зрителя, безусловно, свидетельствовали о высоком качестве картины, как в сюжетном и актерском, так и в технологическом планах. Но, на наш взгляд, стоит серьезно разобраться, так ли хорош этот фильм, как это может показаться на первый взгляд. В

чем именно состоит секрет маркетинговых ходов продюсеров этого проекта, использование которых вызвало всплеск столь неоднозначных оценок в российском обществе. На эти и другие вопросы авторы попытаются дать ответ в ряде материалов, посвященных фильму «Чебурашка» 2022 года.

Торжественный момент премьерного показа фильма «Чебурашка»

Фото: Пелагия Тихонова (АГН «Москва»).

Изображение размещено в свободном доступе на платформе: ourl.io/OyMqY

СВО и ностальгия по миру

Любое современное художественное произведение, как и его авторы становятся известными избранной, или же широкой публике по целому ряду причин. Конечно, в первую очередь, это наличие в художественном тексте сюжетных интриг, а также богатство языковых и визуальных образов. Однако сегодня этого оказывается явно недостаточно для того, чтобы тот или иной культурный текст нашел отклик у читателей, слушателей и зрителей и стал в конечном итоге тем фактором, который бы побуждал их вновь и

вновь обращаться к, казалось бы, уже давно знакомым сюжетам и героям. Хотя, как и прежде, популярность во многом возникает как закономерное следствие глубоких интуиций авторов, по поводу тех или иных коллективных ожиданий публики, складывающихся на момент широкого публичного представления конкретного художественного произведения.

В этом смысле фильм «Чебурашка» Дмитрия Дьяченко (2022 г.), конечно же, не был исключением. Вопрос состоит только в том, на каких же именно ожиданиях российского зрителя автор рассматриваемого фильма за счет умелой и профессиональной игры на них был буквально вознесён на звездный Олимп! Поэтому анализ социокультурного контекста этого фильма и художественных особенностей его представления видится нам одним из основных путей изучения социального и коммерческого феномена «Чебурашки». В любом случае, мы не должны забывать, что премьера этой картины состоялась в первые же новогодние праздники после начала СВО.

Приходится констатировать, что десятилетия спокойной и мирной жизни для нашего общества, очень хотелось бы надеяться, закончились лишь временно. В российском социуме возникло значительное напряжение по поводу конфликта на Украине, что во многом спровоцировало волну бессознательных ностальгических воспоминаний о мирном прошлом, которые, как правило, связывались именно с эпохой СССР.

И действительно, уровень ностальгии по советскому в нашем

На страже мира! Чебурашка на боевом посту. Шеврон «Чебурастор» от бренда Spartu. Изображение размещено в свободном доступе на платформе: clck.ru/3ArHcw

Шеврон «Вежливый Cheburussia» от бренда VELCRO. Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://www.ozon.ru/product/nashivka-vezhlivyyu-cheburator-na-lipuchke-9-5-sm-899526097/>

обществе, особенно в последние годы, значительно вырос. По мнению А. Очкиной такого рода явление «представляет собой более сложный социальный феномен, чем просто некую «коллективную печаль» [Очкина 2012: 50]. Да и по данным опроса, проводимого ВЦИОМ, которые были опубликованы в столетнюю годовщину со дня образования СССР 30 декабря 2022 года (то есть, ровно через неделю после премьерного показа «Чебурашки» в столичном кинотеатре «Каро 11 Октябрь»!) ключевые характеристики советского общества связываются современными россиянами со следующими жизненно важными для каждого человека понятиями: «стабильность (16%), молодость, беззаботное детство (15%), хорошее время (15%), единство, сплоченность, дружба народов и взаимопомощь (13%), великая страна (5%), социальная

справедливость (5%), все дешево, доступно (5%)» [100 лет СССР: забыть нельзя вернуться 2022].

Дед Мороз и Чебурашка – главные герои новогоднего телеэкрана для миллионов советских детей.

Любезнов А. Открытка «С новым годом» (1977).

Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://ourl.io/u8oeG>

В этом смысле, безусловно, подобные идеалы должны были быть представлены в неких соответствующих культурных кодах и образах, которые в нерелексивной, бессознательной форме могли бы сохранять иллюзию присутствия советской зоны комфорта с присущими ей визуальными и звуковыми образами и смыслами. Как отмечают специалисты ВЦИОМ, россияне, уже начиная от 25 лет и до самого преклонного возраста считают стабильность одной из ключевых позитивных характеристик

советской эпохи, непременно связывая ее с детством, молодостью и дружбой народов. В то время как современная молодежь склонна к гораздо более противоречивым оценкам советского общества, обращая внимание не только на позитивные, но и на многочисленные негативные процессы того исторического периода. Сюда же следует отнести и еще одно важное качество, которое в сознании наших современников устойчиво ассоциируется с временами СССР. Речь идет о единстве, сплоченности и дружбе как ключевых социальных маркерах ушедшей эпохи. Так, по мнению И. Яковенко, «идея нерушимой дружбы имела тысячи выражений и повторялась в самых разных регистрах. Она была представлена в московском метро, советском кинематографе, разнообразных неделях и месячниках дружбы. Эта формула варьировалась в названии знаменитого фонтана на ВДНХ, литературного журнала «Дружба народов», ордена «Дружба народов», Российского университета дружбы народов» [Яковенко 2019: 28–29].

Подобные характеристики всецело можно отнести и предвоенному, и к военному, и к послевоенному периодам в истории СССР. Хотя и вся советская культура в целом подобное состояние социальной среды очень удачно представила в серии образов, которые органично впитали в себя идеологию и мифологию советского человека [Некита & Маленко 2022: 105]. Так, по мнению Е. С. Некрасовой, именно визуальные «проявления основных советских мифологем выявляются на примере мифа о

создании новой человеческой формации – советского человека» [Некрасова 2002].

Не будет преувеличением сказать, что история и образ самого Чебурашки являются настоящим брендом этого периода, который хоть и получил неприглядное название «застойного», но, вместе с тем, достаточно гармонично сочетал в себе как экзистенциально-личные запросы обычного советского человека, так и политико-идеологические установки всего советского общества.

Впервые история Эдуарда Успенского о Крокодиле Гене и его друзьях увидела свет в виде книги в 1966 году, а затем была представлена в одноименном диафильме в 1969. Далее Чебурашка стал театральным персонажем. А в декабре 1969 года он уже оказался главным героем одноименного мультипликационного фильма и уже в этом качестве покорила всю страну, буквально очаровывая собой и историями своей жизни миллионы детей и взрослых по всему СССР. Со свойственной этому образу милой, детской непосредственностью и трогательной наивностью Чебурашка, нарисованный Леонидом Шварцманом и трогательно озвученный великой советской актрисой Кларой Румяновой, впервые рассказал советскому зрителю о детском одиночестве в мире взрослых людей, занятых созидательной деятельностью.

Показательно, что милый образ советского мультипликационного Чебурашки органично вобрал в себя всю неуклюжесть, угловатость, незащищенность и незнание маленького ребенка, внезапно оказавшегося в мире взрослых,

деловых и вечно занятых людей. Но, тем не менее, он сразу же превратился в символ открытого, пытливого, смелого и ищущего малыша, самоотверженно готового идти на выручку всем, кто в этом нуждается. Именно благодаря этим качествам Чебурашка стал настоящим магнитом, непрерывно притягивающим к себе столь же одиноких и ищущих детей и взрослых.

Чебурашка - настоящий помощник!

Кадр из мультфильма «Чебурашка» 1971 года. Режиссер Роман Качанов.

Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://ourl.io/6CiWQ>

Наблюдая за тем, как воодушевленные примером маленького Чебурашки сдруживаются все те, кто находится вокруг него, зритель незаметно для самого себя погружается в архаическую и заветную атмосферу создания примордиальных, сакральных сообществ. Как раз благодаря этому Чебурашка и становится

Героем-Первооснователем новой социальной общности Детства, основанной еще на пусть пока и неосознаваемых, но уже на высочайших нравственных идеалах, а не на отчужденных принципах производственной необходимости и формально-деловой коммуникации. Подобная общность приобретает особую мистическую окраску, исподволь способствуя тому, что даже персонажи с видимо деструктивными социальными наклонностями рано или поздно становятся другими, явно меняясь к лучшему. По замечанию российской исследовательницы Е. Бруновой советская коммунистическая пропаганда всегда очень умело «оперировала определенным набором стереотипных метафор» [Брунова 2011: 26]. Так на протяжении нескольких десятилетий скрупулезно и последовательно складывалась мифология образа советского Чебурашки, идейно соответствующая не только социально-политической мифологии советского человека, но и вообще мифологеме коммунизма как таковой.

Мифология коммунизма, запечатленная на одном из многочисленных плакатов времен СССР.

Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://clck.ru/3B2k3o>

Парадоксально, что образ Чебурашки оказался настолько глубоким, что мультипликаторы обращались к нему не один раз. Так с 1969 по 1983 годы постепенно сложилась целая серия мультфильмов, в которых рассказывались увлекательные и поучительные истории о самом Чебурашке и его многочисленных друзьях.

Социальные потрясения, которые переживало советское общество в середине восьмидесятых годов, а также тектонические по масштабу и драматизму события «лихих девяностых» заместили гражданскую коммунистическую мифологию мифологиями потребительского общества с присущими ему образами и идеологемами. На смену искренним и открытым людям пришли герои, стремящиеся к наживе, обману, гедонизму, личному благосостоянию, карьерному успеху и вожаденной власти. Подобные идеологемы за последние более чем тридцать лет прочно укоренились в мировоззрении современных россиян, в том числе и благодаря активной поддержке творческих и художественных элит. В какой-то момент сложилось впечатление, что ментальность российского общества полностью трансформировалась на новых идейных основаниях. Казалось, что можно было найти этому подтверждение абсолютно везде: в сфере публичной политики, экономике, науке, культуре, массмедиа, спорте, образовании и т. д. Как раз об этом и пишет в своей статье Ольга Малинова, представляющая научную школу столичного Национально-исследовательского университета «Высшая школа экономики». Она абсолютно уместно указывает, что в

представлениях большинства россиян так называемые «лихие девяностые» прочно «ассоциируются с тяготами реформ, «ослаблением государства», криминальным «беспределом», неконтролируемой децентрализацией власти и утратой былого влияния на мировую политику» [Малинова 2020: 53].

И вот, спустя почти четверть века после этих страшных и сумбурных событий, в современной России появляется смелое, в первую очередь, маркетинговое решение: неплохо заработать на советском «нашем всем». Так возникает коммерческий проект, который создатели, не мудрствуя лукаво, решили назвать «Чебурашка». Подобная задача обусловила использование целого ряда гарантированно проверенных и сотни раз апробированных по всему миру маркетинговых и медийных технологий, по созданию массового и прибыльного кино. Однако любопытство массового зрителя, который, томимый вынужденно невыездным, постновогодним бездельем, толпами повалил на премьеру этой картины, в итоге обернулось феноменом, который настоятельно требует отнюдь не чисто бухгалтерского, но отдельного научного рассмотрения. А это значит, что мы возвращаемся к тому самому вопросу, с которого и начали весь этот разговор: почему зритель повалил на «Чебурашку»?

Следует сказать, что современный среднестатистический россиянин, привыкший усваивать исключительно позитивный настрой в моделях официальной коммуникации, которая от него самого никак не зависит, где-то очень глубоко в себе все-таки сохранил идею о том, что он каким-то немислимым и непостижимым

до конца образом в итоге сможет изменить и свою жизнь, и свое окружение по примеру маленького, беззащитного Чебурашки. Для этого ему только нужен был внешний толчок, визуальное вдохновение на то, чтобы эту мысль приблизить к границам своего осознания и понимания. А уже эмоции, которые бушевали в зрительных залах, являются ярким подтверждением того, что фильм Дмитрия Дьяченко спровоцировал мощную волну экзистенциальной нестабильности, подпитываемую ностальгией о своем прошлом, родных, друзьях, о сбывшемся и не сбывшемся...

В едином и дружном строю дети и мультяшные герои – Крокодил Гена и Чебурашка. Кадр из мультфильма «Чебурашка» (1971 г., реж. Роман Качанов). Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://clck.ru/3B2mDC>

В этой связи российский исследователь А. Кустарев очень точно подметил, что сама по себе ностальгия представляет собой

совершенно особое «душевное состояние индивида. Тональность этого состояния неопределенна и лучше всего обозначается словами поэта «печаль моя светла». Ее объект – неозвратно ушедшее, навсегда потерянное» [Кустарев 2007].

То есть, прорывной коммерческий успех современного «Чебурашки» был заранее и поколенчески предопределен уже задолго до его просмотра, да и вообще, до создания! И, на самом деле, успех этот вообще, как оказывается, крайне мало связан с тем, что именно и почему происходит в самой картине. Достаточно вспомнить, как начиналась еще в «лихие 90-е» на российском телевидении ностальгия по советскому. По справедливому мнению, отечественной исследовательницы Л. Немченко само конструирование подобной «ностальгии начиналось с эстетизации знаков советского, эстетическая фаза ностальгии была явлена «Старыми песнями о главном», дизайнерскими стратегиями ГУМа в виде катка на Красной площади и Гастронома № 1. Эстетизация стала условием коммерциализации ностальгии, повлекшей за собой продаваемые вариации на тему «сделано в СССР» [Немченко 2016: 108].

В условиях господства крайне прагматичных сценариев коммуникации и, казалось бы, бесконечной жажды наживы, пришедший в зрительный зал «средний» россиянин, своим рублем проголосовал против подобных установок, навязываемых западными идеологами на протяжении последних десятилетий. Поэтому восторженные комментарии по поводу мощного коммерческого успеха «Чебурашки» относятся не к самому этому

фильму, а к возрождению мифологии Чебурашки спустя десятилетия вытеснения и забвения, посредством которой буквально оживает вечно мятущаяся русская душа, находящаяся в извечных поисках первоизданной Родины, Правды и Священного Братства всех людей и всех поколений.

Мифология советского Чебурашки

Авторы статьи, которые в период создания серии мультфильмов о Чебурашке и сами были в замечательном детском возрасте, безусловно, согласны с мнением обозревателя Натальи Ожогойной о том, что «все дети Советского Союза знали наизусть историю про этих двух друзей, которые строили детскую площадку для пионеров, ездили отдыхать в Подмоскowie, спасали реку от загрязнения, катались на «голубом вагоне» и справлялись с кознями Шапокляк» [Ожогоина 2023].

Однако повзрослев, мы пришли к необходимости по-новому взглянуть на привычные и любимые с детства мультяшные образы, для чего и решили посвятить Чебурашке ряд научных статей, посвященных глубинной мифологии этого милого образа. Итак, схематично мифологию советского Чебурашки можно представить в рамках следующего архетипического сюжета. Главный герой (Чебурашка) появляется в неизвестной для него среде, в то же самое время абсолютно не представляя своего онто- и филогенеза. Он, как существо неизвестное само для себя, имея, к тому же нетипичную внешность (о которой он тоже совершенно ничего не знает), бессознательно воспринимается окружающими как чужеродный социальный элемент. Эти парадоксы

обуславливают появление характеристики Чебурашки как кем-то неудачно скроенной и во многом потому заброшенной, безымянной и странной игрушки. Хотя сам факт обнаружения Чебурашки в овощном магазине, да еще и в ящике с таким экзотическим для тогдашнего СССР фруктом как апельсины, в высшей степени напоминает типичный новогодний детский подарок, в котором, наряду с конфетами и заморскими цитрусовыми, обязательно присутствовала и маленькая игрушка.

Сложности с идентификацией Чебурашки в большей степени напоминают аналогичные проблемы детского сознания, для которого столь характерны периоды неопределенности и интенсивного вопрошания. Именно эти качества вскоре позволили советскому Чебурашке найти в своем ближайшем окружении столь же неуверенных в себе взрослых и детей, которые и составили первичный круг его общения. Как раз в «делании» общих дел, взрослые и дети, большие и маленькие, люди и животные, находят способы преодоления своего одиночества, что позволяет им заново переосмыслить социальную действительность и свое место в ней.

Таким образом, унылый и серый город, постепенно начинает играть весенними и солнечными красками, а не знающий себя Чебурашка все больше и больше начинает ощущать самого себя равным своим друзьям. Это позволяет им вместе ставить новые, далеко идущие цели и находить оптимальные способы их воплощения. Обозреватель Интернет-портала 7days.ru Святослав Бирючин так пишет о фабуле советского мультфильма о «Чебурашке»: «Фильмы Качанова по сценариям Успенского, как и

*Каждое доброе дело должно быть обязательно доведено до конца!
Теперь у друзей есть свой домик! Кадр из мультфильма «Крокодил Гена» (1969 г., реж. Роман Качанов). Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://clck.ru/3B2mVc>*

многие отечественные мультики родом из прошлого, учат добру без кулаков, будь то попытка передружить всех одиноких в городе, построить детскую площадку для малышей или спасти подмосковные реки от браконьеров и вредного производства – этого у них не отнять» [Бирючин 2022].

Подобная экранная эволюция советского Чебурашки как раз и создаёт то самое уникальное архетипическое очарование вокруг этого образа, которое парадоксально не исчезает даже спустя несколько десятилетий после волшебного первого знакомства с ним. Поэтому образ советского Чебурашки, безусловно, символизирует архетип «Дитя» или «Ребенка», а

вписанный в контекст советской эпохи он и вовсе становится сакральным символом, презентующим предвечные экзистенциальные смыслы.

Чебурашка: ребенок среди детей.

Кадр из мультфильма «Крокодил Гена» (1969 г., реж. Роман Качанов).

Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://clck.ru/3B2jyW>

В блогах портала ОККО.tv мы разыскали такое трогательное признание автора Анны Фихан: «Чебурашка – это не просто персонаж советских мультфильмов, а настоящая икона российской культуры. Он олицетворяет и добро, и дружелюбие, и открытость миру – все те качества, которых порой сегодня не хватает людям. Он проявляет себя лучшим образом в трудную минуту, когда нужно принять серьезное решение, но при этом всегда остается

максимально милым. В детстве каждый ребенок хотел дружить с таким очаровательным героем, а, повзрослев, обязательно бы приютил у себя этого неопознанного зверька» [Фихман 2023].

Показательно, что Чебурашка как символ ребенка феноменологизируется с помощью образов Крокодила Гены и Старухи Шапокляк, отсылающих к архетипическим фигурам «Отца» и «Матери». Именно между этими тремя образами существует фундаментальная генетическая взаимосвязь, что и обуславливает драматизм внутренних исканий Чебурашки. Крокодил Гена как мягкий, дружелюбный, заботливый, но бесконечно одинокий «Отец»

Старуха Шапокляк со своей шkodливой спутницей крыской по имени Лариска.

Кадр из мультфильма «Шапокляк» (1974 г., реж. Роман Качанов).

Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://clck.ru/3B2jwS>

находит свое символическое взаимодополнение в образе решительной, хитроумной, изворотливой Темной «Матери», представленной героиней старухи Шапокляк. Кстати, ее материнские смыслы постоянно педалируются с помощью образа крысы Лариски, которая скрашивает такое же бесконечное одиночество этой женщины. Необходимость индивидуации для маленького Чебурашки просто висит в воздухе и вопиет буквально в каждом эпизоде этот великолепно-трогательного советского мультфильма.

Ведь и вправду, зададимся вопросом, а кто таков этот «Чебурашка по существу? Иммигрант-нелегал без роду и племени, существо без пола и имени. В зоопарк его не принимают как «неизвестного науке зверя», а в магазин уцененных товаров трудоустраивают как «бракованную игрушку», диковинную витринную приманку, привлекающую внимание прохожих к другим стандартным игрушкам. Их меланхоличный дуэт с Крокодиллом Геной – чуть более социализированным, но таким же одиноким – порождает одну большую историю двух максимально не похожих визуально товарищей, но одинаково сиротливых, бесприютных душ, у которых кроме них самих нет ровным счетом никого и которым жизненно важно держаться вместе, ведь дружба и чувство локтя едва ли не единственное, что способно помочь бескорыстным, беззащитным и беззлобным в энергозатратной борьбе с теми, у кого иные ценности» [Бирючин 2022].

В итоге Шапокляк практически на всем протяжении советского цикла мультфильмов демонстрирует зрителям

безусловный пример стервы, которая, однако, по мере сближения с крокодилом Геной и Чебурашкой становится все мягче и дружелюбнее. Ведь по мнению автора целого ряда российских бестселлеров об «идеальной стерве», такая фигура одновременно и «ведьма и ангел в одном лице. С равным достоинством она принимает охапку полевых цветов от бедного, но любимого трубадура и бриллиант в тридцать каратов от короля» [Николаева, без даты].

Однако, как это ни парадоксально, даже такая «стерва», под влиянием социального окружения со временем окончательно превращается в конструктивный бессознательный фактор в психобиографии маленького Чебурашки. С другой стороны, демонстративная хулиганистость старухи Шапокляк наглядно подчеркивает и другую сторону ее архетипической природы, а именно, черты образа «Трикстера», который то и дело провоцирует как саму Шапокляк, так и тех, кто ее окружает, на постоянные изменения характера повседневности. В этом контексте сразу же вспоминается известная фраза Григория Горина, вложенная им в уста барона Мюнхгаузена из кинофильма «Тот самый Мюнхгаузен» (1979 г.): «Я понял, в чём ваша беда: вы слишком серьёзны. Умное лицо – это ещё не признак ума, господа. Все глупости на земле делаются именно с этим выражением лица. Улыбайтесь, господа. Улыбайтесь!» [Горин 1986].

Тем самым, Шапокляк при любом удобном случае подчеркивает условность каких бы то ни было сценариев социальной коммуникации, настаивает на критическом отношении

к сложившимся правилам социума, настраивает зрителей на формирование легкого, игрового, ироничного отношения к жизни. Именно так миф о Чебурашке доносит до советских зрителей парадоксальный и противоречивый характер как делового, так и особенно повседневного взаимодействия мужчин и женщин, мальчиков и девочек.

Ироничная улыбка барона Мюнхгаузена лучше всяких слов характеризует его мнение по поводу предсказуемости любых внешних проявлений человеческой глупости.

Кадр из фильма «Тот самый Мюнхгаузен» (1980 г., реж. Марк Захаров).

Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://clck.ru/3B2jtx>

Вообще, непривычная и неуклюжая внешность Чебурашки является классическим примером феноменологии детского сознания, которое познает самое себя. А первые этапы этого противоречивого процесса всегда связываются с

неопределенностью, неясностью, тревогой и сомнениями, а также с целым рядом иных качеств, в той или иной мере подчеркивающих не освоенность способностей и возможностей собственного тела и коллективного опыта. Кроме этого, и без того сложные процессы самопознания Чебурашки в контексте мультфильма оказываются вписанными еще и в целый ряд социокультурных, а также политических контекстов советской эпохи. Это придает экзистенциальным исканиям маленького существа особую актуальность, поскольку наглядно демонстрирует механизмы внедрения его личного мифа в контекст глобальной мифологии [Шевченко & Дорофеева 2024: 145] советского человека. Адаптация внутри этой ментальной системы мифа о Чебурашке позволяет закрепить идею примордиальной веры, наивности и детской непосредственности в советской системе мифологической коммуникации.

Поэтому, образ будущего, спроецированный историей Чебурашки, представляет собой совокупность установок и паттернов общества, которое стремится преодолеть внутренние противоречия во имя конституирования нового типа личности, живущей в новой общности под гордым названием СССР. В итоге Чебурашка предстает символическим образом, социализирующая и инкультурирующая миссия которого состоит в подготовке маленьких зрителей любого возраста к искреннему и самоотверженному отношению к людям, делу, которому посвящается жизнь и социокультурному пространству, в котором это дело реализуется.

Незатейливые истории, в которые то и дело попадает маленький Чебурашка и его друзья, становятся наглядными и поучительными примерами эффективных способов формирования моделей коммуникации, намеренно и демонстративно выведенных авторами за пределы формализма, официоза и показной серьезности. Поэтому миф Чебурашки является визуальным воплощением интуитивно найденной создателями серии мультипликационных фильмов архетипической схемы, которая продемонстрировала сложный, поэтапный и непротиворечивый процесс включения бессознательных закономерностей становления сознания и личности в сценарии социальной трансформации, предполагающие созидание общества нового, невиданного ранее в человеческой истории качества. В силу этого рассказы о Чебурашке всегда предполагают наличие социальных противоречий, которые с помощью этого персонажа как раз и находят наиболее оптимальное и продуктивное решение.

Показательно, в связи с этим, что по мнению Интернет-портала Culture.ru за «50 лет своего существования Чебурашка обзавелся памятниками в нескольких городах, стал героем анекдотов, компьютерных игр, фото- и художественных проектов, подарил свое имя серии клубных вечеринок начала нулевых и мастеру Йоде в гоблинском переводе «Звездных войн». А в 2004 году и вовсе стал талисманом олимпийской сборной России – сперва на Играх в Афинах, потом в Турине, Пекине, Ванкувере, поменяв за это время цвет шкурки с оригинального коричневого на

белый, красный и даже синий. И неуклюжесть не помеха!» [Чебурашка: наш супергерой, без даты].

Безысходность: реальность или призраки

Несмотря на то, что съемочная группа Дмитрия Дьяченко настойчиво позиционирует фильм «Чебурашка» 2023 года выхода как совершенно новую историю об этом персонаже, тем не менее, набор ведущих символических образов практически остается прежним. Это: собственно Чебурашка, по-прежнему одинокий, несмотря ни на что садовник Геннадий Петрович (прототипом которого стал крокодил Гена, и столь же одинокая (несмотря на наличие капризной внучки) директриса шоколадной фабрики «Радость моя» – Римма (прототипом которой стала старуха Шапокляк). По утверждениям экспертов в рамках «новой экранизации старые герои пережили серьезную трансформацию. Так, добрейший крокодил стал «крокодиллом» по характеру – мрачным и нелюдимым садовником дендрария Геннадием Петровичем в исполнении Сергея Гармаша. А Шапокляк можно узнать в стервозной бизнесвумен Римме, которая щеголяет в оригинальных шляпках и вместо крысы Лариски гоняет по поручениям помощника Лариона» [Кочешкова 2023].

Как мы утверждали выше, социальный контекст мифа о Чебурашке Эдуарда Успенского и Романа Качанова играет ведущую роль для раскрытия архетипической сути образа Чебурашки и в новом фильме. В то же время на второй план уходит тема самопознания Чебурашки, тогда как производственная тема,

наоборот, нарочито выпячивается, становясь основной тканью повествования и сценой для разворачивания сюжета.

Свидетельством того, что новый Чебурашка изначально утрачивает архетипические свойства становится тот факт, что практически до сорок шестой минуты (то есть, фактически до половины экранного времени) фильма он совершенно не выказывает способности к членораздельной речи. Примечательно, что советский Чебурашка впервые произносит свою фразу «Не знаю» уже в начале третьей минуты мультфильма.

«Что ты такое?..» Чебурашка и герой Сергея Гармаша садовник Гена пытаются узнать друг друга.

Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://clck.ru/3B2n22>

Все, что демонстрирует зрителям в это время Чебурашка составляют эмоциональные междометия и пластичная мимика в процессе непрерывного поиска и активного поедания апельсинов, что, безусловно, куда более сближает его с человеческими детьми,

нежели с детенышами животных. Показательно и то первое слово, которое произносит Чебурашка в доме садовника Гены. Это слово «мама», обращенное пушистым малышом к единственному знакомому человеку, которого Чебурашка выделяет среди прочих на основе инстинктивного механизма, который биологи и этологи называют импринтингом – бессознательным запечатлеванием.

Однако Чебурашка Дьяченко или как его еще называет Гена «ушастик» очень быстро эволюционирует из глупого поедателя цитрусов в гениального игрока в шахматы и существо, умеющее прощать предательство» [Кочешкова 2023].

Следует обратить внимание на тот показательный факт, что феноменология образа современного Чебурашки начинает

*Внук садовника Гены Гриши и Чебурашка вместе открывают для себя новый мир.
Постер к фильму «Чебурашка» (2022 г., реж. Д. Дьяченко).*

Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://clck.ru/3B2nFa>

раскрываться по модели человеческой социализации только после встречи Чебурашки с сыном дочери садовника Гришей, который до пятилетнего возраста так и не научился говорить, несмотря на все усилия родителей. Сурдопатология Чебурашки и Гриши напрямую демонстрируется длительной немотой, которая сопровождает жизнь этих маленьких персонажей и как нельзя более драматично подчеркивает символическую близость их судеб. И если образ советского Чебурашки с первой минуты повествования рассказывал маленьким зрителям об одиноком и беззащитном зверьке-ребенке, который обладал уже достаточно развитыми социализационными навыками, то современное прочтение образа Чебурашки изначально оперирует столь популярной сегодня идеей инклюзии, которая в обязательном порядке требует уже совершенно специфических коммуникативных протоколов и особой социальной инфраструктуры.

Кстати, киношный Чебурашка Дмитрия Дьяченко так и не научился быстро разговаривать, хотя и обрел навыки слогового чтения, но, подобно знаменитой Эллочке-людоедке Ильи Ильфа и Евгения Петрова, его словарный запас состоял всего из нескольких слов и выражений. Поэтому символическая близость Чебурашки и маленького Гриши актуализирует тему Маугли как достаточно значимую проблему для начала второго десятилетия XXI века. Современный Чебурашка демонстрирует свою готовность к социализации, хотя и в достаточно примитивных формах, что выражается в интенциональности его сознания и в операциональном использовании произносимых им слов и понятий.

Отмеченная нами особенность синкретичного образа Чебурашки-Гриши наиболее полно раскрывается посредством социального контекста, в котором находятся персонажи.

Киношный «крокодил» Дмитрия Дьяченко – Геннадий Петрович – подсобный работник дендропарка, который патологически педантично следит за чистотой газонов, клумб и территории. Он живет там же, где и работает, а судя по интерьеру его пристанища, в прошлом он занимался исследовательской деятельностью, связанной с изучением природы в различных географических зонах нашей планеты. Об этом свидетельствуют фотографии с хорошо известными во всем мире исследователями-путешественниками, расположенные на стенах его жилища. Однако Геннадий Петрович по неизвестным зрителям причинам отказался от исследовательской деятельности, избрав достаточно простую и малоквалифицированную работу, в ходе выполнения которой он с явным невротическим удовольствием в той или иной форме вымещает на всех окружающих обиду за «самого себя так и не сбывшегося».

Негодующая блогер отечественного интернет-портала МЕЛ Алена Громова, а по совместительству еще и типичная российская мама своей маленькой дочери, так описывает собственные впечатления от просмотра фильма, которому присвоена возрастная категория «6+»: «у нового Гены мотивация какая-то мутная. Сначала он несколько раз выкидывает неведому зверушку, совершенно ей не сочувствуя. Потом Чебурашка сталкивается с немим внуком Гены. Мальчик, увидев зверька, начинает говорить, а

Гена так обращает на Чебурашку внимание: ему как раз нужно наладить отношения с дочерью и внуком и зверь может оказаться в этом деле полезным. То есть симпатии к существу и потребности в дружбе он изначально вообще не испытывает, Чебурашка ему просто выгоден» [Громова 2023].

И даже появление в жизни Гены столь необычного существа как Чебурашка не способно изменить мизантропические жизненные принципы этого обозленного человека. Это объясняет многолетний конфликт садовника с его дочерью. Вполне возможно, что в этом же кроется и причина многолетней немоты внука Гриши. Однако затянувшая «вражда» с дочерью лишь усугубляется педалированием производственной и бизнес-темы как ведущей фабулы сюжета нового фильма о Чебурашке. И здесь Чебурашка выступает тем агентом, который по началу лишь обостряет все наличные производственные и стратификационные социальные противоречия. И действительно мы наблюдаем разворачивание конфликта между средним и малым бизнесом в лице дочери Гены Тани и директора шоколадной фабрики «Радость моя» Риммы.

Во многом надуманное соперничество производителей шоколада, тем не менее, дает возможность понять базовое социальное кредо конкурентов: вся жизнь посвящена бизнесу, ему в жертву приносятся и все возможные человеческие потребности и интересы, а заодно и все родные и близкие люди. Таков сам Геннадий, который после трагической гибели своей молодой жены еще в детстве отдал маленькую дочь мрачной и хмурой тетке.

В плену этой же модели всю жизнь живет и Римма-«Шапокляк»,

Римма и Ларион – «творческий ангрейд» привычных мультяшных образов старухи Шапокляк и крыски Лариски замышляют очередную каверзу в цехе по производству шоколада.

Кадр из фильма «Чебурашка» (2023 г.).

Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://clck.ru/3B2nVW>

которая, чрезмерно агрессивно развивая свои бизнес-стратегии, неизбежно столкнулась с непреодолимым конфликтом сначала с собственной дочерью, а затем и со внучкой. Но и Таня, дочь Геннадия, казалось бы, пройдя через ужасную жизненную трагедию, тем не менее, назло самой себе и своим близким людям, посвящает жизнь работе в шоколадной лавке, пытаясь во что бы то ни стало утопить неизбывное детское горе и горький привкус неудавшейся жизни в «сладкой» работе.

Показательно, что, как и в старом «Чебурашке», тема одиночества оказывается ведущей и для этого кино-бизнес

проекта. Однако если советская истории о Чебурашке, как мы уже упоминали ранее, учила зрителя возможным способам коллективного и деятельного преодоления одиночества, то в киноверсии Дьяченко каждый из главных героев пытается за счет Чебурашки хоть как-то решить свои застарелые внутренние проблемы. Конечно, по мнению обозревателя Артема Баусова в киноновинке «много отсылок к современному миру, есть некая сатира на происходящие в мире события. Не всегда умелая, но в целом уместная и даже забавная. Диалоги выстроены так, чтобы от них **нельзя было заскучать**. Они постоянно сменяются действием и не успевают надоесть. Многие намеренно глупые, и это видно. Но в целом определенный посыл чувствуется. Но до чего же плохо выглядит Чебурашка» [Баусов 2023].

При этом, самыми эффективными средствами коммуникации оказываются, как это и положено в рыночном обществе, меновые и товарно-денежные отношения, свидетельствующие о глубочайшем экзистенциальном кризисе этого социума.

По сути, все персонажи этой межпоколенческой «апельсиново-ушасто-шоколадной» кинодрамы используют друг друга в качестве оперативного, или же наоборот, долгосрочно-кредитного ресурса для решения назревающих проблем. Киношный Чебурашка в 2022 году престал учить людей быть добрыми и внимательными друг к другу и тут же превратился в разменную монету в руках предприимчивых представителей разных поколений. А для того, чтобы подобные социальные практики не вызвали у окружающих различного рода неудобных

вопросов, в художественном симулякре о Чебурашке 2022 года главные детские персонажи в лице самого Чебурашки и мальчика Гриши были предусмотрительно лишены речи, как ведущего продукта деятельности человеческого мышления.

В какой-то момент у придирчивого «немассового» зрителя фильма даже создается впечатление, что Чебурашка, интуитивно понимая суть всего происходящего, молчит именно потому, что просто принципиально не хочет общаться с нашими современниками, которые избрали обман и наживу в качестве базовых координат своего мелочного существования. Особенно остро эта мысль выпячивается в эпизоде, когда Чебурашку спасают от игрушечного рабства в доме у богатых людей. Однако после этого, малыш с еще большей грустью констатирует, что он не хочет быть человеком, поскольку все люди злые, а потому он принимает решение навсегда остаться просто игрушкой, закрепив за собой этот, как ему кажется, максимально безопасный в этом типе обществе функционал, тогда как безысходность отныне становится его единственным экзистенциальным маркером.

Уже упоминавшаяся нами выше блогер Алена Громова после сеанса с горечью заметила: «Дешевые манипуляции, «слезодавилка», странная мотивация персонажей, попытки выдать плохое за норму – все это лично для меня перевесило так называемые «позитив» и «доброту» этой ленты. Зачем все это было нужно? Чтобы малыши, которые пришли в кино (в зале было полно детсадовцев и младших школьников) сидели и рыдали? Вы уверены, что с детьми шести, семи, да даже десяти лет на важные и сложные

темы смерти, предательства, слабости надо говорить именно так? И предлагать им такие образы и такие выводы?» [Громова 2023].

Уроки коммерческого кульбита

Сенсация, которую в российской кино произвел «Чебурашка» в январе 2023 года, убедительно продемонстрировала те значимые изменения, которые произошли на постсоветском пространстве. Выдающиеся художественные достижения эпохи СССР, выстраданные гениальными медиумами-пророками отечественной культуры, оказались принципиально недоступными для понимания представителями новых поколений. Но в отсутствии актуальных, значимых смыслов неопиты оказались способными только к коммерческому «хайпу» на произведениях по мотивам выдающихся советских прототипов. Подобные изначально и насквозь коммерциализированные кульбиты практически начисто лишают эти шедевры изначальной глубины, экзистенциального пафоса и человеколюбия. Они рассматриваются исключительно как не претендующий на долгую народную любовь и память поколений, достаточно быстрый и массовый отъем денег у населения на вполне законных основаниях, откровенно паразитирующий как на ностальгии о прошлом, так и на хроническом отсутствии значимых экзистенциальных смыслов, которые способны объединить поколения, в настоящем. В то же время, возрожденная Дмитрием Дьяченко и его командой мифология Чебурашки в новых социальных контекстах, лишь подтверждает наличие естественных бессознательных пределов в коммерческо-хайповых манипуляциях общественным мнением, которые еще совсем недавно считались абсолютно безграничными.

Вперед, к новым приключениям в апельсиновый рай! Скейтбординг Чебурашки на доске по дороге, усыпанной апельсинами! Постер к фильму «Чебурашка» (2022 г., реж. Д. Дьяченко).
Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://clck.ru/3B2o6Y>

Литература

- 100 лет СССР: забыть нельзя вернуться? (2022, 30 декабря). *ВЦИОМ новости*. Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/100-let-sssr-zabyt-nelzja-vernutsja> (дата обращения: 10.02.2024).
- Баусов, А. (2023). Посмотрел нового «Чебурашку» в кинотеатре и удивился. Такого фильма я не ждал. *iPhones.ru*. Режим доступа: <https://www.iphones.ru/iNotes/posmotrel-cheburashku-01-01-2023> (дата обращения: 21.02.2024).
- Бирючин, С. (2022). Крокодил Гена и Чебурашка: один из самых трогательных дуэтов советской мультипликации. *7days.ru*. Режим доступа: <https://gog.su/8ZzV> (дата обращения: 21.02.2024).
- Брунова, Е. (2011). Мифопоэтика коммунистической пропаганды: лингвокультурный и когнитивный анализ. *Политическая лингвистика*, 2(36), 24-30.
- Горин, Г. (1986). *Тот самый Мюнхгаузен*. Москва: Советский писатель. Режим доступа: <https://goo.su/GDDE> (дата обращения: 21.02.2024).
- Громова, А. (2023). «Хочу, чтобы дочь это развидела». Чем новый «Чебурашка» не угодил родителям. *Мел*. Режим доступа: <https://goo.su/BVxvq> (дата обращения: 21.02.2024).

- Кочешкова, Е. (2023). Эволюция Чебурашки – от неведомой зверюшки до садового вредителя с потенциалом гения: сравнили книгу, мультик и кино. *ТЧК*. Режим доступа: <https://goo.su/TzEfO> (дата обращения: 21.02.2024).
- Кустарев, А. (2007). Золотые 1970-е – ностальгия и реабилитация. *Неприкосновенный запас*, 2(52). Режим доступа: <http://old.magazines.russ.ru:8080/nz/2007/2/ku1.html> (дата обращения: 21.02.2024).
- Малинова, О. (2020). Тема «лихих девяностых» в дискурсах российских коммунистов и национал-патриотов. *Вестник Пермского университета. Политология*, 14(2), 53–63.
- Некита, А. Г., & Маленко, С. А. (2022). Визуальные киномифы советской эпохи в идеологическом созидании «нового» человека. *Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT)*, 1(1), 99–116. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2022-1\(1\)-99-116](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2022-1(1)-99-116)
- Некрасова, Е. С. (2002). Мифологические конструкции в советской культуре и искусстве. *Альманах «Studia culturae», Studia culturae*, 2(2), 179–188. Режим доступа: <http://anthropology.ru/ru/text/nekrasova-es/mifologicheskie-konstrukcii-v-sovetskoy-kulture-i-iskusstve> (дата обращения: 10.02.2024).
- Немченко, Л. М. (2016). Стратегии работы с ностальгией по советскому в современном российском кинематографе. *Филологический класс*, 1, 108–112.
- Николаева, Г. (без даты). Записки мудрой стервы. *Библиотека «Куб»*. Режим доступа: <https://gog.su/Q1kD> (дата обращения: 21.02.2024).
- Ожогина, Н. (2023). Что значит «чебурахнуться»: как создавали Чебурашку в СССР и сейчас. *Новый очаг*. Режим доступа: <https://goo.su/y123> (дата обращения: 21.02.2024).
- Очкина, А. В. (2012). К вопросу о социальной природе «советской ностальгии» вопросу о социальной природе «советской ностальгии». *Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского*, 28, 50–57.
- Рождественский, Р. (без даты). Только тебе. *Lit-Ra.su. Электронная библиотека*. Режим доступа: <https://lit-ra.su/robert-rozhdestvenskiy/tolko-tebe> (дата обращения: 21.04.2024).
- Фихан, А. (2023). Он не игрушка, он живой: История Чебурашки. *ОККОлокино*. Режим доступа: <https://blog.okko.tv/articles/on-ne-igrushka-on-zhivoj-istoriya-cheburashki> (дата обращения: 21.04.2024).
- Чебурашка: наш супергерой (без даты). *Культура.РФ*. Режим доступа: <https://www.culture.ru/s/cheburashka/> (дата обращения: 21.02.2024).
- Шаинский, В. (2004). *Чебурашка и другие. Песни из любимых мультфильмов (для голоса в сопровождении)*. Челябинск: МРІ.
- Шевченко, О. К., & Дорофеева, А. А. (2024). Мифопоэтика вина как имажинативный абсолют человеческого бытия. *Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT)*, 1(6), 136–165. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-1\(6\)-136-165](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-1(6)-136-165)

Яковенко, И. (2019). «Нерушимая дружба советских народов»: создание, бытование и деконструкция одного советского мифа. *Вестник РГГУ: Литературоведение. Языкознание. Культурология, 8, 27-39.*

Информация об авторах

Некита Андрей Григорьевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, культурологии и социологии. Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (Россия, 173003, Великий Новгород, ул. Б. Санкт-Петербургская, 41), ORCID: 0000-0002-9254-2901, beresten@mail.ru

Маленко Сергей Анатольевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, культурологии и социологии. Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (Россия, 173003, Великий Новгород, ул. Б. Санкт-Петербургская, 41), ORCID: 0000-0003-4828-0171, olenia@mail.ru

SERVING THE NOSTALGIA INDUSTRIES: THE MYTHOLOGY OF THE SOVIET CHEBURASHKA IN THE LABYRINTHS OF CONSUMER DESPAIR

Andrey Nekita, Sergey Malenko

Abstract: the article analyzes the phenomenon of Dmitry Dyachenko's film *Cheburashka*, which premiered on December 23, 2022 at the Karo 11 October cinema. The authors try to explain the unprecedented commercial success of the project not so much by the originality of its team's marketing strategies, but by the presence of certain mythologized images that represent the continuously growing nostalgia for the USSR in modern Russian society. Based on sociological data, the authors conclude that the actualization of the image of *Cheburashka* during this period is fully consistent with the extreme drama of the difficult stage in which Russia is located, which largely explains the revival of mass fascination with the Soviet past and the creative symbols associated with it. Therefore, the explosive interest of representatives of all generations in this picture is inextricably linked with the desire of Russians for time-tested visual images of a happy, calm, and peaceful life. On the other hand, in the desire to overcome alienation and loneliness, which are the main internal challenges for Russian society, through the experience of the Soviet experience of individuation, on which entire generations were formed, the authors see the operation of a powerful compensation mechanism. Therefore, the study of the image of *Cheburashka* acquires significant socio-cultural and political-ideological meanings that can consolidate Russian society at the decisive stage of its civilizational development.

Keywords: archetypal family, mythology of Cheburashka, childhood, film "Cheburashka", socialization, nostalgia for the Soviet, USSR, compensation, loneliness, alienation, individuation, SMO.

References

- 100 let SSSR: zabyt' nel'zia vernut'sia? [100 years of the USSR: to forget love to return?] (2022, December 30). *VTs/OM Novosti* [VTSIOM News]. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/100-let-sssr-zabyt-nelzja-vernutsja> (accessed: 10.02.2024). (In Russ).
- Bausov, A. (2023). Posmotrel novogo «Cheburashku» v kinoteatre i udivilsia. Takogo fil'ma ia ne zhdal [I watched the new Cheburashka in the cinema and was surprised. I didn't expect such a movie]. *iPhones.ru*. Available at: <https://www.iphones.ru/iNotes/posmotrel-cheburashku-01-01-2023> (accessed: 21.02.2024). (In Russ).
- Biriuchin, S. (2022). Krokodil Gena i Cheburashka: odin iz samykh trogatel'nykh duetov sovetskoi mul'tplikatsii [Gena and Cheburashka: one of the most touching duets of Soviet animation]. *7days.ru*. Available at: <https://gog.su/8ZzV> (accessed: 21.02.2024). (In Russ).
- Brunova, E. (2011). Mifopoetika kommunisticheskoi propagandy: lingvokul'turnyi i kognitivnyi analiz [Mythopoetics of Communist Propaganda: Linguistic, cultural and cognitive analysis]. *Politicheskaiia lingvistika* [Political linguistics], 2(36), 24-30. (In Russ).
- Cheburashka: nash supergeroi [Cheburashka: Our superhero] (n. d.). *Kul'tura.RF* [Culture of the Russian Federation]. Available at: <https://www.culture.ru/s/cheburashka/> (accessed: 21.02.2024). (In Russ).
- Fikhan, A. (2023). On ne igrushka, on zhivoi: Istoriia Cheburashki [About not a toy, about a living one: The story of Cheburashka]. *OKKOlo kino*. Available at: <https://blog.okko.tv/articles/on-ne-igrushka-on-zhivoj-istoriya-cheburashki> (accessed: 21.04.2024). (In Russ).
- Gorin, G. (1986). *Tot samyi Miunkhgauzen* [The same Munchausen.]. Moscow: Soviet writer Publ. Available at: <https://goo.su/GDDE> (accessed: 21.02.2024). (In Russ).
- Gromova, A. (2023). «Khochu, chtoby doch' eto razvidela». Chem novyi «Cheburashka» ne ugodil roditeliam ["I want to, I want to see my daughter." How did the new Cheburashka not get settled with his parents]. *Mel*. Available at: <https://goo.su/BVxvq> (accessed: 21.02.2024). (In Russ).
- Iakovenko, I. (2019). «Nerushimaia druzhba sovetskikh narodov»: sozdanie, bytovanie i dekonstruktsiia odnogo sovetskogo mifa ["The Indestructible Friendship of the Soviet Peoples": the creation, existence and reconstruction of a Soviet myth]. *Vestnik RGGU: Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul'turologiia* [Bulletin of the Russian State University: Literary Studies. Linguistics. Cultural studies], 8, 27-39. (In Russ).
- Kocheshkova, E. (2023). Evoliutsiia Cheburashki – ot nevedomoi zveriushki do sadovogo vreditelia s potentsialom geniia: sravnili knigu, mul'tik i kino [The

- evolution of Cheburashka – from an unknown animal to a garden master with the potential of a genius: compared a book, a cartoon and a movie]. *TChK*. Available at: <https://goo.su/TzEfO> (accessed: 21.02.2024). (In Russ).
- Kustarev, A. (2007). Zolotyie 1970-e – nostalg'ia i rehabilitatsiia [The Golden 1970s – Nostalgia and rehabilitation]. *Neprikosnovennyi zapas* [An inviolable supply], 2 (52). Available at: <http://old.magazines.russ.ru:8080/nz/2007/2/ku1.html> (accessed: 21.02.2024). (In Russ).
- Malinova, O. (2020). Tema «likhikh devianostykh» v diskursakh rossiiskikh kommunistov i natsional-patriotov [The theme of "dashing deviants" in the discourses of Russian Communists and National Patriots]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologija* [Bulletin of the Perm University. Political Science], 14 (2), 53–63. (In Russ).
- Nekita, A. G., & Malenko, S. A. (2022). Визуальные киномифы советской эпохи в идеологическом создании "нового" человека [Visual film myths of the Soviet era in the ideological creation of a "new" person]. *Industrii vpechatlenii. Tekhnologii sotsiokul'turnykh issledovanii (EISCRT)* [Experience industries. Socio-Cultural Research Technologies (EISCRT)], 1(1), 99–116. (In Russ.). [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2022-1\(1\)-99-116](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2022-1(1)-99-116)
- Nekrasova, E. S. (2002). Mifologicheskie konstruksii v sovetskoj kulture i iskusstve [Mythological constructions in Soviet culture and art]. *Al'manakh «Studia culturae», Studia culturae* [The Almanac "Cultural Studies", Cultural studies], 2(2), 179–188. Available at: <https://goo.su/HvBDW> (accessed: 10.02.2024). (In Russ).
- Nemchenko, L. M. (2016). Strategii raboty s nostalg'iei po sovetskomu v sovremennom rossiiskom kinematografe [Strategies for dealing with Soviet nostalgia in modern Russian cinema]. *Filologicheskii klass* [Philological class], 1, 108–112. (In Russ).
- Nikolaeva, G. (n. d.). Zapiski mudroi stervy [Notes of a wise bitch]. *Biblioteka «Kub»* [Library "Kub"]. Available at: <https://gog.su/Q1kD> (accessed: 21.02.2024). (In Russ).
- Ochkina, A. V. (2012). K voprosu o sotsial'noi prirode «sovetskoj nostalg'ii» voprosu o sotsial'noi prirode «sovetskoj nostalg'ii» [On the question of the social nature of "Soviet nostalgia" the question of the social nature of "Soviet nostalgia"]. *Izvestiia PGPU im. V. G. Belinskogo* [Izvestiya PGPU named after V. G. Belinsky], 28, 50–57. (In Russ).
- Ozhogina, N. (2023). Chto znachit «cheburakhnut'sia»: kak sozdavali Cheburashku v SSSR i seichas [What does it mean to "go crazy"?: how Cheburashka was created in the USSR and today]. *Novyi ochag* [A new hearth]. Available at: <https://goo.su/yI23> (accessed: 21.02.2024). (In Russ).
- Rozhdestvenskii, R. (n. d.). Tol'ko tebe [Only you]. *Lit-Ra.su. Elektronnaia biblioteka* [Lit-Ra.su. Electronic library]. Available at: <https://lit-ra.su/robert-rozhdestvenskiy/tolko-tebe> (accessed: 21.02.2024). (In Russ).
- Shainskii, V. (2004). *Cheburashka i drugie. Pesni iz liubimykh mul'tfil'mov (dlia golosa v soprovozhdenii)* [Cheburashka and others. Beetroot from your favorite animated films (for voice accompaniment)]. Cheliabinsk: MPI Publ. (In Russ).

Shevchenko, O. K., & Dorofeeva, A. A. (2024). Mifopoetika vina kak imaginativnyi absolut chelovecheskogo bytiia [The mythopoetics of wine as an imaginative the absolute of human existence]. *Industrii vpechatlenii. Tekhnologii sotsiokul'turnykh issledovaniy (EISCRT)* [Experience industries. Socio-Cultural Research Technologies (EISCRT)], 1(6), 136-165. (In Russian). [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-1\(6\)-136-165](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-1(6)-136-165)

Author's information

Nekita Andrey Grigorievich – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Sociology, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (41 B. St. Petersburg str., Veliky Novgorod, 173003, Russia), ORCID: 0000-0002-9254-1901, beresten@mail.ru

Malenko Sergey Anatolyevich – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Sociology. Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (41 B. St. Petersburg str., Veliky Novgorod, 173003, Russia), ORCID: 0000-0003-4828-0171, olenia@mail.ru

For citation:

Nekita, A. G., & Malenko, S. A. (2024). Serving the nostalgia industries: the mythology of the Soviet Cheburashka in the labyrinths of consumer despair. *Experience industries. Socio-Cultural Research Technologies (EISCRT)*, 2(7), 86-126. (In Russian). [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2\(7\)-86-126](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2(7)-86-126)

УДК 32.019.5

5.7.7. Социальная и политическая философия

5.7.8. Философская антропология, философия культуры

[https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2\(7\)-127-155](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2(7)-127-155)

МИФОЛОГИЧЕСКАЯ КОТОМАТРИЦА ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ: ОТ КОРМУШКИ ДО ЛОТОЧКА

Софья Резвушкина,

Южно-Уральский
государственный
университет (Челябинск,
Россия), Российский
государственный
гуманитарный университет
(Москва, Россия).

Sofia Rezvushkina,

South Ural State University
(Chelyabinsk, Russia),
Russian State University
for the Humanities
(Moscow, Russia).

ORCID: 0009-0004-6208-2950

e-mail: finntundra@mail.ru

Для цитирования статьи:

Резвушкина, С. А. (2024). Мифологическая котоматрица общества потребления: от кормушки до лоточка. *Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT)*, 2(7), 127-155. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2\(7\)-127-155](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2(7)-127-155)

Аннотация: в современной массовой культуре наблюдается настоящий «бум» контента, основными акторами которого являются коты и кошки. Повсеместное создание и тиражирование визуальных образов котиков заставляет предположить, что они носят уже не только и не столько развлекательный, но и идеологический характер. Настоящая статья посвящена рефлексии экзистенциальных оснований акторов котоконтента и экспликации транслируемых за счёт них идеологем. Проанализировав

солидный пул интернет-мемов, автор приходит к выводу, что тиражируемая посредством мемов «кошачья» экзистенциальная модель отличается от реальных экзистенциальных стратегий кошачьих в природе и в неволе. Рассмотрение экзистенциальных, ценностных и культурных нарративов интернет-котиков через призму концепции «memetic warfare» позволяет обнаружить, что они транслируют идеальную поведенческую стратегию индивида в обществе потребления. За счёт этого можно выдвинуть предположение, что конструируемая в интернет-среде совокупность котоконтента имплицитно транслирует то, что условно можно назвать «котоматрицей общества» – основные прескриптивные поведенческие и социокультурные модели, которые идеологически значимы для построения общества постмодерна. Такой конструкт, в свою очередь пересекается с пониманием мифа как прескриптивной и норматирующей экзистенциальной матрицы. Исходя из этого, автор приходит к выводу, что для современного постмодернистского общества потребления характерна своя, гедонистически-ориентированная модель мифологизации, в которой «путь героя» замещён путём «от кормушки до лотка».

Ключевые слова: коты, миф, мифологическое, экзистенциальная матрица, котоматрица, культура потребления, массовая культура, интернет-мемы.

Введение

Ни для кого не секрет, что одной из самых массовых и ретранслируемых категорий интернет-мемов являются мемы про котов. Сегодня все любят котиков! Красивых и дурацких, философствующих и глупеньких, включённых в тот или иной контекст и просто так себе бытийствующих. Люди коллекционируют эти мемы, репостят себе на стену или ретранслируют друзьям и знакомым во время интернет-коммуникации [Thibault & Marino 2018: 473-490]. Присылая кота, мы можем ненавязчиво сообщить о своём текущем эмоциональном состоянии, рассмешить или осуществить конвенционально приемлемый акт флирта. Тем самым кот как мем становится универсальной формой интернет-коммуникации, который,

несомненно, несёт в себе контекстуальный и личностно заряженный коннотат.

Визуализация современной любви к котам. Изображение из личного архива автора.

Здесь следует задаться вопросом – почему же именно коты snискали такую популярность у современных интернет-пользователей? Поверхностным ответом на подобный вопрос могла бы стать их специфическая физиологическая структура, которая в интернете концептуализируется как «милота». Для интернет-пользователя кот практически всегда коннотируется как «миленький» – вызывающий умиление и желание заботы [Гордеева 2024: 112]. Эта характеристика лежит в самой морфологии кота – его небольшом размере, вальяжных повадках и ювенильных чертах лица (особенно это справедливо для котов с фенотипом персов, британцев и прочих, кто имеет вздёрнутый носик, пухлые щёчки и большие, круглые глаза). Однако существует и масса других животных, которые обладают этими же характеристиками, но значительно меньше представлены в интернет-сегменте. Руконожки ай-ай, лемуры, вомбаты, еноты – множество животных вполне подходят под эти характеристики и могут даже оказаться ещё более привлекательными для человека, поскольку являются аттрактивными и способными на вполне антропоморфные практики. Например, еноты с их маленькими ловкими ручками, которые упоённо создают хаос в жилище человека или что-то стирают, однозначно недооценены! Однако человек, с упорством достойным гораздо лучшего применения, настойчиво продолжает ретранслировать котиков, делая их полноценными актёрами интернет-бытия. В этой связи следует задаться вполне философским вопросом – почему именно кот так привлекателен для человека?

Кот разыскивающий. Фотография из личного архива автора.

КОШКИ – ЭТО ХОРОШО! ©

При всей привлекательности кошек кажется весьма странным тот факт, что они практически не попадают в пространство философской рефлексии. Возможно, это связано с

аффектированной независимостью котов, которую удачно эксплицировал поэт Иосиф Бродский, который писал: «Вот, смотрите, кот. Коту совершенно наплевать, существует ли общество «Память». Или отдел пропаганды в ЦК КПСС. Так же, впрочем, ему безразличен президент США, его наличие или отсутствие. Чем я хуже этого кота?» [Арктус 1988]. Задолго до Бродского сходную мысль выразил и М. де Монтень, писавший: «Когда я играю со своей кошкой, кто знает, не забавляется ли скорее она мною, нежели я ею!» [Грэй 2023: 13]. Весьма показательно, что и литератор, и философ каждый по-своему подчёркивают, что кот – это существо «себе на уме». Но может ли тот, кто «себе на уме» быть на уме и у другого? В этой связи кот как самоцельный феномен не привлекает философов, используясь ими лишь в качестве иллюстрации к тому или иному тезису. Однако современная, мультинатуралистическая ориентация в гуманитарных науках всё же наконец-то обратила свой взор и в сторону семейства кошачьих, исследуя не, сколько целую кошку, сколько её мышление и образ жизни.

Д. Грэй, посвятивший целую книгу кошачьей философии, отмечает, что в основе философских размышлений человека лежит поиск истины, которые могли бы стать *ultima ratio* перед лицом смерти. И в этом кроется ключевое отличие человека от кошачьих – они не тревожатся о смерти, но прекрасно знают, когда приходит их время умирать [Грэй 2023: 9]. Этот подход роднит кошачий гнозис с философией эллинистического периода – эпикуреизмом,

Надпись на медальоне:
«Я перекормлен, пресыщен и
несколько испорчен.
Я заслуживаю намного
больше, чем это!»
Изображение из личного
архива автора.

скептицизмом, и особенно стоицизмом. Сходство кошачьего и античного миропонимания подметил еще Э. Т. А. Гофман, вкладывая в уста уникального персонажа своей книги кота Мурра признание этого факта и определённый пиетет перед наследием эллинской культуры: «Едва ты родился, как твой отец ощутил роковое желание сожрать тебя вкупе с твоими ни в чем не повинными братцами и сестричками... – Дражайшая матушка, – прервал я тираду моей пятнистой собеседницы, – дражайшая матушка, не стоит так уж проклинать эти папенькины порывы! Разве эллины – просвещеннейшие люди – не приписывали своим богам престранной склонности к пожиранию собственных детей, но

Юпитер был спасен, вот и я тоже!» [Гофман 2004]. На самом деле, коты – те ещё стоики, поскольку они разделяют ценности, присущие этому философскому направлению и почитаемые его сторонниками как способы избавления от несчастья бытия [Канке 2008]. Коты невозмутимы по отношению к внешним происшествиям – значит, им присуща атараксия. Котам безразличны тревоги внешнего мира – они находятся в состоянии апатии. Коты не признают авторитетов и могут сами обеспечить себе необходимый и достаточный уровень жизни – это автаркия.

*Кот, опирающийся на великую эллинскую культуру.
Изображение взято из личного архива автора*

При этом следует отметить, что и в современном мире стоицизм является определённым трендом. Он позиционируется как рациональное мировоззрение, являющееся способом снижения уровня фрустрации в нашем предельно стрессогенном мире. Стоические практики предлагают современному человеку способы гармонического существования в обществе потребления. Ведь каждый день он сталкивается с огромным количеством объектов потребления, маркируемых как «престижные», «статусные» или «желанные», но редкий обыватель может позволить себе всё то, что предлагает реклама. Разрыв между «должным» из рекламы/постов в социальных сетях/цифровых медиа и «сущим», фундированным в объективных возможностях (например, в скоротечной зарплате младшего научного сотрудника) создаёт онтологический зазор между «Я-реальным» и «Я-идеальным».

В свою очередь существование такого зазора и бессознательное стремление к его сокращению приводит человека к фрустрации и стрессам [Некита & Маленко 2024: 116]. В этой связи современный стоицизм действует по принципу «оставайся, мальчик, с нами – мы научим не хотеть». А именно – он направлен на соотнесение собственных возможностей с объектами желания и рефлексии оснований этих желаний.

В этой оптике кот – это воистину идеальный стоик и если люди будут стремиться к «котовьему» стилю потребления, то им станет легче и радостнее жить. А как же мы можем ненавязчиво и, при этом, аттрактивное и заманчиво транслировать кошачью модель поведения? Конечно же, через мемы! Традиционно под термином

Кот стоический. Изображение из личного архива автора.

единичную прескрипцию, то их совокупность (memerplex) представляет собой систему, очень похожую уже на мифологию в понимании Ролана Барта. Это – целостная онтологическая, гносеологическая, этическая, аксиологическая прескриптивная система [Барт 1996: 259-292]. При этом, регулярное потребление мем-контента способствует формированию у населения определённого мировоззрения без использования прямых агентов влияния [Коровин 2014: 138-149]. Таким образом, мемы с котиками транслируют в сознание современного человека систему ценностей и поведенческих установок, основанную на мифологемах о прелести «бытия котом».

Кот пляжный. Фото из личного архива автора.

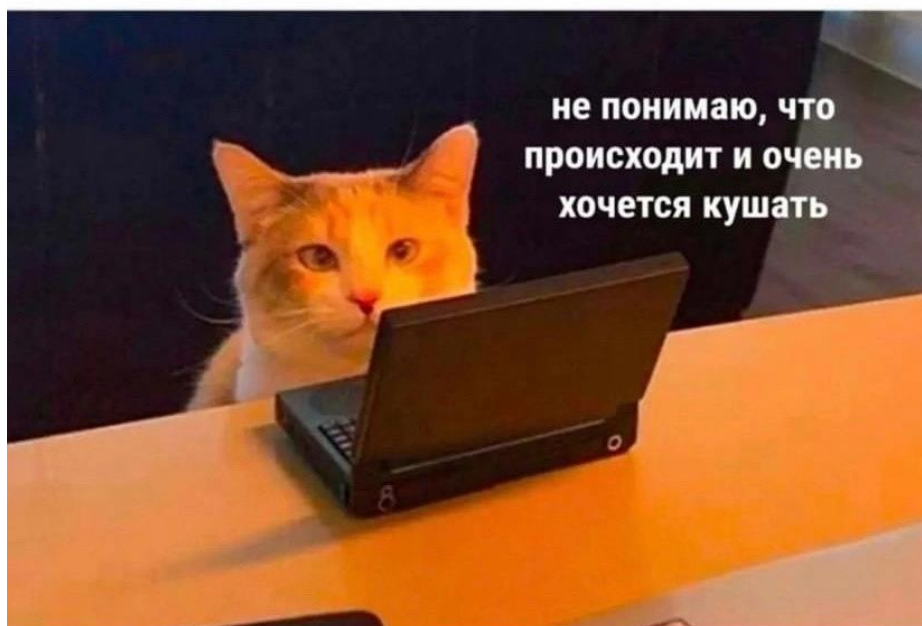
Путь героя: от лотка до кормушки

Но если мы дадим себе труд критически посмотреть на весь наличный котоконтент, то становится очевидным, что конструируемая посредством мемов прескриптивная система весьма далека от стоических идеалов кошачьей философии. Меметический кот существует, скорее в контексте гедонистической парадигмы – он обильно ест, посещает лоточек, подчёркнуто игнорирует работу и всячески наслаждается жизнью. При этом труд вызывает у кота фрустрацию, он транслирует мысли либо о неудовольствии от вовлечения в трудовую деятельность, либо и вовсе невозможность её выполнения по причине наличия лапок. В этой связи следует задаться следующим вопросом – почему в современной массовой культуре конструируется именно такая мифологема, которая резко противоположна исконной кошачьей философии? Ведь если бы эти мемы были бы направлены на снижение уровня фрустрации у современного человека, то они транслировали бы идеи умеренного потребления, радости от труда и умения довольствоваться уже имеющимся.

Ответ на этот вопрос кроется в самом образе «мемного» кота. Ведь очевидно, что такой кот не стоик, но идеальный актер общества потребления. Его бытие опосредованно рынком и направлено на индивидуальное приобретение материальных благ в количестве явно большем, чем необходимо объективно. Как раз образы такого кота мы находим и в произведениях массовой культуры. Таков, например, лентяй Гарфилд, который обожает

Другие на работе: Задачи, совещания, дедлайны.

Я на работе:

Кот фрустрированный.
Фото из личного архива автора.

Хлюя. Кадр из м/ф «Тайная жизнь домашних животных».
Изображение размещено в свободном доступе на платформе
<https://i.ytimg.com/vi/eRpr37HVDGY/maxresdefault.jpg>

лазанью и безделие, но ненавидит понеделники (и, согласно С. Жижеку, капитализм) [Гарфилд на русском]. Такова и обжора Хлоя из «Тайной жизни домашних животных. Таково же и большинство жителей кошачьего мира из красочного аниме «Возвращение кота».

Биолог-генетик, проф. М. М. Асланян объясняет сверхпопулярность ленивых толстых котиков в современной массовой культуре попыткой скомпенсировать дефицит телесного контакта, телесного тепла [Асланян 2015]. Ведь как ни крути, сама по себе кошка – это очень телесное создание, её повседневные практики бесконечно насыщены негой и комфортом. И наблюдая за ней, взаимодействуя с ней физически, человек расслабляется и при этом существенно снижает уровень стресса. Учитывая тот факт, что значительная часть повседневных практик современного человека перенесена в виртуальное пространство, соблазнительно предположить, что в нём «цифровая кошка» заменяет живую. Таким образом, репосты и просмотры контента с «котиками общества потребления» выполняют две в сути своей мифологические функции. С одной стороны, они позволяют человеку хоть ненадолго ощутить и самого себя в контексте сверхпотребления, или же интерпассивно прожить обладание неким статусным феноменом (особенно, если речь идёт об антропоморфных кошачьих, с которыми ему проще всего отождествиться), с другой – отсылают человека к воспоминанию ощущений от общения с реальной котёной. Обе этих стратегии способствуют снижению уровня фрустрации от современной

медиасреды, в связи становится очевидной потребность ещё раз рассмотреть «цифровых котиков» (по определению С. В. Тихоновой) с точки зрения мифологии [Тихонова 2023].

*Кот, с которым автор статьи очень хочет отождествляться по выходным.
Фото из личного архива автора.*

Дж. Кэмпбеллом «Пути героя». Это – секвенция обязательных действий, прохождение которой приводит героя к ощущению собственной экзистенциальной целостности. Согласно концепции «пути героя», во время своего путешествия актер проходит сепаративную, лиминальную и конечную стадии, внутри которых вариативно реализуются отдельные сюжеты-фазы [Campbell 2008: 23]. На схеме мы можем видеть условный маршрут «пути героя».

Путь героя (по Дж. Кэмпбеллу).
Изображение из личного архива автора.

Бесчисленные мемы с котиками, как уже говорилось ранее, являются мифологемами, которые образуют единую прескриптивную систему бытия, которую мы далее будем концептуализировать как «котоматрица». Метафора матрицы позволяет осмыслить транслируемую в мемах систему как разметку (в которой означены основные реперные точки), прохождение которой способствует достижению ощущения экзистенциальной

целостности. Основными реперами, на которых базируется транслируемая посредством мемов «котоматрица» бытия, являются: принятие пищи, сон, фрустрация от труда, наслаждение и посещение лоточка. Все эти акты можно замкнуть в равновесную циклическую систему: принятие пищи – фрустрация от труда – наслаждение – лоточек – сон – принятие пищи...

Цикличность системы навевает гипотезу либо о сознательном заимствовании кэмпбелловской структуры, либо об интуитивных попытках современных мифотворцев предложить «котоматрицу» в качестве пути противодействия фрустрации. Исходя из этого, представляется целесообразным визуализировать наложение «котоматрицы» на «путь героя» и посмотреть тот нарратив, который предлагается мемами про котов.

Путь котика (по С. Резвушкиной).
Изображение из личного архива автора.

Мы видим, что в приведенной «котоматрице» отсутствует экзистенциальное напряжение между известным и неизвестным. Это связано с тем, что большая часть мем-контента изображает домашних кошек. Доместификация создаёт для кошки среду, в которой практически всё и всегда является известным и безопасным. За счёт этого количество возможных пограничных ситуаций, которые с необходимостью проживаются в полюсе неизвестного, драматически стремится к нулю. У кошек также отсутствует «революция». Этот репер на «пути героя» подразумевает реализацию собственной воли и создания пограничной ситуации, исход которой может быть фатальным. Собственная воля кошек же направлена к достижению комфорта, следовательно революции им чужды по определению.

С незначительными вариациями эта прескриптивная экзистенциальная матрица может быть успешно наложена на повседневное бытие человека общества потребления. Такой человек трудится на нелюбимой работе ради получения денежных средств, испытывает наслаждение при трате этих средств на конвенционально «престижные» объекты потребления, а в промежутках ест, спит и удовлетворяет основные физические потребности. При этом, как и большинство современных домашних котов, предлагаемая массовой культурой мифологическая «котоматрица» общества потребления является «кастрированной». То есть – лишённой подлинного экзистенциального напряжения и витальности.

*Котждь мирового пролетариата.
Фото из личного архива автора.*

«Общество котребления»

Интересно, что описанная выше модель «котоматрицы» как стратегии снижения фрустрации и достижения ощущения экзистенциальной целостности согласуется с концепцией ORANUS'a, которая была описана В. Пелевиным в романе «Generation П». Обратимся к источнику: «Императив существования орануса как целого требует, чтобы его клеточная структура омывалась постоянно нарастающим потоком денег. Поэтому

оранус в процессе своей эволюции (а он находится на стадии развития, близкой к уровню моллюска) развивает подобие простейшей нервной системы, так называемую «медиа», основой которой является телевидение. Эта нервная система рассылает по его виртуальному организму нервные воздействия, управляющие деятельностью клеток-монад» [Пелевин 2012: 132].

Пелевин описывает организм паразитического типа, который интегрирован в глобальную экономическую систему в качестве части единого целого. Между ORANUS'ом и экономикой существуют отношения, подобные гегелевской диалектике раба и господина, в которой господин нуждается в рабе, конституирующем его бытие. Такое понимание природы потребления в утрированной форме соответствует соотношению человека и экономических институтов в обществе потребления.

ORANUS. Фото из личного архива автора.

Пелевин указывает, что механизм вовлечения человека в экономическую деятельность фундирован в его базовых физиологических потребностях: «Существует три вида этих воздействий. Они называются оральным, анальным и вытесняющим вау-импульсами (от коммерческого междометия «wow!») Оральный вау-импульс заставляет клетку поглощать деньги, чтобы уничтожить страдание от конфликта между образом себя и образом идеального «сверх-я», создаваемого рекламой. Заметим, что дело не в вещах, которые можно купить за деньги, чтобы воплотить это идеальное «я», – дело в самих деньгах.

Анальный вау-импульс заставляет клетку выделять деньги, чтобы испытать наслаждение при совпадении упомянутых выше образов.

Поскольку два описанных действия – поглощение денег и их выделение – противоречат друг другу, анальный вау-импульс действует в скрытой форме, и человек всерьез считает, что удовольствие связано не с самим актом траты денег, а с обладанием тем или иным предметом. Хотя очевидно, что, например, часы за пятьдесят тысяч долларов как физический объект не способны доставить человеку большее удовольствие, чем часы за пятьдесят, – все дело в сумме денег» [Пелевин 2012: 132–133].

Здесь мы видим, что диалектическое соотношение орального и анального вау-импульса создаёт замкнутую равновесную систему, которая характерна для мемов про котов. В этой связи напрашивается вывод, что мемный кот воплощает образ собой идеального ORANUS'а, который транслируется человеку через медиа. Но если кот поглощает и выделяет на уровне буквальном, то человек, будучи существом, гораздо более сложным, реализует

имплицитно транслируемую «котоматрицей» потребленческую и поведенческую стратегию как буквально, так и метафорически.

Кот диалектический. Фото из личного архива автора.

Эта стратегия потребления перекликается с описанной Ж. Делёзом и Ф. Гваттари концепцией «машины желаний» в рамках которой субъект существует в реляции с другими «желающими машинами,» но в то же время производит поток желаний изнутри себя. Делёз и Гваттари пишут: «Не существует машин желания вне социальных машин, которые они формируют на более высоком уровне; и не существует социальных машин без машин желания, населяющих их на нижнем уровне» [Делёз & Гваттари]. «Желающее» производство (верхний уровень) порождает

желающего субъекта (нижний уровень), который вне производства обретает маргинальный статус. У такого субъекта «нет постоянной идентичности, он всегда децентрирован, будучи выведенным из состояний, через которые он проходит». Таким образом, между социумом и потребителем мы обнаруживаем диалектические взаимообуславливающие отношения «раба и господина», в которых социальная и экономическая структура конституируется желаниями индивида. В свою очередь индивид определяется теми желаниями, что предлагает ему общество посредством медиа.

*Кот желающий.
Фото из личного архива автора*

При этом субъект никогда не сможет полностью нивелировать свою фрустрацию, поскольку он имманентен желанию, которое циркулирует внутри дизъюнктивного синтеза. Иначе говоря,

«желающему» производству абсолютно не выгодно достижение индивидом состояния полной реализации, потому что в нём отсутствует разрыв между реальным и желаемым. Удовлетворение потребностей индивида снимает его потребность в производстве, следовательно, необходимо постоянно подстёгивать желания индивида, заставляя его желать всё нового и нового.

*Кот, осознавший печальный исход постмодернистского общества потребления.
Фото из личного архива автора.*

Образ ORANUS'а, равно как и образ «машины желаний», идеологически фундирован в парадигме постмодерна, для которой характерно существование атомизированных индивидов, не способных на революционные политические жесты, но тесно интегрированные в экономическую структуру неолиберальной экономики. Более того, совокупность таких индивидов в пределе не способна создать сколь-нибудь витальную иерархическую

структуру, вследствие чего общество разлагается практически «на плесень и на липовый мёд» – на глобальное общество.

Выводы

Таким образом, мы приходим к выводу, что создание и ретрансляция мемов про котиков конституирует для человека мифологическую «котоматрицу». Отождествляя себя с акторами мемов, которые выполняют функцию современных мифов, человек усваивает ценности и прескрипции общества потребления, ища в них способы достижения экзистенциальной целостности и снижения фрустрации. Однако, обращение к концепции ORANUS'а, и «машины желаний» показывает нам подлинную цель этой мифологемы, идеологически фундированную в парадигме постмодерна. А именно – превратить человека в неререфлексивного желющего актора, конституирующего производство, который является «кастрированным» с точки зрения политической и социальной воли.

В свою очередь, увеличение прослойки таких акторов делает возможным построение неолиберального глобального общества, для которого характерна предельная атомизация и объективация индивидов. С целью достижения этого результата, направленный на реализацию экзистенциальной целостности «путь героя» в транслируемой посредством медиа «котоматрице» исподволь подменяется «путём от кормушки до лоточка». Этот путь, несмотря на всю свою пушистость и привлекательность, лишён героического измерения витальности и реализации личных волевых интенций, а,

стало быть, направлен не на выход из экзистенциально-проблемной ситуации или же реализации социально-политических интенций, а на ещё большее увязание в парадигме постмодерна.

*Кот итоговый.
Фото из личного архива автора.*

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда. Конкурс «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс) 22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)».

Литература

Арктус, Л. (1988, 15 ноября). Ниоткуда с любовью. Интервью с И.А. Бродским *Сеанс*. Режим доступа: https://seance.ru/articles/niotkuda_brodsky/ (дата обращения: 31.05.2024).

- Асланян, М. М. (2013, 28 февраля). Мне почему-то кажется, что кошки знают нас лучше, чем мы их. *Московские новости*. Режим доступа: <https://www.mn.ru/friday/86017> (дата обращения: 19.04.2024).
- Барт, Р. (1996). *Мифологии*. Москва: Издательство им. Сабашниковых.
- Гарфилд на русском. *VK.com*. Режим доступа: <https://vk.com/garfieldclub> (дата обращения: 10.04.2024).
- Гордеева, З. А. (2016). Образ кошки в современной массовой культуре. *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*, 1(10), 112–114.
- Гофман, Э. Т. А. (2004). Житейские воззрения кота Мурра. *100 лучших книг*. Режим доступа: <https://clck.ru/3AxTNj> (дата обращения: 10.04.2024).
- Грэй, Д. (2023). *Кошачья философия. Кошки и смысл жизни*. Москва: Издательство Института Гайдара.
- Делёз, Ж., & Гваттари, Ф. (2007). *Анти-Эдип*. Екатеринбург: У-Фактория. Режим доступа: http://yanko.lib.ru/books/philosoph/deleuze_guattari-anti-edipe-ru-a.htm (дата обращения: 24.04.2024).
- Докинз, Р. (1993). *Эгоистичный ген*. Москва: Мир.
- Канке, В. А. (2008). *Основы философии*. Москва: Логос.
- Коровин, В. М. (2014). *Третья мировая сетевая война*. Санкт-Петербург: Питер.
- Некита, А. Г., & Маленко, С. А. (2024). Визуальная милитаризация бытия: голливудские стратегии эстетизации насилия. *Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT)*, 1(6), 85–133. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-1\(6\)-85-133](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-1(6)-85-133)
- Пелевин, В. О. (2012). *Generation П*. Москва: Эксмо.
- Тихонова, С. В. (2023). Сентиментальный визуальный контент новой нормальности: как цифровые коты одомашнивают кризисы. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*, 16(2), 149–167. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2023.203>
- Campbell, J. (2008). *The Hero with Thousand Faces*. New York: New World Library.
- Thibault, M., & Marino, G. (2018). Who Run the World? Cats: Cat Lovers, Cat Memes, and Cat Languages Across the Web. *International Journal for the Semiotics of Law*, 3, 473–490. Available at: <https://iris.unito.it/handle/2318/1713861> (accessed: 10.04.2024).

Информация об авторе

Резвушкина Софья Александровна – младший научный сотрудник научно-образовательного центра «Практическая и прикладная философия». Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет) (Россия, 454080 Челябинск, проспект Ленина, 76), аналитик учебно-научного центра «Высшая политическая школа им. И. Ильина», Российский государственный гуманитарный университет (Россия, 125047, Москва, Миусская площадь, д. 6). ORCID: 0009-0004-6208-2950, finntundra@mail.ru

THE MYTHOLOGICAL CAT-MATRIX OF CONSUMERIST SOCIETY: FROM FEEDER TO CAT LITTER

Sophia Rezvushkina

Abstract: in modern popular culture, there is a real “boom” of content, the main actors of which are cats. The widespread creation and replication of visual images of cats suggests that they are no longer only entertaining, but also ideological in nature. This article is devoted to the reflection of the existential foundations of cat content actors and the explication of the ideologies transmitted through them. Having analyzed a solid pool of Internet memes, the author concludes that the “cat” existential model replicated through memes differs from the real existential strategies of cats in nature and in captivity. Consideration of the existential, value and cultural narratives of Internet cats through the prism of the concept of “memetic warfare” reveals that they convey the ideal behavioral strategy of an individual in a consumer society. Due to this, we can put forward the assumption that the totality of cat content constructed in the Internet environment implicitly transmits what can conventionally be called the “cat matrix of society” – the main prescriptive behavioral and sociocultural models that are ideologically significant for the construction of a postmodern society. This construct, in turn, intersects with the understanding of myth as a prescriptive and normative existential matrix. Based on this, the author comes to the conclusion that the modern postmodern consumer society is characterized by its own, hedonistic-oriented model of mythologization, in which the “hero’s path” is replaced by the path “from trough to tray”.

Keywords: cats, myth, mythological, existential matrix, Cat-matrix, consumer culture, mass culture, internet memes.

References

- Arktus, L. (1988, November 15). Niotkuda s ljubov'y. Interv'u s I. A. Brodskym. [From Nowhere with Love. The Interview with J. Brodsky.] *Seans*. Available at: https://seance.ru/articles/niotkuda_brodsky/ (accessed: 31.05.2024).
- Aslanyan, M. M. (2013, February 28). Mne pochemu-to kazhetsya, chto koshki znayut nas luchshe, chem my ih [Somehow I think cats know us better than we know them.]. *Moscow news*. Available at: <https://www.mn.ru/friday/86017> (accessed: 10.04.2024). (In Russ).
- Barthes, R. (1996). *Mifologii* [Mythologies]. Moscow. Publishing house named after Sabashnikov. (In Russ).
- Campbell, J. (2008). *The Hero with Thousand Faces*. New York: New World Library
- Dawkinz, R. (1993). *Egoistichnyj gen* [The Selfish Gene]. Moscow: World Publ. (In Russ).
- Deleuze, Zh., & Guattari, F. (2007). *Anti-Edip* [Anti-Oedipus]. Ekaterinburg. U-Faktoriya Publ. Available at: <https://clck.ru/3AxZtC> (accessed: 19.03.2024). (In Russ).
- Garfield in Russian. *VK.com*. Available at: <https://vk.com/garfieldclub> (accessed: 10.04.2024). (In Russ).

- Gordeeva, Z. A. (2016). Obraz koshki v sovremennoj massovoj kul'ture [The modern mass culture's portrayal of cats is a prevalent image]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*, 1(10), 112-114. (In Russ).
- Grej, D. (2023). *Koshach'ya filosofiya. Koshki i smysl zhizni* [Cat Philosophy. Cats and the Meaning of Life]. Moscow: Gaidar Institute Publishing House (In Russ).
- Hoffmann, E. T. A. (2004). Zhitejskie vozzreniya kota Murra [The Life and Opinions of the Tomcat Murr]. *100 luchshikh knig* [The 100 Best books]. Available at: <https://clck.ru/3AxTNj> (accessed:10.04.2024). (In Russ).
- Kanke, V. A. (2008). *Osnovy filosofii* [The Philosophy Basics]. Moscow: Logos Publ. (In Russ).
- Korovin, V. M. (2014). Tret'ya mirovaya setevaya vojna [The Third World Network Warfare]. Saint-Petersburg: Piter Publ. (In Russ).
- Nekita, A. G., & Malenko, S. A. (2024). Vizual'naia militarizatsiia bytiia: gollivudskie strategii estetizatsii nasiliia. [Visual militarization of being: Hollywood strategies for aestheticizing violence]. *Industrii vpechatlenii. Tekhnologii sotsiokul'turnykh issledovaniy (EISCRT)* [Experience industries. Socio-Cultural Research Technologies (EISCRT)], 1(6), 85-133. (In Russian). [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-1\(6\)-85-133](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-1(6)-85-133)
- Pelevin, V. O. (2012). *Generation P* [Generation P]. Moscow. Eksmo Publ. (In Russ).
- Thibault, M., & Marino, G. (2018). Who Run the World? Cats: Cat Lovers, Cat Memes, and Cat Languages Across the Web. *International Journal for the Semiotics of Law*, 3, 473-490. Available at: <https://iris.unito.it/handle/2318/1713861> (accessed: 10.04.2024).
- Tihonova, S. V. (2023). Sentimental'nyi vizual'nyi kontent novoi normal'nosti: kak tsifrovye kotiki odomashnivaiut krizisy [Sentimental visual content of the new normality: how digital seals overcome crises]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya* [Bulletin of St. Petersburg University. Sociology], 16 (2), 149-167. (In Russ). <https://doi.org/10.21638/spbu12.2023.203>

Author's information

Rezvushkina Sofya Alexandrovna – Researcher at the Scientific and Educational Center «Practical and Applied Philosophy». South Ural State University (national research university) (76, Lenin prospekt, Chelyabinsk, Russia, 454080); analyst of the Research and Educational Center «High Political School named after I. Ilyin», Russian state university for the humanities (Miususkaya sq. 6, Moscow, 125047, Russia). ORCID: 0009-0004-6208-2950, finntundra@mail.ru

For citation:

Rezvushkina, S. A. (2024). The mythological cat-matrix of consumerist society: from feeder to cat litter. *Experience industries. Socio-Cultural Research Technologies (EISCRT)*, 2(7), 127-155. (In Russian). [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2\(7\)-127-155](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2(7)-127-155)

УДК 791.43

5.7.8. Философская антропология, философия культуры

5.10.1. Теория и история культуры, искусства

[https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2\(7\)-156-186](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2(7)-156-186)

ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОЙ БАЙК-КУЛЬТУРЫ: ОТ «БЕЗУМНОГО МАКСА» ДО «НОЧНОГО ВОЛКА»

Елена Семенова,

Некоммерческое партнёрство
«Театр-ЭКС»
(Москва, Россия).

Elena Semenova,

Noncommercial partnership
"Theatre-EX"
(Moscow, Russia).

ORCID: 0000-0002-1316-3162
e-mail: semenova05@list.ru

Для цитирования статьи:

Семенова, Е. А. (2024). Эволюция российской байк-культуры: от «Безумного Макса» до «Ночного Волка». *Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT)*, 2(7), 156-186. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2\(7\)-156-186](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2(7)-156-186)

Аннотация: предметом изучения настоящей статьи является специфика репрезентации фигуры байкера в современной экранной культуре и влияние этой репрезентации на российскую байк-культуру. Актуальность исследования состоит в том, что критерии оценки, используемые социологами в отношении зарубежной культуры байкеров малоприменимы к российской байк-культуре, сформировавшейся в иной историко-культурной ситуации. Автор выдвигает гипотезу, согласно которой, образ героя в байк-культуре «Ночные волки» сформировался под влиянием серии фильмов «Mad Max» режиссера Д. Миллера. Однако идентификация с представленными в фильмах

Д. Миллера образами байкеров в данной субкультуре пошла по линии обособления от них, в сторону идентификации с главным героем Максом. Впервые многолетняя зрелищная деятельность «Ночных Волков» в области создания новогодних сказок для детей рассматривается в качестве примера эволюции образа героя в данной байк-культуре от Безумного Макса, как воина, которым движет личная месть, до Ночного волка, воплощающего образ народного героя. Делается вывод, что образ главного героя фильма Д. Миллера Макса Рокатански стал отправной точкой в создании представителями субкультуры «Ночные волки» уникальной волчьей эпопеи. Исследование базируется на результатах изучения уличных сообществ Ф. Трэшера, теории первичной и вторичной идентификации зрителя с киногероем К. Метца, исследованиях жанров «biker movie» и «road movie», концепции развития самосознания личности В. С. Мухиной.

Ключевые слова: Безумный Макс, Ночные волки, байк-культура, идентификация, киногерой, роман-антиутопия, постапокалиптическая сага, воин дороги, biker movie, road movie.

Соблазненные невинности или патологические идентификации зрителя с киногероем

Сегодня среди исследователей современной массовой и популярной культуры ведется оживленная дискуссия относительно того, насколько часто репрезентация в кино именно отрицательных героев становится причиной роста преступности среди подростков и молодёжи. Недавно вышедший на экраны сериал «Слово пацана. Кровь на асфальте» (2023 г.) реж. Ж. Крыжовникова, повествующий о жизни уличных группировок Казани конца 80-х годов прошлого века, вновь продемонстрировал, что данная тема по-прежнему актуальна для теоретического анализа. Многие исследователи и зрители считают фильмы, в которых главный герой, вызывающий симпатию зрителя, но совершающий противоправные действия, могут вызвать у молодёжи стремление подражать герою в реальной жизни.

Во многом миф о пагубном влиянии на молодое поколение кинообразов уличной культуры и комиксов развеял еще крупный представитель чикагской школы социологии 20 годов XX столетия Ф. Трэшер, докторская диссертация которого, защищенная в 1936 году, как раз и была посвящена уличным бандам Чикаго. Ф. Трэшер отметил, что наиболее часто подростковые бандитские группы возникают в тех регионах, в которых наиболее ярко обнаруживается социальная диффузия, то есть неопределенность статуса людей, проживающих на той или иной территории. Социальные фронтиры, по его мнению, создают благодатную почву для трансформации подростковых групп в банды [Трэшер 2003: 237].

В целом, Трэшер охарактеризовал банду, как группу, изначально возникающую спонтанно, но впоследствии оформляющуюся в устойчивое сообщество через конфликт с другими группами, выражаемый в таких формах как «встречи лицом-к-лицу, кучкование, перемещение в пространстве в качестве единого целого, через конфликт и планирование» [Трэшер 2003: 238]. Вместе с этим Ф. Трэшер обратил внимание и на изначально повышенную эмоциональность, азартность, художественную впечатлительность участников указанных групп, сфокусировав внимание на игровом потенциале подобных уличных банд, члены которых живут воображаемыми подвигами, приключениями, осуществляя набеги на чужие территории с целью расширения собственного игрового пространства [Трэшер 2003: 238-239].

Не удивительно, что, имея детальные представления о жизни чикагских шаек, Ф.Трэшер обоснованно критиковал мнение некогда популярного американского психиатра Ф.Вертама, который, начиная с 1948 года, страстно выступал против чтения подростками и молодежи комиксов, в которых запечатлены сцены убийства, насилия и т.д. Книга Ф.Вертама «Соблазнение невинных», опубликованная в 1954 году, была посвящена комиксам как значимому фактору роста преступности среди несовершеннолетних. Описанное Вертамом гипертрофированное воздействие комикса на читателя можно сравнить с работой Вельзевула из пьесы-комедии И.Штока «Чортова мельница» (изданной в том же 1954 году, когда была опубликована книга Ф.Вертама «Соблазнение невинных»), благодаря которой, наряду с грешниками, в ад попадают и души невинных людей.

В восьмой сцене Чорт, он же Душевный регистратор, отчитывается Вельзевулу о количестве поступивших в ад душ, в числе которых фигурируют души клятвопреступников, фальшивомонетчиков, растратчиков, соблазнителей невинности (при этом, в перечне «соблазненных невинностей» не значится не одной). Однако именно эта, не вполне научная книга Ф.Вертама, которая «больше походила на сенсационную публицистику» [Кистяковский], стала не только причиной повышенного цензурирования и временного запрета всей продукции индустрии комиксов в США, но и способствовала зарождению и развитию нового жанра комического комикса. Ф.Трэшер, в свою очередь, считал, что одной из причин роста делинквентного поведения

подростков и молодежи являются не комиксы, а сами криминальные структуры, притягивающие к себе личность, изначально предрасположенную к преступлению [Thrasher 1949: 199].

Однако Трэшер так и оставил открытым вопрос об обратимости процессов, в ходе которых банда либо вновь становится игровым сообществом, либо сообщество так и остается в статусе игрового. Этот вопрос представляется нам крайне важным, поскольку современные уличные субкультуры способны реализовать свой игровой потенциал не только в асоциальной сфере, но и в различных областях, одной из которых является сфера театральной игры. Доказательством этого служат сообщества уличных артистов, музыкантов, актеров театров огня [Семенова 2023b: 31].

Тем не менее, психология художественного восприятия представителей уличных субкультур остается на сегодняшний день одной из самых малоизученных областей социологии и социальной психологии. В этом отношении показательным примером является изданный в 2021 году справочник по уличной культуре «Handbook of Street Culture» в авторитетном издательстве «Рутледж», тезаурус которого демонстрирует довольно консервативный взгляд на данный феномен. В глоссарии справочника отсутствуют, например, такие понятия как «уличный художник», «уличная музыка», «уличный музыкант». Вместо этого даются определения таким терминам как «наркоэкономика», «бандитская драка/война», «член банды» и другим.

Осторожно! На экране байкеры!

Особый интерес для нас представляет не только репрезентация в современной экранной культуре фигуры байкера, которая на протяжении всего своего существования рассматривалась исключительно в контексте криминальной культуры [Barker 2018], но и обратное влияние этой репрезентации на саму байк-культуру, которая не так однозначна, как она выглядела бы в приведенной нами выше логике Ф. Вертама. Забегая вперед, обратим внимание то, что образ байкера и мотоциклиста в современной российской байк- и мото-культуре явно не укладывается в формулу зарубежного киножанра «biker movie», в котором байкеры показаны преимущественно как бандиты, хулиганы и мародёры [Voichak 2023].

Тем не менее, приходится признать, что одна из причин плохой репутации байк-культуры заключается в ее прошлом, в котором внутригрупповое насилие было неотъемлемой частью жизни байкеров с момента формирования в недрах первых мотоклубов байкеров, которые в начале двадцатых годов XX столетия «в многочисленных газетных публикациях <...> рисовались буквально демонами, только что вышедшими из ада» [Занюк & Лавренова 2019]. Однако первые мотоклубы возникли гораздо раньше самой байк-культуры, почти сразу же после изобретения в 1868 году первого двухколесного велосипеда, оснащенного мотором [Занюк & Лавренова 2019]. Первыми членами таких мотоклубов являлись фабричные американские рабочие, для

которых езда на таком транспорте представлялась увлекательным хобби. Сложно представить, что это изобретение в будущем спровоцирует в американском обществе гигантский рост бандитских байк-группировок [Bradley 2021]. В 2021 году Министерство юстиции США открыто заявило, что такие байк-группировки как «Ангелы ада», «Монголы», «Бандидос», «Преступники» и «Сыны молчания» представляют собой серьезную внутреннюю угрозу для страны, поскольку осуществляют деятельность, связанную с торговлей наркотиками [Mondani, Rostami 2022: 198].

От тракториста к байкеру: эволюция образа мотоциклиста в отечественной и зарубежной киноиндустрии

Следует сказать, что зарубежный кинематограф внес весомую лепту не только в демонизацию фигуры байкера, но и в его героизацию и комическую интерпретацию. В 60–70 годы XX века в США было снято не меньше сорока картин про байкеров, в которых они были представлены в качестве преступников, нарушителей закона, уличных хулиганов, бандитов [Sheehan 2020], комических персонажей и мужественных героев. Одним из первых фильмов, в которых «плохой байкер» стал непререкаемым авторитетом и кумиром женщин послевоенного времени, стал фильм «Дикарь» (США, 1953, реж. Л. Бенедек), в котором Марлон Брандо исполнил главную роль байкера Джонни. Этот фильм считается основоположником киножанра *biker movie*, классическими сюжетами которого являются внутригрупповые разборки, драки,

погони байкеров, борьба байк-группировок, нападение банд байкеров на полицейских и т. п.

*Марлон Брандо в фильме «Дикарь» (США, 1953, реж. Л. Бенедек).
Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://clck.ru/3AxcvT>*

Среди наиболее известных зарубежных кинокартин о байкерах можно отметить такие фильмы как «Восход Скорпиона» (США, 1964, реж. К. Энгер), «Беспечный ездок» (США, 1969, реж. Д. Хоппер), «Mad Max» (Австралия, 1979, реж. Д. Миллер), «Mad Max 2: Воин дороги» (Австралия, 1981, реж. Д. Миллер), «Mad Max 3: Под куполом грома» (Австралия, 1985, реж. Д. Миллер), «Мастера угрозы» (США, 1990, реж. Д. Расков), «Харлей Дэвидсон и ковбой Мальборо» (США, 1991, реж. С. Уинсер), «За пределами закона»

(США, 1992–1993, реж. Л. Фергусон), «Банда мотоциклистов» (США, 1994, реж. Д. Милиус), «Гонщики из ада» (США, 2007, реж. Г. Роберт), «Призрачный гонщик» (США, 2007, реж. М. Стивен Джонсон), «Адская поездка» (США, 2008, реж. Л. Бишоп), «Дальнобой без тормозов» (Великобритания, 2008, реж. Д. Айвэй), «Mad Max: Дорога ярости» (Австралия, США, 2015, реж. Д. Миллер).

Что касается российского довоенного и военного кинематографа, то мото-культура представлена в нем совсем иначе. Так в известнейшей довоенной картине «Трактористы» (СССР, 1939, реж. И. Пырьев) отечественный мотоцикл ПМЗ-А-75 наравне с трактором подчеркивает прекрасную утопию колхозной

Кадр из фильма «Трактористы» (СССР, 1939, реж. И. Пырьев)
Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://goo.su/xRqcEwr>

жизни довоенной России. В фильме «Сердца четырёх» (СССР, 1941, реж. К. Юдин) один из героев передвигается на мотоцикле модели Л-300, активно используемой в 20 годы XX века в проведении разведывательных операций Красной Армии. Сама история формирования мото-культуры в России имеет свою особенность, связанную с мотоциклетными полками, созданными во время Великой Отечественной Войны для того, чтобы «проникать в тыл врага, дезорганизовывать работу и наносить урон противнику. Бойцы должны были безупречно владеть мототехникой, кроме того, отбирались самые дерзкие, авантюрные, находчивые, [которым – Е. С.] <...> нужно было уметь, не останавливая движений мотоцикла с коляской, поменять пробитое колесо» [Семенова и др. 2017: 258].

Лидер байк-культуры «Ночные волки» А. Залдастанов в эпизоде фильма «Авария – дочь мента» (Россия, 1989, реж. М. Туманишвили). Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://dzen.ru/a/XouejfYH4nOfIUk4>

По сравнению с фильмами 30 и 40-х годов XX столетия, отечественные картины перестроечного периода уже наглядно отражают результаты влияния, оказанного на российское общество зарубежной байк/рок-культуры и ее репрезентациями в мировом кинематографе.

Видеосалон как «окно в Европу» или «Безумные Максы» «лихих девяностых»

Показательно, что байк-культура в России стала развиваться примерно в одно время с выходом первого фильма Д. Миллера «Безумный Макс». Только в 80-е годы в тогда еще Советской России стали появляться первые байк-клубы. Примечательно, что первые видеосалоны, в которых можно было смотреть зарубежные фильмы различных жанров, включая ужасы, боевики, эротику и пр. возникли как раз в это же время. В 1983 году «Ночные волки» образовались как группа фанатов рок-музыки и любителей мотоциклов [Lauder 2018: 7]. «Именно тогда был создан прообраз НОЧНЫХ ВОЛКОВ, людей на мотоциклах, как силы, защищающей музыкантов и так называемых "неформалов"» [Ночные волки]. В августе 1991 года группа официально стала известна как «Ночные волки», а ее руководителем стал А. С. Залдастанов. В 1992 году при участии Ночных волков открылся первый рок-клуб «Sexton» (название в переводе с английского означает «церковный сторож», «пономарь», «могильщик», «пономарь», «звонарь»). Именно в период девяностых, когда зарубежные боевики и фантастические триллеры можно было посмотреть только на видеокассетах, фильм Д. Миллера «Безумный Макс», в котором ярко показан подвиг того,

кто во что бы то ни стало решил для самого себя остаться человеком в постиндустриальную эпоху, вызвал интерес среди представителей субкультуры «Ночные волки». Примерно в это же время «Ночные Волки» начали заниматься зрелищными искусствами, <...> попытались отойти от «классического» брутального образа байкера и публично заговорить театральным языком» [Семенова и др. 2017: 257].

Логотип мото-клуба «Ночные Волки».

Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://clck.ru/зАхеVУ>

Приходится констатировать, что влияние серии фильмов Д. Миллера «Безумный Макс» на формирование поэтики и мифологии российской байк-культуры «Ночные волки» ранее в научных работах совершенно не рассматривалось. Мы, в свою очередь, предполагаем, что образ героя в российской байк-

культуре «Ночные волки» как раз и сформировался под влиянием именно этой серии фильмов, став отправной точкой в создании представителями указанной субкультуры уникальной волчьей эпопеи, как результата театрально-зрелищной деятельности данного мото-сообщества.

Концепция развития самосознания личности В. С. Мухиной позволяет увидеть, что обособление «Ночных волков» от мейнстрима зарубежной байк-культуры наиболее ярко проявляется через идентификацию членов этой культуры с главным героем, антагонистом банды байкеров Максом, выступающим в роли воина дороги, самоотверженного героя, помогающего слабым и нуждающимся в защите. С одной стороны, образ волка в упомянутой нами байк-культуре, как и образ главного героя серии фильмов «Безумный Макс», выступает символом свирепости, нарушителя порядка, лидером легиона отверженных, с другой стороны, символом героя, восстанавливающего справедливость, защитника слабых.

Среди признанных классическими теориями кино, позволяющих объяснить причины обособления представителей субкультуры «Ночные Волки» от репрезентации образа байкера в классических фильмах жанра "biker movie" можно выделить работы французского теоретика К. Метца, базирующиеся на лакановской «теории зеркала» и психоанализе З. Фрейда. Так К. Метц выделяет

Макет бензовоза «Mad Max», созданного участниками мотоклуба «Ночные Волки», в музее Санкт-Петербурга «Гранд макет Россия».

Изображение размещено в свободном доступе по ссылке: <https://clck.ru/3AxeHw>

два уровня идентификации зрителя с киногероем: первичный и вторичный. Поскольку, по его мнению, «фильм основывается на воображаемом первого порядка фотографическом “двойнике”, <...> он реактивирует у взрослых детские игры перед зеркалом и первоначальные сомнения в собственной идентичности» [Метц 2013: 23]. В играх вторичной (символической) идентификации зритель, исходя из своих экзистенциальных потребностей, уже сам выбирает с кем именно себя идентифицировать.

Путь война дороги через «bike movie» к «road movie»

Стоит отметить, что жанр тетралогии австралийских фильмов «Безумный Макс» режиссера Д. Миллера определяется исследователями и критиками как антиутопия. Эта серия фильмов получила мощный зрительский резонанс и высокую оценку

теоретиков кино [Malec 2016; Newton 2021; Reglińska-Jemioł 2021]. В частности, кинокритик, писатель М. Контерио назвал первый фильм «Безумный Макс» картиной-фриком, ставшей родоначальником нового жанра «постапокалиптического боевика» [Conterio 2020].

Всего в серию вошли четыре фильма. Первый вышел на экраны в 1979 году под названием «Mad Max». Вторым был представлен зрителям в 1981 году под названием «Mad Max 2: The Road Warrior». Третья картина увидела свет в 1985 году под названием «Mad Max 3: Beyond Thunderdome». И, наконец, четвертый фильм «Mad Max: Fury Road» вышел в 2015 году.

Кадр из фильма «Безумный Макс», 1979 г.

Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://clck.ru/3Axeze>

Все четыре фильма связаны между собой фигурой главного героя Макса, который из фильма в фильм борется со злом. В первом

фильме Макс Рокатански появляется перед нами как офицер полиции главного патруля штата Виктория. Главный герой, служащий полиции, самоотверженно сражается с группировкой байкеров, от рук которых гибнет его семья. Герой начинает мстить, постепенно становясь таким же отверженным «воином дороги», как и сами бандиты-байкеры. Физически он остается жив, но внутренне – он практически убит горем, связанным с насильственной смертью жены, ребенка и своего друга. Он благородный и трагический «воин мести». Показательно, что борьба Макса со злом неизбежно приобретает ресентиментальный оттенок, поскольку она фактически не имеет конца.

Действие второй серии фильма «The Road Warrior» (Воин дороги) разворачивается в постапокалиптической Австралии, где банды конкурируют за оставшееся ископаемое топливо. «Безумный Мах 2» начинается с закадрового повествования о том, что после Третьей мировой войны, в ходе которой было использовано ядерное оружие, в результате чего наступил крах всей мировой цивилизации.

Макс продолжает мстить, выполняя функцию полицейского и в третьем фильме «За пределами Громового купола», путешествуя по постапокалиптической пустыне, защищая слабых от мародеров. Весь сюжет четвертого фильма тетралогии под названием «Безумный Макс: Дорога Ярости» посвящен восстановлению утраченного Максом статуса воина дороги, открывая в этой антиутопии глубинный утопический потенциал [McGregor 2021].

Кадр из фильма «Безумный Макс 2. Воин дороги», 1981 г.

Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://goo.su/3REa7zo>

В этой серии фильмов мы видим трансформацию изначально положительного образа главного героя, постепенно совершающего череду поступков, которые приводят его самого в легион отверженных, с которым он ранее ожесточенно сражался. В отличие от американских фильмов 1960-х и 1970-х годов [Carter 2010], снятых в жанре «bike movie», в которых байкеры выступают либо как главные герои, нарушающие закон и общественное спокойствие, либо как комические антагонисты главного героя, в серии фильмов Д. Миллера намечается новая жанровая линия, получившая название «road movie». В фильмах «road movie» присутствие мотоцикла становится не столько фактическим, сколько символическим, воплощающим стремление героя преодолеть экзистенциальный кризис. Серия фильмов Д. Миллера наглядно демонстрирует динамику развития жанра «road movie», в котором мотоциклы постепенно сменяют фантастические машины,

а странствия главного героя по постапокалиптической мировой пустыне фактически становятся главной сюжетной линией.

От постапокалиптического боевика к русской сказке

Создание собственного театра массовых зрелищ Ночные волки датируют 1997 годом, когда состоялась «Презентация первого спектакля "Ночь оживших легенд" <...> на Байк-Шоу» [Ночные волки].

Вот уже более пятнадцати лет в логове «Ночных волков», в клубе «Sexton» организуются и проводятся представления новогодних сказок для детей при участии труппы уличного театра «Театр-ЭКС». «Опыт творческого общения команды Байк-центра с труппой "Театр-ЭКС" показал, что между уличным театром и субкультурой байкеров очень много точек соприкосновения» [Семенова и др. 2017: 259], в числе которых – «ручная работа, карнавальная стихия романтики и дороги» [Семенова и др. 2017: 259; Семенова 2023а]. Работа с огнем и пиротехникой у «Театра-ЭКС» превращается в смесь грез, мечты и детской поэзии. В мотоэстетике «Ночных Волков» одновременно проявляется стремление и к демонстративной брутальности, и к романтической поэтизации образа.

Как будет показано далее, в новогодних сказках, организуемых «Ночными Волками», мы обнаруживаем приметы жанра «road movie», в котором мотоциклы сменяют фантастические, передвижные арт-объекты. В новогодних сказках

Фрагмент новогодней сказки в байк-клубе Sexton, 2020 г. На сцене – Соловей-Разбойник.
Изображение размещено в свободном доступе по ссылке: clck.ru/3AwML9

герои русских сказок Соловей-Разбойник, Иван Царевич, Баба Яга, Кощей Бессмертный, Соловей-Разбойник, Емеля, Серый Волк передвигаются на ступе, троне, избушке на курьих ножках, русской печи, змее и др. Сражение и победа над злом главных героев становятся главными приключениями и итогом этой сказочной утопии.

В постапокалиптических триллерах Д. Миллера и в байкерских сказках положительные герои действуют в эпоху бездушных моторов. Все сюжеты сказок и фильма включают символический момент схождения героя в некое подземелье зла, хтонический мир, который лежит и в основе большинства фольклорных сюжетов.

Фрагмент новогодней сказки в байк-клубе Sexton, 2022 год. На сцене – Баба Яга.
Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://goo.su/PmYqqFG>

Фрагмент одной из новогодних сказок в байк-клубе Sexton. На сцене – Череп.
Изображение размещено в свободном доступе на официальном сайте байк-центра «Sexton»:
<https://goo.su/KQVjUop>

Волк в этой субкультуре выступает одновременно живым и мёртвым героем, как и главный герой «Безумного Макса». При этом волчья мифология в указанной субкультуре претерпела со временем стремительные метаморфозы, поскольку у волка есть своя «Тень» – пересмешник Кощей Бессмертный, который, с одной стороны, иронизирует над волком, с другой стороны – разделяет его позицию. В итоге Кощей Бессмертный превращается в комического двойника пересмешника самого волка, становясь выразителем его идеологии. Приведем отрывок речи Кощея Бессмертного из сказки 2018 года:

«Кощей:

Мне деньги?! Ха-ха-ха-ха!

Какая евро чепуха

Кощей-реактор, баксы, золото

Мозгов то вижу маловато

Домыслить даже не смогли

Что сила, мощь русской земли

В сердце народа испокон таится

Реактор русский – в сердце пламя!

Сжигает всех врагов до тла

и реет над страной, как знамя!

Реактор? Вы и правда все глупцы,

Коль у меня узнать о нём хотели.

Его для русских создали отцы –

Отвага, честь и воины России...

От вас предательством несет на весь мой двор!

Я с ваших рож сорву коварства маски!

Пусть я – Кощей! Но я из русской сказки! (смех Кощея)» [Берладин 2017].

После каждой сказки нами проводилось видео-интервьюирование детей в возрасте от трех до шестнадцати лет, а также родителей, посмотревших вместе с ними сказку. Всего

после сказок, показанных с 3 по 14 января 2018 года, было проведено 300 видео-интервью. Всего было обработано 250 ответов на вопросы, из которых 30 % составили ответы девочек, 20 % родителей, 50 % мальчиков. Наибольшее число ответов на такие вопросы, как «Кто тебе больше всего понравился в сказке?», «Кто был самый смешной?», «Ты похож на Кощея Бессмертного?», «Почему тебе понравился Кощей Бессмертный?» было получено от мальчиков в возрасте от шести до четырнадцати лет.

На вопрос: «Кощей добрый или злой?» от мальчиков девяти лет были получены ответы: «Он не злой и не добрый»; «Он где-то посередине»; «Он прикольно одет и у него есть своя машина». На вопрос: «Кощей похож на тебя?» от пятидесяти интервьюированных мальчиков в возрасте от семи до четырнадцати лет были получены утвердительные ответы. Были также получены пять ответов от мальчиков с ОВЗ, которые отметили, что Кощей является воплощением русского духа.

Около 50 % опрошенных родителей на вопрос: «Какой персонаж больше всего Вам понравился в сказке?» ответили, что больше всего понравился Кощей Бессмертный, потому что он очень симпатичный, трогательный, милый, смелый и ироничный. На вопросы: «Похож ли на Вас Кощей Бессмертный?», «Можете ли Вы в нем узнать себя?», большинство родителей ответили утвердительно. Такие, довольно амбивалентные описания одного персонажа, дают основания предположить, что указанный герой является неоднозначным, что его самоирония позволяет ему

завоевать симпатию не только среди взрослых, но и среди детей разного возраста [Семенова 2020: 130–131].

В отличие от традиционных сценариев репрезентации образа волка в российской рэп-субкультуре и рок-культуре в байк-культуре «Ночные волки» мы встречаем идею о том, что это воины-волки, живущие «на периферии культурного пространства».

*Фрагмент одной из новогодних сказок в байк-клубе Sexton.
Монолог Кощея Бессмертного. Изображение размещено в свободном доступе на платформе:
<https://b7.dd.icdn.ru/m/mb1chertyata/6/62696036VdW.jpg>*

Они оберегают человеческие границы, но не вторгаются за их пределы. Они вытеснены в хтоническую зону смерти» [Михайлин 2010: 11]. В песне отечественной рэп-группы «Каста» «Скрепы» есть тест, в котором звучит инвективно-снисходительное, отцовское вопрошание, адресованное волчонку, подобно щенку: «Ты чё,

волчонок, (...) Хочешь быть порабощённым?» [Скрепы]. В тексте песни «Бегал волк, да в лес глядел» [Миша Маваши – бегал волк да в лес глядел] рэпера М. Маваши волчье бешенство категорически неприемлемо, поскольку лес является исконно волчьим местом, территорией смерти, попасть на которую означает умереть. В тексте песни рок-группы «Чайф» «Псы с городских окраин» (автор В. Шахрин) выражается презрение не к «псиному племени», которое «С виду – обычная стая, / их больше от года к году. (...) Они собираются в стаи, ... Может, просто полают, а может, кого-то заденут» [Чайф 2020]. В отличие от рэп-культуры, в которой молодые люди проходят этапы инициации, стадия волка в байк-культуре «Ночные волки» является самоцелью, не подразумевая выход из пространства «Дикого поля» Волка-Легионера. В байк-культуре «Ночные волки» волк не может быть шутком, трикстером или псом, однако он может воспользоваться силой обаяния комического героя, высказавшись публично в пространстве уличного представления, например, от лица своего иронического двойника Кощея Бессмертного.

**Вместо послесловия:
волчья эпопея о героях нашего времени**

В результате проведенных исследований нам удалось проследить, каким образом в процессе театрально-зрелищной деятельности «Ночных Волков» в указанной байк-культуре

произошла эволюции образа героя: от воина, которым движет личная месть, до народного героя. Образ героя Макса Рокатански из кинофильма Д. Миллера можно считать отправной точкой в создании представителями субкультуры «Ночные волки» фантастической волчьей эпопеи, в которой органично соединяется мир исторический и мир художественный.

Фрагмент новогодней сказки в байк-клубе Sexton.

На сцене – Волк. Изображение размещено в свободном доступе по ссылке: <https://lyl.su/l61T>

С одной стороны, развитие «Ночных волков» является нетипичным для зарубежной байк-культуры примером трансформации культуры байкеров в легитимное, героико-патриотическое сообщество, с другой стороны, служит классическим примером реализации субкультурой своего

игрового потенциала в рамках художественной и театрально-игровой деятельности.

Литература

- Берладин, Ю. А. (2017). Змея и Кощей. *Стихи.ру*. Режим доступа: <https://stihi.ru/2017/12/18/5488?ysclid=lue09hidbc190130188> (дата обращения 29.03.2024).
- Занюк, И. С., & Лавринова, Н. Н. (2019). *Субкультура «байкеры»: история возникновения и дальнейшее развитие*. Режим доступа: <https://lyl.su/0e1C> (дата обращения 29.03.2024).
- Кистяковский, В. (2023). *Главный злодей американского комикса*. Режим доступа: <https://design.hse.ru/news/3109> (дата обращения 06.04.2024).
- Метц, К. (2013). *Воображаемое означающее. Психоанализ и кино*. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Михайлин, В. Ю. (2010). *Русский мат как мужской обценный код: проблема происхождения и эволюция статуса*. Саратов: Издательство Лаборатории исторической, социальной и культурной антропологии.
- Миша Маваша – бегал волк да в лес глядел (2020). *Текст песни*. Режим доступа: <https://tekst-pesni.online/mavashi-group-begal-volk-da-v-les-glyadel/> (дата обращения 30.03.2024).
- Ночные волки. Официальный сайт*. (без даты) Режим доступа: <https://nightwolves.ru/nw/about/history.php> (дата обращения 16.04.2024).
- Семенова, Е. А. (2020). Карнавальное-игровые формы коммуникации в профилактике детской речевой агрессии. *Потенциал искусства в социализации детей, находящихся в трудной жизненной ситуации: теория и практика. Сборник научно-методических статей по материалам Всероссийской сетевой научно-практической конференции, проходившей 18–31 мая 2020 года* (стр. 124–135). Москва: ФГБНУ «ИХОиК РАО».
- Семенова, Е. А. (2023a). Зарубежная «карнавальная» культура: между идиомой и вирусным концептом. *Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT)*, 4(5), 19–47. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-4\(5\)-19-47](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-4(5)-19-47)
- Семенова, Е. А. (2023b). Уличный театр в контексте зарубежных концепций карнавальной культуры. *Национальный психологический журнал*, 3, 25–34. <https://doi.org/10.11621/npj.2023.0304>
- Семенова, Е. А., Берладин, Ю. А., & Залдастанов, А. С. (2017). Похождения уличного театра. *Проблема хронотопа в современных научных*

- исследованиях: *Международный круглый стол, посвящённый М. М. Бахтину (19–20 апреля 2017 года, Москва): Сборник докладов и статей* (стр. 252–268). Москва: ФГБНУ «ИХОиК РАО».
- Скрепы (2017). *Genius*. Режим доступа: <https://genius.com/Kasta-braces-lyrics> (дата обращения 30.03.2024).
- Трэшер, Ф. (2003). Шайка: исследование 1313 шаек Чикаго. *Личность. Культура. Общество. Т. 5. Вып.3-4* (17–18), 237–244.
- Чайф. (2020, 8 октября). Псы с городских окраин. *Текст песни*. Режим доступа: <https://tekst-pesni.online/chajf-psy-sgorodskih-okrain/> (дата обращения 30.03.2024).
- Barker, T. (2018). *The Outlaw Biker Legacy of Violence*. New York: Routledge.
- Boichak, O. (2023). Mapping the Russian Political Influence Ecosystem: The Night Wolves Biker Gang. *Social Media + Society*, 9(2), 1–13.
- Bradley, C. (2021). Appeal and Response of the Outlaw Biker. In *Outlaw Bikers and Ancient Warbands. Hyper-Masculinity and Cultural Continuity*, (pp. 45–62), Palgrave Pivot Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-75347-4_4
- Carter, W. (2010). *A Road Less Travelled: The American Biker Film of the 1960s and 1970 s*. Victoria University of Wellington. <https://doi.org/10.26686/wgtn.16984840.v1>
- Conterio, M. (2020). *Mad Max*. Liverpool University Press.
- Lauder, M. A. (2018). "Wolves of the Russian Spring": An Examination of the Night Wolves as Proxy for the Russian Government. *Canadian Military Journal*, 18(3), 5–16.
- Malec, B. (2016). Myślenie utopijne w Mad Max: Na drodze gniewu. *Annales Universitatis Mariae Curie - Skłodowska Lublin-Polonia*, 34(2), 137–138. <https://doi.org/10.17951/ff.2016.34.2.137>
- McGregor, R. (2021). *Critical Criminology and Literary Criticism*. Bristol: Bristol University Press.
- Mondani, H., & Rostami, A. (2022). Criminal nomads: The role of multiple memberships in the criminal collaboration network between Hells Angels MC and Bandidos MC. *Global Crime*, 23(2), 193–215.
- Newton, J. (2021). *The Mad Max Effect: Road Warriors in International Exploitation Cinema*. New York: Bloomsbury Academic. <https://doi.org/10.5040/9781501342325>
- Reglińska-Jemioł, A. (2021). Victim-Warriors and Restorers—Heroines in the Post-Apocalyptic World of Mad Max: Fury Road. *Text Matters*, 11, 106–118. <https://doi.org/10.18778/2083-2931.11.08>
- Sheehan, R. (2020). Biker Boys, Muscle Cars, Hollywood Men: Fetish Filmmaking and the Revision of Masculinity in Scorpio Rising and Drive. *Film Studies*, 21(1), 65–82. <https://doi.org/10.7227/FS.21.0006>

Thrasher, F. (1949). The comics and delinquency: cause or scapegoat. *The journal of educational sociology*, 23(4), 195–205.

Информация об авторе

Семёнова Елена Александровна – кандидат педагогических наук, директор Некоммерческого партнёрства «Театр-ЭКС» (Россия, 111250, Москва, ул. Красноказарменная 9, кв. 225), ORCID: 0000-0002-1316-3162, semenova05@list.ru

EVOLUTION OF RUSSIAN BIKE CULTURE FROM MAD MAX TO NIGHT WOLF

Elena Semenova

Abstract: the subject of this article is the specifics of the representation of the biker figure in modern screen culture and the influence of this representation on Russian bike culture. The relevance of the study lies in the fact that the evaluation criteria used by sociologists in relation to the foreign culture of bikers are not applicable to the Russian bike culture, which was formed in a different historical and cultural situation. The author puts forward a hypothesis according to which the image of the hero in the bike culture "Night Wolves" was formed under the influence of the series of films "Mad Max" directed by D. Miller. However, identification with the images of bikers presented in D. Miller's films in this subculture went along the line of separation from them, towards identification with the main character Max. For the first time, the long-term spectacular activity of the "Night Wolves" in the field of creating New Year's fairy tales for children is considered as an example of the evolution of the image of the hero in this bike culture from Mad Max, as a warrior driven by personal revenge, to the Night Wolf, embodying the image of a folk hero. It is concluded that the image of the main character of the film is D. Miller Max Rokatansky became the starting point in the creation of a unique wolf epic by representatives of the "Night Wolves" subculture. The study is based on the results of a study of street communities. Thrasher, the theory of primary and secondary identification of the viewer with the movie character K. Metz, studies of the genres "biker movie" and "road movie", the concept of the development of self-awareness of the personality of V. S. Mukhina.

Keywords: Mad Max, Night Wolves, bike culture, identification, movie hero, dystopian novel, post-apocalyptic saga, road warrior, biker movie, road movie.

References

- Barker, T. (2018). *The Outlaw Biker Legacy of Violence*. New York: Routledge.
- Berladin, Yu. A. (2017). *Zmeya i Koshchej* [Snake and Koschey]. Available at: <https://stihi.ru/2017/12/18/5488?ysclid=lue09hidbc190130188> (accessed: 29.03.2024). (In Russ).

- Boichak, O. (2023). Mapping the Russian Political Influence Ecosystem: The Night Wolves Biker Gang. *Social Media + Society*, 9(2), 1–13.
- Bradley, C. (2021). Appeal and Response of the Outlaw Biker. In *Outlaw Bikers and Ancient Warbands. Hyper-Masculinity and Cultural Continuity*, (pp. 45–62), Palgrave Pivot Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-75347-4_4
- Carter, W. (2010). *A Road Less Travelled: The American Biker Film of the 1960s and 1970s*. Victoria University of Wellington. <https://doi.org/10.26686/wgtn.16984840.v1>
- Chaif (2020, October, 8). Psy s gorodskikh okrain [Dogs from the outskirts of the city]. *Tekst pesni* [The lyrics of the song]. Available at: pesni.online/chajf-psy-s-gorodskih-okrain/ (accessed: 30.03.2024). (In Russ).
- Conterio, M. (2020). *Mad Max*. Liverpool University Press.
- Kistyakovskii, V. (2023). *Glavnyy zlodey amerikanskogo komiksa* [The main villain of the American comic book]. Available at: <https://design.hse.ru/news/3109> (accessed: 04.06.2024) (In Russ).
- Lauder, M. A. (2018). "Wolves of the Russian Spring": An Examination of the Night Wolves as Proxy for the Russian Government. *Canadian Military Journal*, 18(3), 5–16.
- Malec, B. (2016). Myślenie utopijne w *Mad Max*: Na drodze gniewu. *Annales Universitatis Mariae Curie - Skłodowska Lublin-Polonia*, 34(2), 137–138. <https://doi.org/10.17951/ff.2016.34.2.137>
- McGregor, R. (2021). *Critical Criminology and Literary Criticism*. Bristol: Bristol University Press.
- Metc, K. (2013). *Voobrazhaemoe oznachayushchee. Psihoanaliz i kino* [Imaginary signifier. Psychoanalysis and cinema]. Saint-Petersburg: Publishing house of the European University in St. Petersburg. (In Russ).
- Mihajlin, V. Yu. (2010). *Russkij mat kak muzhskoj obscennyj kod: problema proiskhozhdeniya i evolyuciya statusa* [Russian swearing as a male obscene code: the problem of origin and evolution of status]. Saratov: Publishing House of the Laboratory of Historical, Social and Cultural Anthropology. (In Russ).
- Misha Mavashi – begal volk da v les glyadel (2020). [Misha Mavashi – the wolf was running and looking into the forest]. *Tekst pesni* [The lyrics of the song]. Available at: <https://tekst-pesni.online/mavashi-group-begal-volk-da-v-les-glyadel/> (accessed: 30.03.2024). (In Russ).
- Mondani, H., & Rostami, A. (2022). Criminal nomads: The role of multiple memberships in the criminal collaboration network between Hells Angels MC and Bandidos MC. *Global Crime*, 23(2), 193–215.
- Newton, J. (2021). *The Mad Max Effect: Road Warriors in International Exploitation Cinema*. New York: Bloomsbury Academic. <https://doi.org/10.5040/9781501342325>
- Night Wolves. Official site (n. d.). Available at: <https://nightwolves.ru/nw/about/history.php> (accessed: 16.04.2024). (In Russ).

- Reglińska-Jemioł, A. (2021). Victim-Warriors and Restorers—Heroines in the Post-Apocalyptic World of Mad Max: Fury Road. *Text Matters*, 11, 106–118. <https://doi.org/10.18778/2083-2931.11.08>
- Semenova, E. A. (2020). Karnaval'no-igrovye formy kommunikacii v profilaktike detskoj rechevoj agressii [Carnival-game forms of communication in the prevention of children's speech aggression]. *Potentsial iskusstva v sotsializatsii detej, nakhodiashchikhsia v trudnoi zhiznennoi situatsii: teoriia i praktika. Sbornik nauchno-metodicheskikh statei po materialam Vserossiiskoi setevoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, prokhodivshei 18-31 maia 2020 goda* [The potential of art in the socialization of children in difficult life situations: theory and practice. Collection of scientific and methodological articles based on the materials of the All-Russian network scientific and practical conference, held on May 18–31, 2020]. (pp. 124–135). Moscow: FGBNU "IKhOiK RAO" Publ. (In Russ).
- Semenova, E. A. (2023a). Zarubezhnaia «karnaval'naia» kul'tura: mezhdud idiomoi i virusnym kontseptom [Foreign "carnival" culture: between idiom and viral concept]. *Industrii vpechatlenii. Tekhnologii sotsiokul'turnykh issledovanii (EISCRT)* [Experience industries. Socio-Cultural Research Technologies (EISCRT)], 4 (5), 19–47. (In Russ). [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-4\(5\)-19-47](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-4(5)-19-47)
- Semenova, E. A. (2023b). Ulichnyj teatr v kontekste zarubezhnykh koncepcij karnaval'noj kul'tury [Street theatre in the context of foreign carnival concepts culture]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal* [National Journal of Psychology], 3, 25–34. <https://doi.org/10.11621/npj.2023.0304> (In Russ).
- Semenova, E. A., Berladin, Yu. A., & Zaldastanov, A. S. (2017). Pohozhdeniya ulichnogo teatra [Adventures of street theater]. *Problema khronotopa v sovremennykh nauchnykh issledovaniiah: Mezhdunarodnyi kruglyi stol, posviashchennyi M. M. Bakhtinu (19-20 apreliia 2017 goda, Moskva): Sbornik dokladov i statei* [The problem of chronotope in modern scientific research: International round table dedicated to M.M. Bakhtin (Moscow, April 19–20, 2017): Collection of reports and articles] (pp. 252–268). Moscow: FGBNU "IKhOiK RAO" Publ., 2017 (In Russ).
- Sheehan, R. (2020). Biker Boys, Muscle Cars, Hollywood Men: Fetish Filmmaking and the Revision of Masculinity in Scorpio Rising and Drive. *Film Studies*, 21(1), 65–82. <https://doi.org/10.7227/FS.21.0006>
- Skrepy [Braces] (2017). *Genius*. Available at: <https://genius.com/Kasta-braces-lyrics> (accessed: 30.30.2024). (In Russ).
- Thrasher, F. (1949). The comics and delinquency: cause or scapegoat. *The journal of educational sociology*, 23(4), 195–205.
- Tresher, F. (2003). Bandy: issledovaniye 1313 band Chikago [Gang: A Study of 1313 Chicago Gangs]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo* [Personality. Culture. Society], 5(3-4), 237–244. (In Russ).
- Zanyuk, I. S., & Lavrinova, N. N. (2019). Subkul'tura «bajkery»: istoriya vznikhoveniya i dal'nejshee ravatite [Subculture "bikers": history of origin and further development.]. Available at: <https://ljl.su/OeIC> (accessed: 29.03.2024). (In Russ).

Author's information

Semenova Elena Aleksandrovna – Candidate of Pedagogical Sciences, Director of Noncommercial partnership «Theatre-EX», (225 apartment, 9 st. Krasnokazarmennaya, Moscow, 111250, Russia), ORCID: 0000-0002-1316-3162, semanova05@list.ru

For citation:

Semenova, E. A. (2024). Evolution of Russian bike culture from Mad Max to Night Wolf. *Experience industries. Socio-Cultural Research Technologies (EISCRT)*, 2(7), 156-186. (In Russian). [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2\(7\)-156-186](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2(7)-156-186)

ДЕЛО ВКУСА: впечатления коносьера

УДК 101+7.01+338.43.01.009.12 (477.75)

5.7.8. Философская антропология, философия культуры
[https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2\(7\)-188-224](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2(7)-188-224)

МИФОПОЭТИКА АРХАДЕРЕССЕ (ИСТОРИЯ В БОКАЛЕ ВИНА)

Олег Шевченко,
Крымский федеральный
университет
им. В. И. Вернадского
(Ялта, Россия).

Oleg Shevchenko,
V. I. Vernadsky Crimean
Federal University (Yalta,
Russia).

ORCID: 0000-0002-1362-2875
e-mail: skilur80@mail.ru

Анна Дорофеева,
Крымский федеральный
университет
им. В. И. Вернадского
(Ялта, Россия).

Anna Dorofeeva,
V. I. Vernadsky Crimean
Federal University (Yalta,
Russia).

ORCID: 0000-0003-0328-1605
e-mail: andora.kfu@mail.ru

Для цитирования статьи:

Шевченко, О. К., & Дорофеева, А. А. (2024). Мифопоэтика Архадерессе (история в бокале вина). *Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT)*, 2(7), 188-224. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2\(7\)-188-224](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2(7)-188-224)

Аннотация: в статье исследуется мифопоэтический терруар Козской и Токлукской долин на юго-восточном берегу Крыма близ города Судак. Основу мифопоэтической реальности вина с точки зрения авторов составляют исторические события, связанные с пребыванием в этих местах эллинов, генуэзцев и турок-османов. На протяжении всей истории виноделия, начиная с античности, винодельческая традиция в этом терруаре не прерывалась, что позволило сохранить более пятидесяти аборигенных сортов винограда, растущих только в данной местности. Особую пикантность этой местности придает тот факт, что именно в указанном регионе стала складываться русская школа научного виноградарства виноделия. Богатая история оставила заметный след в фольклоре коренных обитателей долин, который стал основой для выпуска популярной книжной серии «Легенды Крыма». Авторы убеждены, что суть вин АО «Солнечная Долина» может быть в полной мере раскрыта только через обращение к мифопоэтической логике комбинированных историко-сказочных впечатлений, которая связывает конкретный исторический факт, легенду местности с ароматом, вкусом и цветом вина в единый когнитивный узел. Предлагаются конкретные примеры мифопоэтического ребрендинга следующих марок вина: Кокур Солнечной Долины (сухое белое вино), «Токлук» Монтепульчано (сложное сухое красное вино), Порто Солнечной Долины красное (ликерное вино), Кагор Солнечной Долины (ликерное вино). Реперными точками для выстраивания мифопоэтики вин выступают образы: Перикла (Кокур), рыцаря Карло Ломеллино или братьев Гуаско («Токлук» Монтепульчано), Афанасия Никитина (Порто), храма Килиса-Кая (Кагор).

Ключевые слова: вино, энология, эстетика вина, философия вина, бренд, Солнечная (Козская) Долина, Токлук, Архадерессе.

Вино из древнего винограда у подошвы затухшего вулкана

Архадерессе – это главная усадьба крымского винодельческого предприятия «Солнечная Долина». «Общая площадь виноградников составляет более 400 Га, на которых выращивается больше 50 сортов винограда» [Шимова & Гнилomedова 2020: 23]. Виноградники располагаются в юго-восточной части Крыма на склонах гор и долинах между Судакom

и Коктебелем. Сердцем выращивания винограда являются Козская (Солнечная) и Токлукская долины: «защищённые от холодных северных ветров живописной грядой гор и хребтов причудливых геометрических конфигураций <...> гряда высоких гор Эльтегена, Парсук, Токлук-Сырт и Манжил плотной цепью (почти кольцом) окружила долины, прижав их плотно к Черному морю» [Карзова 2015: 28]. Именно эти места и являются рекордсменами по аборигенным сортам винограда. То есть таким, которые сохранились, были впервые найдены, а зачастую и могут давать нужный урожай только в этом и никаком другом уголке планеты – автохтонам. Еще в девятнадцатом веке известный российский ботаник и садовод Христиан Стевен описал свыше 50 сортов-автохтонов винограда, которые встречались только в этой местности [Карзова 2013: 12].

Стоит только прочувствовать «на вкус» название сортов винограда, и уже ощутить неповторимое и богатое предвкушение ещё до всякого знакомства с историей или вином из этого региона: «Кокур, Эким Кара, Джеват Кара, Кефесия, Сары Пандас, Кок Пандас, Капсельский, Солдайя» [Кручинина 2004: 135-136]. По сути, Козская и Токлукская долины – это живой музей, уникальный заповедник винограда, который сохранил свою крымскую идентичность из глубины веков. Очевидно, что обилие автохтонов – это результат преемственности виноградарства в регионе, когда век от века, столетиями культивировались только местные сорта винограда. Причем, что подчеркивают многие исследователи, пересадка указанных автохтонов в другую почву, пусть и в

пределах Крыма, но в район, обладающий иным микроклиматом, резко обесценивает высокие свойства винограда, позволяющие создать истинные шедевры винного творчества.

*Терруар Солнечной долины в Крыму. Изображение размещено в свободном доступе:
<http://colorscimea.ru/wp-content/uploads/Solnechnayadolina.jpg>*

Виноградные автохтоны Крыма – поистине уникальное богатство для винодела, ведь вино – это, по сути, – «кровь» определенной местности. Так известный российский винодел Лев Голицин в этой связи отмечал: «Перенос культуры Крыма на Кавказ – абсурд; перенос культуры Кавказа в Крым – абсурд, а перенос культуры какой-нибудь заграничной местности во все виноградники России – это «петушки ножки всмятку» [Пелях 1979: 38].

Когда же появилась первая лоза в районе Судака и кто первый стал выращивать виноград в этом поистине удивительном месте, которое почти со всех сторон обступают массивные горные цепи, потухший вулкан Карадаг, скалистый мыс Меганом, которые тонкой полоской прилегают к отдельным участкам терруара, а в итоге, совокупно ограничивают, но все-таки полностью не убирают влияние Черного моря на микроклимат этой местности?

Ответов на эти вопросы нет. Некоторые исследователи истории вина указывают, что 5600 лет до н. э. Черное море было пресноводным озером, вокруг которого буйно произрастал дикий виноград, дававший возможность создавать вино с помощью примитивных технологий. Впоследствии озеро под напором соленых вод из Средиземного моря превратилось в Черное море, а население мигрировало во все стороны света: «Те, кто пережил Потоп, мигрировали во всех направлениях от нового моря. <...> Они унесли с собой знания о виноградарстве и виноделии. <...> Этот были первые шаги в долгом путешествии через время и пространство. <...> виноградной лозы» [Филлипс 2004: 26-27]. Кто знает, не с тех ли времен в Крыму растет дикий виноград и не с тех ли времен существуют там традиции виноделия? Ведь Крым находится как раз на золотой параллели виноградарства.

Это лучшая широта и долгота для создания винных шедевров.

Изображение размещено в свободном доступе: <https://risk.ru/u/img/138/137778.jpg>

Впрочем, известно точно, что первое поселение в этих местах появилось еще в эпоху Бронзового века, во времена Троянской войны. А первый городок портового типа возник у мыса Меганом около двух с половиной тысяч лет назад во время морской экспедиции Перикла по Черному морю в Пантикапей (нынешняя Керчь): «В Капсельской бухте стоит знак – якорь, указывающий на пристань. Некоторые ученые считают, что это и был Афинейон» [Карзова 2013: 8]. Вполне вероятно (хотя точных указаний и нет), что городок был одной из морских баз Афин, закрепляющих власть империи в этих местах. Как известно, эллины не только привозили в свои колонии виноградную лозу, но и активно культивировали местные сорта винограда. Поэтому можно смело считать, что виноградарство и виноделие в Архадерессе насчитывает свыше двадцати пяти веков непрерывной истории.

После эллинского периода очередной пик виноделия был достигнут в тринадцатом–четырнадцатом веках, когда итальянцы из Генуи создали в описываемых местах мощную административную структуру: консульство Солдайя, которое включало восемнадцать поселений, практически от современной Алушты до Кара-Дага с центром в крепости на территории современного Судака: «Солдайское консульство занимало приморскую территорию южного склона восточной части Главной гряды Крымских гор на протяжении 50 км. Полосу земли «от Козио до Осдафума» и граничившую на севере с землями Золотой Орды, на северо-востоке в окрестностях села Солнечная Долина (Cosio) с кампанией Каффы и на юго-западе за территорией урочища

Сотера (Sdafo) с генуэзским Алуштинским консульством» [Бочаров 2016: 265].

Крепость Солдайя – центр одноименного консульства.

Из этой крепости консулы управляли территорией в пятьдесят километров.

Изображение размещено в свободном доступе: <http://o-domik.com/images/tours/5/2.jpg>

В этом регионе виноградарство и виноделие имело столь высокий статус и такой авторитет, что во время сбора урожая даже были официально запрещены судебные тяжбы и юридические споры, дабы ничто не отвлекало население от виноградарских забот. Даже захват Крыма турками-османами и включение Капитанства Готия в состав османской империи, Блистательной Порты не убил ни виноградарство, ни виноделие в Козской и Токлукской долинах. В эту эпоху исчезают некогда обильные виноградники Западного Крыма, разрушаются винодельческие

производства у Гезлева (нынешняя Евпатория), уходит в небытие виноградарство и виноделие Восточного Крыма. Лишь Южный берег Крыма, район современного Бахчисарая (долина речки Альма и Бельбека) и Севастополя (Инкерман и Балаклава) сохраняет виноградарство, но очень локально и теперь оно носит очаговый характер.

В подобной ситуации единственным регионом, не только не сбавляющим обороты производство вина, но и продолжающим приумножать славу отличных виноделов, сохраняют окрестности Судака. Более того, крымские вина становятся важным экспортным товаром, идущим в Россию и Европу [Галенко 2002], а лучшими, по утверждению польского дипломата и государственного деятеля XVI-XVII веков Мартина Броневского являются именно «Козские вина» [Карзова 2013: 45]. Несмотря на религиозную политику османов, подвергающих христианское население завоеванных территорий повышенному налогообложению, в отличие от иных, некогда христианских регионов Крыма, жители Козской и Токлукской долин избежали массового перехода в ислам. А это, кроме всего прочего, означало, что им постоянно требовалось вино высокого качества для христианских обрядов, прежде всего связанных с евхаристией, да и религиозные запреты на его употребление в быту отсутствовали. Христиане бережно сохраняли древние виноградные лозы, культивировали сорта, доставшиеся им от предков со времен Перикла (и кто, знает, может и от эпохи Троянской войны).

С конца восемнадцатого века, с момента вхождения Крыма в состав Российской империи начинается третий взлет судакского виноделия. Этот этап стоит с полным вниманием к словам назвать «эпохой первых».

Впервые в России именно в Судаке открывается профессиональное учебное заведение, готовящее виноделов и виноградарей: «Судакское училище по виноградарству и виноделию» [Зелинская 2020: 240].

Впервые в мире сорт винограда Токай покидает Венгрию, а тысячи его саженцев начинают культивироваться за пределами королевства именно в Судаке.

Впервые в России, а может и в мире начинаются массовые эксперименты с виноградной лозой из Астрахани, Кизляра, Франции, Германии в целях разработки научно выверенных методов производства вина на терруарах, изначально не пригодных для той или иной лозы.

Впервые массово начинают создаваться вина с экспериментальным объединением свойств крымских автохтонов и автохтонов Европы и Кавказа.

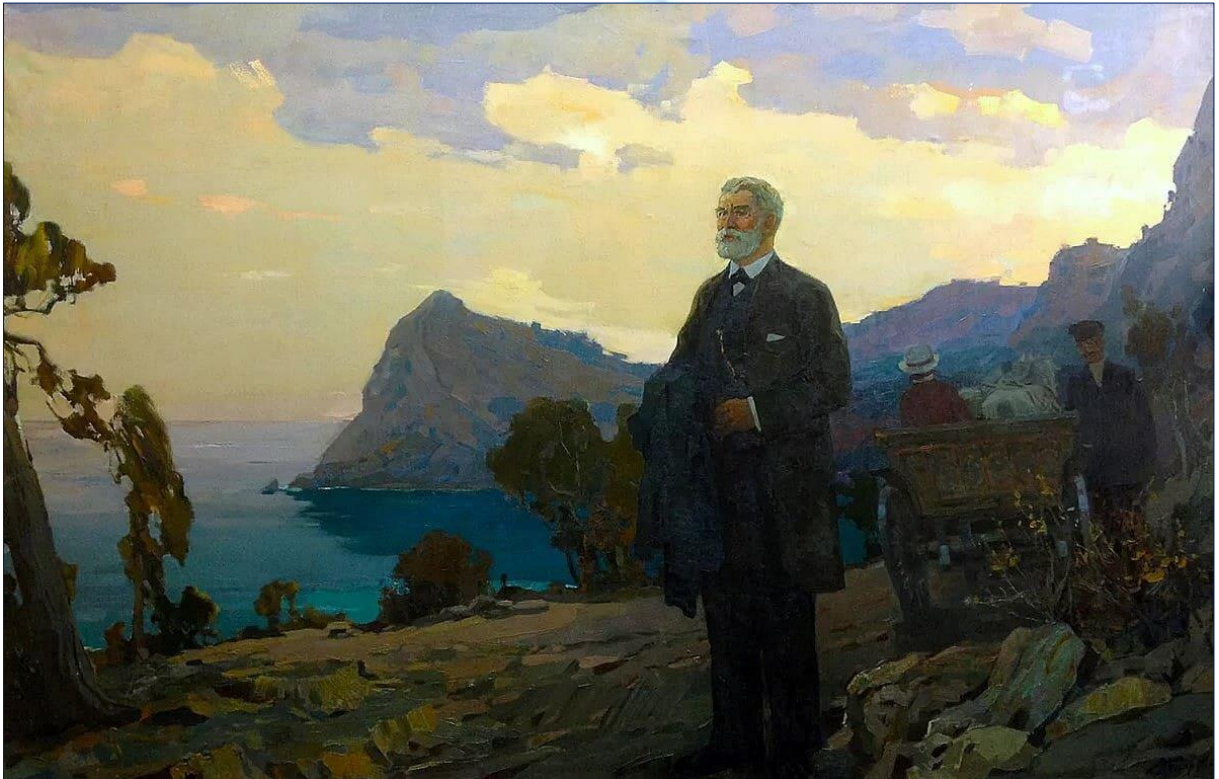
Есть, правда, в истории крымского виноделия деяния, хоть и достойные звания «первых», но, все же, делающее крайне мало чести. Именно в Судаке впервые в России и одни из самых первых в мире появились мошенники, поставившие фальсификацию винных брендов и аферы с виноматериалами на промышленный поток. Крымское вино и виноматериалы, произведенные в Судаке морским путем, отправлялись в Европу, где разливались под видом

вина, принадлежащего известнейшим винным домам и продававшихся за космическую цену в розницу. Европейский рынок принимал все, потребитель был в восторге от качества «европейского винного шедевра», пока не была вскрыта цепочка мошенников, начинающаяся в судакских долинах: «значительное количество судакских вин вывозится во Францию, там перерабатывается в лафит, бордо, портвейн и даже шампанское. Некоторые вина отправляются в Англию и пользуются там большим успехом» [Карзова 2013: 28]. Но лихое дело – заразительное. Примеру французов последовал и некий московский купец Крич, который только в 1837 году продал в России пятнадцать тысяч бутылок французского шампанского «Редер». Вот только, на самом деле, это было «пенистое вино» из-под Судака. Потребитель не жаловался на качество. Иск подали... французы и купец «был вынужден ликвидировать свое предприятие» [Кручинина 2004: 100].

Гениальные вина из огненной купели бизнеса, войны и социальных катаклизмов

Непосредственно винзавод Архадерессе (старые подвалы) был создан усилиями Льва Сергеевича Голицына в 80-ые годы девятнадцатого века.

Были разбиты виноградники, созданы уникальные подвалы, построены специализированные производственные помещения. Примечательно при этом, что сам Голицын не был собственником ни завода, ни виноградников. Он уговорил князя Голицына купить земли и создать винодельческие предприятие. Вытягивая из князя

*Отец русского виноделия, гений и бесребреник, князь Лев Голицын в Новом Свете.
Прохоров К. Князь Голицын Лев Сергеевич (1966). Изображение размещено в свободном доступе:
<https://clck.ru/3AzrS9>*

колоссальные средства (полтора миллиона полновесных царских рублей!) он развил очень бурную деятельность. Но когда годы спустя князь все-таки прибыл в свое имение, то увидел раскалённые скалы, душные долины, выжженное солнцем побережье, после чего пришел в бешенство и отстранил Голицына от дел. Ещё бы: взгляды столичного эстета и профессионала-винодела существенно отличались друг от друга.

Уникальный микроклимат с более чем тремястами днями солнца в году (больше, чем в Ялте, Севастополе и Евпатории), менее двухсот миллиметров осадков год (самое засушливое место в Крыму), изумительные почвы, крайне удачно расположенные

долины, создающие устойчивый температурный баланс, постоянные сильные жаркие ветра, безморозный период в двести сорок дней. А еще – обилие автохтонных сортов винограда, исторически приспособившихся к произрастанию как раз в этой крымской «жаровне». К этому же следует прибавить и население, поколениями, занимавшееся виноградарством и виноделием. Это ли не истинная ценность!

А для питерского аристократа как раз и нужны были пальмы, эвкалипты, тропическое буйство зелени и мягко-теплая, влажноватая погодка – настоящий ужас для виноградаря. Имение не приносило доход, ибо вся прибыль вкладывалась Голицыным в эксперименты с терруаром и винами. Более того Голицын уверено вывел вина, производимые в имении князя Горчакова, на международный винный Олимп: «Два вина из десертных – «Мускат №II» и «Портвейн белый (номер утерян)» – были награждены (каждое!) четырьмя золотыми и двумя серебряными медалями в 1893-1904 гг. в Одессе, Киеве, Париже, Лондоне, Льеже и Афинах, а также двумя медалями «Гран-при» в Афинах (1903) и Лондоне (1904). Отмечены теми же дипломами и Почётным Дипломом на выставке в Гааге (1903) четыре марки столового вина – «Семильон №6», «Семильон №7», «Рислинг №9» и «Красное столовое №14» [Князь Голицын 2024].

Именно Голицын создал прототипы уникальных вин: «Солнечная долина» и «Черного доктора», и крымской «Мадеры», и Шампанского. Но... бизнес есть бизнес. И Горчаков посчитал капиталовложения в этот пустынный край не перспективными,

Яркий герб владельца винодельни, Дионис, абрис замка-винодельни и мягкие, теплые тона – классика маркетингового хода конца девятнадцатого века. Рекламный плакат «Архадерессе». Изображение размещено в свободном доступе: <https://sunvalley1888.ru/contents/gorchakov.jpg>

прибыль от винопроизводства – не значительной, удивительные винные открытия и достижения Голицына – малозначимыми, а его решение вкладывать большую часть прибыли в развитие вина – безумным. Голицын покидает Архадерессе и запускает на мировой небосклон две звезды величайшего уровня: хорошо всем известный винзавод «Массандру» и завод по производству шампанских вин «Новый Свет». Впервые в истории России появляется промышленное производство ликерных и десертных вин, базирующееся на высочайшем научном уровне, а Россия уверенно стремится войти в закрытый клуб лучших винодельческих стран

планеты. Крымские мускаты, портвейны, токаи, мадеры и кагоры впервые становятся известным мировому сообществу... Но начиналось все в сухих изломах древних Токлукской и Козской долин.

*«Сто тридцать лет назад, пустынный берег,
Невероятно яркий диск луны,
Мечтатель-князь, который вдруг поверил,
Что здесь создаст шампанское страны...» [Бабакина & Шольу-Куликов 2011: 9].*

Первая мировая война и последующее лихолетье войны Гражданской, огненный смерч Великой Отечественной войны совокупно привели к резкому спаду крымского виноградарства и виноделия. Снова исчезла практика возделывания винограда в Западном Крыму, значительно снизилась, а то и вовсе пропала культура вина в районе Инкермана. Но Судаку вновь повезло, поскольку он стойко перенес все невзгоды и сохранил преемственность винодельческих традиций.

1945 году в этих местах было всего пятьдесят гектаров виноградников, но уже в 1947 году представительная комиссия, работавшая во Всесоюзном научно-исследовательском институте виноделия и виноградарства «Магарач» (ВНИИВиВ «Магарач») дает высочайшие оценки ликерным и десертным винам крымской Солнечной долины. В это время на предприятии функционирует лишь одна машина, несколько лошадей и лебедка для бочек еще времен династии Романовых. Все остальное: сбор, транспортировка, дробление, переработка, то есть, весь цикл

сложнейших виноградарских и винодельческих работ осуществляется только вручную. О голоде, холоде, бытовой нужде в самых элементарных предметах, тотальном отсутствии электричества, разбитых дорогах вряд ли стоит вообще упоминать, если даже опечатывали бочки старой, еще горчаковской медной печатью для сургуча, а воду набирали из средневековых турецких бань: «по системе специальных кирпичных лотков велся сбор дождевой воды, собиравшейся в бассейне у бань. Отсюда ее перевозили в Архадерессе для бытовых нужд» [Карзова 2013: 107].

202

Эстетика ручного труда и абсолютная экологичность производства. Не от богатства, но от нищеты. Тяжелый труд женскими руками. Фотография взята из книги Карзовой В. В. «Долина вечности и солнца или восхождение к истокам» [Карзова 2013: 114].

В то же время создается пусть и небольшая, но лаборатория, разрабатываются подходы к работе с аборигенными сортами винограда. В конце концов кризис преодолевается. Из подвалов Архадерессе выходит беспрецедентная по своей номенклатуре линейка десертных и ликерных вин, созданных на основе древнейших аборигенных сортов винограда.

К началу двадцать первого века Архадерессе переживает начало нового пика в своей истории, который до сих пор еще не вышел на максимум и все еще продолжает набирать обороты. Колоссально увеличивается площадь виноградников, принципиально меняется оборудование винзавода и неуклонно повышается чистота обработки виноматериала.

Но главное, спустя семь веков в Судак возвращаются итальянцы, в долине Токлук разбивается виноградник из диковинной для этого терруара итальянской лозы. И второе, был совершен смелый эксперимент. Неподходящая для сухих вин земля, неподходящий для сухих вин микроклимат не стал препятствием для виноделов Архадерессе. Была создана традиция, доселе не существовавшая в этом регионе: производство стильных, прекрасно узнаваемых, мы бы выразились «рискованных» сухих вин. Там создаются очень необычные сочетания (итальянского и грузинского сортов винограда), «усмиряется» резкий, грубый нрав Пти Вердо, изучается непроверенный, таинственный потенциал Марселана. Ну и, конечно же, аборигены, среди которых выделяется сорт, прекрасно подходящий для десертных вин – Кокур, но вот создать эффектное сухое вино – это поистине

невероятная задача. Например, Массандра, с таковой задачей не справилась, а «Солнечная долина» сумела раскрыть и эту сторону винограда, произрастающего в Крыму еще с античных времен.

Мифопоэтика истории в винах Солнечной долины

Наш небольшой очерк истории виноградарства и виноделия в терруаре Судака однозначно говорит о том, что ни один из элементов восприятия вина не будет столь же ценен, как историческая линейка. Романтический настрой – это скорее Массандра, техноэстетизм, это – Alma Valley, личная индивидуальность винодела, это, например винодельня Два Сердца. Однако, Солнечная долина – это корень и ствол истории виноделия. Это Перикл в судакской бухте, это – рыцарь и благородный сеньор Карло Ломеллино, сына правителя Корсики со своим войском, прошедшим по мятежным регионам Капитанства Готия от Балаклавы до Феодосии, это – Афанасий Никитин возле крупнейшего храма и монастыря средневекового Крыма Килиска-Кая, в горах под Судаком [Семаева 2024], это – рождение русского виноделия, это – героизм русских виноделов борющихся с капиталистическим хищничеством, с военной разрухой, но упорно создающих прекрасное... Это – конечно же дача-мастерская Московского института изобразительных искусств, ставшая фактически центром обучения искусству пейзажа и выпустившая великолепных живописцев: «Многие годы здесь работали и творили известные художники пейзажисты – М. Волошин, К. Богаевский,

Р. Фальк, Кандуров, Оболенская, Rogozinskiy и другие» [Карзова 2013: 184].

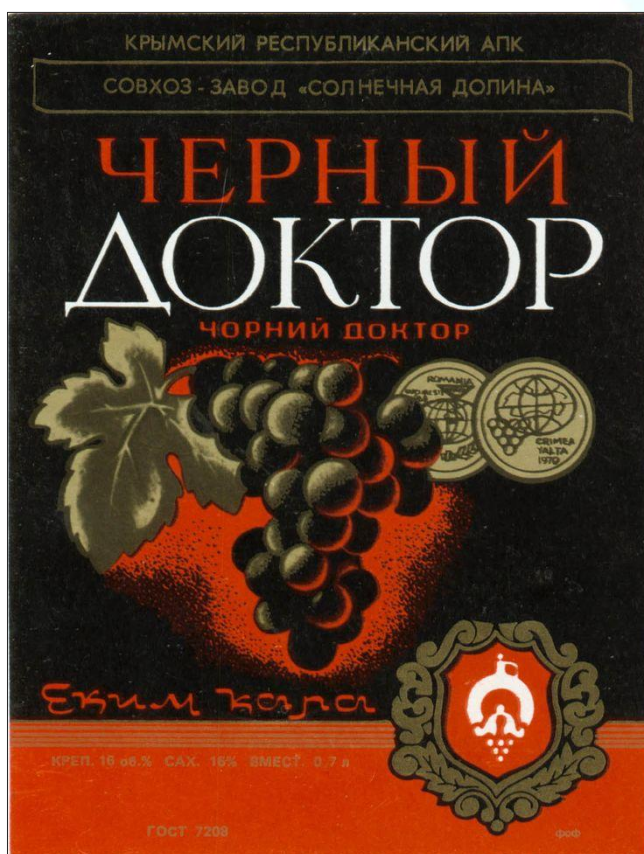
Конечно, указанный пласт не мог быть полностью проигнорирован создателями винного концепта Солнечной Долины. Так, например, «Солнечная долина» выпускает купажное вино из автохтонных сортов винограда: Солдайя. Но при этом совершенно не обыгрывается романтика этого вина, созданного из уникального виноградного набора сортов: Сары Пандас, Кок Пандас, Солнечнодолинский, Капсельский белый, Солдайя, Кокур белый. Мягкий вкус, изысканный аромат, просто вопиет о необходимости завернуть его аромато-вкусовые качества в слои мифа и поэзии. Шаг в этом направлении был сделан: вину дали итальянское имя судака – Солдайя. Но... на этом все и окончилось. Дальнейших маркетинговых ходов так и не было предпринято – в итоге вино получило аскетичную этикетку и стандартный виноградно-солнечный антураж.

Сухое белое вино с итальянским названием Солдайя и стандартный ход с акцентом на солнце и виноград. Коллаж с использованием изображений, размещенных в свободном доступе:

<https://clck.ru/3AzrWr>

При этом основной мифопоэтический упор был сделан маркетологами на легенду о Черном полковнике и Черном докторе, давшей названия двум типам вина. Увы, но ни в советской, ни в современной традиции нет и намека на саму легенду, родом из конца восемнадцатого – начала девятнадцатого веков. Современному потребителю вина совсем не понятно, откуда идет это название, а порой его и несколько пугает эманациями ужасного сочетание «Черного» и «Доктора». В итоге получается хоть и высокая концентрация эмоций и чувств, но носящая значительный негативный характер [Маленко 2022].

Этикетка советских времен эмоционально воздействует очень сильно через красно-черные тона, но до появления классической индустрии ужасов остается еще достаточно много времени. Изображение размещено в свободном доступе: <https://goo.su/u58epLH>

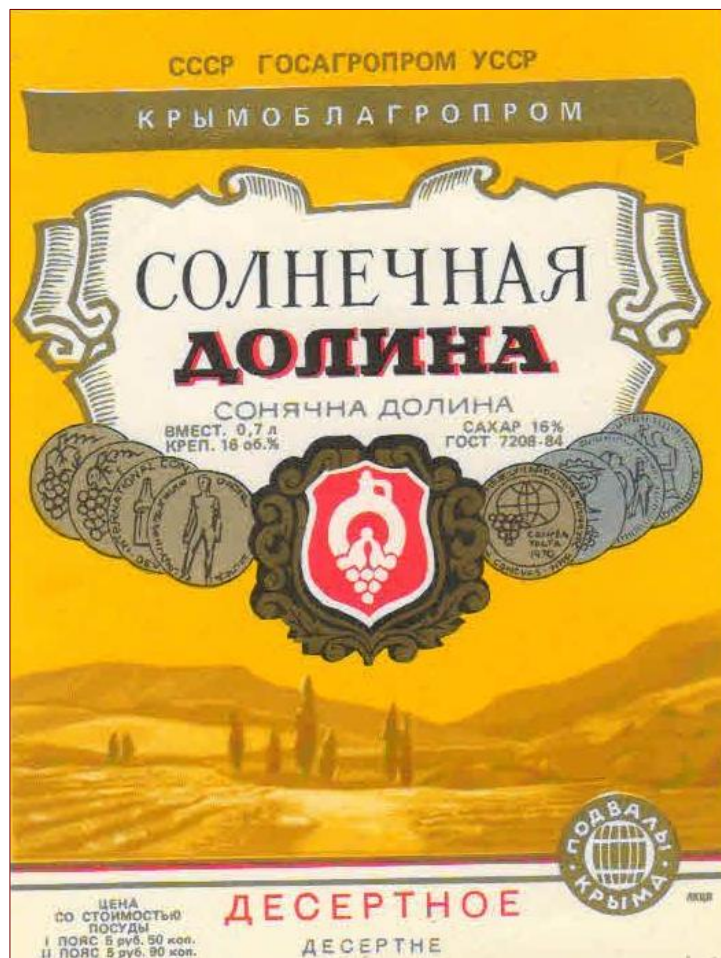

Название ничем не подкреплено в рамках визуального ряда, лишь обыгрывает черноту, да еще на этикетке присутствует некий герб, заявляющий претензию на аристократичность. Изображение размещено в свободном доступе: <https://goo.su/KtcBUUj>

Лишь спустившись в винные подвала Архадерессе, можно увидеть отголосок красивейшей легенды. Изображение размещено в свободном доступе: <https://img.tourister.ru/files/3/4/3/1/6/2/1/original.jpg>

Кстати, в основной номенклатуре советских времен всячески обыгрывалась именно ландшафтная динамка: свет, ароматы, степи, жар солнца... Видимо, школа пейзажа в Солнечной Долине все-таки оказала свое влияние и на легенду вин.

Пейзажная лирика, романтика неги под солнцем хороша, но виды Ай-Петри, или Фороса явно будут выигрывать в конкуренции за воздействие на внимание массового зрителя. Изображение размещено в свободном доступе: <https://goo.su/Z9jGLQ>

Ход, в принципе, хороший, но Солнечная Долина в смысле пейзажного воздействия на зрителя сильно уступает иным регионам Крыма. В этом смысле уверено и интересно смотрится лишь попытка обыгрывания солнца, как визитной карточки винодельни и для бренда ТМ «SUN VALLEY» ничего лучше и не придумаешь.

Великолепный рекламный ход, вызывающий архетипическое чувство сопереживания солнца и аромата пряных трав, которыми славятся вина Солнечной Долины. Пурпурного цвета буквы автоматически придают картинке высокий аристократизм, а пергамент в качестве фона непосредственно отсылает к древней истории Козской долины. Изображение размещено в свободном доступе: <https://sunvalley1888.ru/images/sd-otkritka.jpg>

Но, запуская новые линейки вин: сухие и полусладкие, проводя ребрендинг классических марок ликерных вин нельзя бесконечно играть с солнцем. Конечно, это прекрасно понимают эксперты винодельни. Они предлагают и свое видение товара, с точки зрения мифопоэтики, тогда как подобные предложения сильно ограничивают возможности восприятия вина.

Так современный дизайн серии легких сухих вин отдает предпочтение экзотической живописи или скупой игре шрифта, смутно отсылающей к чему-то возвышено-древнему, рукописно-архаичному. Намек есть. Но понят ли он? Очевидно, что нет.

На этикетке располагается картина, созданная в стиле Тингати́нга. Стиль создан африканским художником из Танзании и в характерной африканской манере изображает животных или растения. То, каким именно образом связана Африка и Крым, стиль Тингати́нга и Солнечная Долина вызывает недоумение. Тем более, что это вино создано из аборегенного сорта Кефесия и своим названием отсылает к средневековому наименованию Феодосии. Виноград был широко известен в Турецкой империи, ибо из него делали превосходный изюм: Кефе изюм. Единственный смысл, который мы нашли – это сравнение жаркой, засушливой Солнечной Долины и жаркой, засушливой Африки, но ответ слишком относителен и мало что дает для яркого и многоуровневого наслаждения вином.

Изображение размещено в свободном доступе: <https://goo.su/RtPgjH>

Наглядный пример эстетики минимализма и аскетизма. Название вина выведено в стилистике архаичного рукописного шрифта, а название дублирует топоним мыса Меганом, у которого и располагаются виноградники, породившие продукт для производства этого вина. Изображение размещено в свободном доступе: <https://goo.su/WQu5j>

Также представляется отыгрыш терруара в названии (классический ход винодела), не подходящий для философии вин «Солнечной Долины». Это дружелюбные, энергичные, имеющие неповторимый аромат, смелые, рискованно-экспериментальные вина. Они радушные, ироничные, с улыбкой уносящиеся в будущее. Право же отсылка к арифметике полевых цветов и животному миру их сильно принижает. Они ведь не девочки-барышни, только выходящие в свет, а старые, озорные, наполненные прошлым леди и витязи.

Еще один пример новой эстетики сухих вин Солнечной Долины. Так же, как и в случае с африканской тигантги он имеет флористическую и анималистическую символику. Слева на этикетке изображены полевые цветы, справа – животное или морской обитатель (Рислинг – морская раковина, Сухое Белое – рыбка, красное купажное – заяц, в данном случае – кабан. Какова связь сухого купажного красного вина с зайцем, а, скажем, Мерло с кабанчиком и красным маком – далеко не ясно. Если это исключительно флора, то можно было предположить, что так обыгрывается аромат и вкус вина, но при чем тогда морская раковина и кабан? Подобная идея не раскрывает в полной мере тонкость вина, не дает впечатлений, не проговаривает особую историю сорта винограда и т. п.

Изображение размещено в свободном доступе: <https://clck.ru/zAzrqF>

В рамках нашего метода мифопоэтики мы предлагаем несколько по-иному посмотреть на выдающиеся вина Солнечной Долины.

Порто Солнечной Долины красное: крепкий аромат, богатство и характерные тона, яркой послевкусие, душистость, которая проникает изнутри сквозь поры кожи, аллюзия на

португальские вина, но с явным крымским колоритом... Сквозь изломы рубинового цвета в бокале видится Афанасий Никитин: тверской купец, дипломат и немного разведчик, ходивший за три моря. Вкус Порто – это иранское нагорье, это – Каспий, это – Оттоманская империя, это – встреча с португальскими колонизаторами, осваивавшими в те века Индию, и наша, крымская Кафа, наша крымская Солдая.

Причем в Кафе Афанасий Никитин прожил несколько месяцев, возвращаясь из своего долгого путешествия. Там он набрасывал заметки к своей книге и, быть может, посещал окрестности Козской долины и Токлукского хребта: «Афанасий Никитин, возвращаясь в Тверь, шел через Крым и какое-то время находился в Каффе, это факт. И происходило это как раз накануне турецкого захвата полуострова в 1475 году! Расстояние от Каффы до Килиса-Кая не такое уж и большое – день пути на конях. Афанасий Никитин какое-то время находился в Каффе и в составе своего посольства, в котором были монахи, осматривал окрестности. К 1475 году храм у Килиса-Кая, вероятнее всего, являлся ценным и крупным монастырем, хорошо известным в окрестностях. Он мог быть виден издалека, с моря. Не исключено, что Афанасий Никитин или кто-то из его посольства захотел и мог посетить храм» [Семаева 2024]. Увязка паломничества Афанасия Никитина с Солнечной Долиной, позволит за рюмочкой Порто поговорить о русских путешественниках, о странных связях Крыма и России еще до Екатерины Великой, пролистать заметки самого тверского купца. Это открытая линейка сувениров: от футболок с изображением

Афанасия Никитина, держащего в руке кубок с крымским вином, до его книжки, комиксов... да мало ли до чего еще?

Кагор Солнечной Долины однозначно можно связать с открытием века: находкой величественного храма Килиса-Кая под Судаком, который являлся частью большого монастырского комплекса: «Раскопанный трехнефный храм имеет значительные размеры. Полагают, что это крупнейшее из сохранившихся в Тавриде культовое сооружение древних веков, сопоставимое по площади, с храмом Иоанна Предтечи в Керчи или армянским монастырем Сурб-Хач близ Старого Крыма» [Средневековый храм... 2024]. Этот ход можно увязать с многочисленными христианскими как греческими, так и армянскими легендами, которые собраны этнографами в районе нашего терруара: «Святая Кровь... Антарам» [Карзова 2013: 170-172].

Это дает выход на яркие впечатления об истории возникновения и распространения христианства в Крыму: о героях и о предателях, о хитрых обманщиках и благородных юношах, о трусливых полководцах и мужественных священниках. О тех трудностях, с которыми связывалось сохранение традиций виноделия в период османского владычества. Букет вина, который постепенно раскрывается от аромата чернослива и изюма к довольно-таки пряным специям и душистым травам позволит проникнуться трагической романтикой тех веков. А вкус: сочный, слегка маслянистый, плотно обволакивающий нёбо с шелковистыми нежнейшими танинами подарит послевкусию теплой

смородины, как утешающее тепло истории, вернувшей Крым в объятия Христианской культуры и цивилизации.

*Реконструкция храма у Килиса-Кая. Найдены археологические подтверждения о прочной связи монастыря, где располагался храм, с Московским государством.
Изображение размещено в свободном доступе: <https://clck.ru/3AzrsD>*

«Токлук» Монтепульчано» – сухое вино, авторская работа в которой создатели соединили итальянский сорт Монтепульчано и грузинский – Саперави. Удивительно стильное, многогранное вино выдающегося характера. Но отчего же у него такая невыразительная легенда?

«Итальянцы» снова в Крыму! Но, при этом, пятнадцать процентов винограда в вине – это «кавказец». На ум приходит нечто изысканное и яростное, боевитое и романтическое. Генуэзская Солдая, Капитанство Готия.

«Токлук» Монтепульчано» – сложное красное сухое вино, соединившее мягкую итальянскую изысканность и резкость грузинского горца с... африканской картиной на этикетке. Изображение размещено в свободном доступе: <https://clck.ru/3AztUg>

Генуэзская пехота. Примерно так выглядели войны капитанства Готия. Размещено в свободном доступе: <https://clck.ru/3AztWe>

Здесь очень уместно вспомнить и обыграть истории, связанные с походом рыцаря Карло Ломеллино, или кровавой деятельности братьев-авантюристов Гуаско, которые конфликтовали с всесильными консулами Солдайи и Кафы: «Христофоро ди Негро, Антониото ди Кабела» [Дело братьев Гуаско 2022]. Вообще же история венецианцев (между прочим, близкие родственники известного Марко Поло имели в Крыму свое недвижимое имущество) и генуэзцев в Крыму дает интереснейший мифопоэтический материал диффузий разных культур в пределах небольшого географического региона: «Итальянские купцы появились, а затем усиливали позиции не просто мирно расселяясь, но и активно используя региональные противоречия...» [Чернышева 2019: 161].

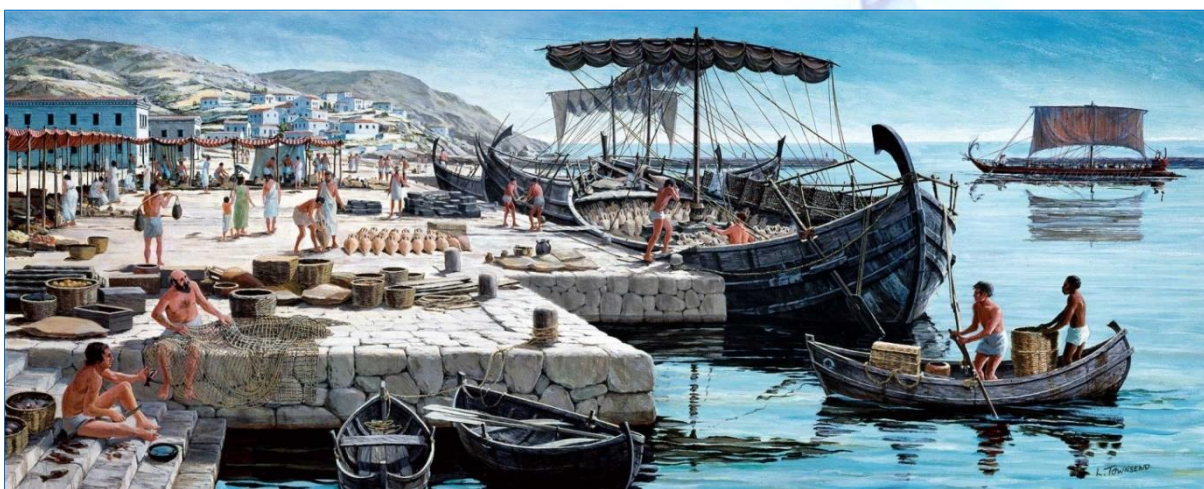
*Чобан-Куле – развалины замка «Таксилы» принадлежавшего братьям Гуаско. Разбойничье гнездо, откуда терроризировалось крымское побережье от Судака до Алушты.
Изображение размещено в свободном доступе: <https://clck.ru/3AztZx>*

Такая связка наполнит смыслом «Токлук» Монтепульчано и создаст возможности для исторического просвещения потребителей вина, расширения их кругозора, позволит выйти на многообразные маркетинговые ходы связаны со средневековым рыцарством, батальными элементами, эстетикой Италии эпохи Возрождения.

Кокур – сухое белое вино из аборигенного сорта винограда собирается со старых лоз возрастом более тридцати лет. Вино получается свежим, легким, с интуитивно понятными тонами пряных трав, абсолютно без горечи в послевкусии. Это вино возвышает, оно дышит той простотой и точностью, какой и отличается античная классика. Высокая классика, чуждая хтоническому реву троянского цикла или влажной пышности эллинизма. Это дает ключ к пониманию и усилению осознания смысла вина через обращение к высокой эллинской классике, к золотому веку Афин, к строительству морской империи Перикла.

Это – эпоха Сократа и Софокла, это же и выход Крыма на широкую международную арену через Херсонесскую республику и Боспорское царство, граница влияния между которыми позднее пролегла где-то в этих же самых местах. Отчего бы не появилась этикетке, отсылающей к этому бескрайнему морю смыслов, идей, ощущений? Отчего бы, скажем, название не сопровождать соответствующей исторической легендой: «Кокур Перикла», например? Хотя, конечно, сам Перикл такое вино пил вряд ли, ибо «производство белого вина в древнем мире составляло ничтожно малую долю по сравнению с красным» [Филлипс 2004: 48]. Но ведь

можно запустить под перикловским брендом и линейку красных сухих вин с гармонично-высоким вкусом, сделав упор не на эстетику Афин, а на их талосократию – воинственный контроль над морскими побережьем? В этом смысле можно уйти от Перикла и вспомнить про философа Платона, стратега Ксенофонта, оратора Демосфена – эллинская история тут дает чрезвычайно богатый выбор «персонализированного» мифопоэтического послевкуся.

Порт Пирей в Афинах. Это – центр винной торговли античного мира. Отсюда вино уходило в колонии, но и из колоний вино также поступало на рынки Эллады. На иллюстрации мы видим процесс загрузки корабля амфорами с эллинским вином.

Изображение размещено в свободном доступе: <https://gog.su/WTAZ>

Выводы

Вина Козской (Солнечной) и Токлукской долин имеют древнюю историю и обширные материал для энергичного, новаторского эксперимента с мифопоэтическим восприятием этого напитка. Этому в немалой степени способствует и непрерывная история виноделия в этом терруаре, насчитывающая целых двадцать пять веков, а также более пятидесяти автохтонов, которые полностью раскрываются только в указанной микроне.

Сотни событий мировой истории, связанной с Элладой, Итальянским Возрождением, Османской империей, Российским государством, войнами и невероятными подвигами виноделов заставляют, буквально требуют переосмысления сущности мифологии вин Солнечной Долины с романтично-девичей мифопоэтики полевых цветов и невнятной архаики рукописного текста на глубокую, трепетную жизнь путешественников, рыцарей и политических гениев. Ритм истории, религиозные потрясения, межкультурное проникновение культур друг в друга помогут создать фон для интересного восприятия вина. Тем более, что этнографический материал, скажем, Козьей долины является одним из самых богатых и служит костяком для формирования многочисленных сборников Легенд Крыма, что может усилить мифопоэтическую арабеску реальности и вымысла, исторического факта и народных переживаний событий. А игнорировать влияние, сказки, мифа, легенды на современного человека никак нельзя [Красова 2023], особенно в органическом дуэте с винными шедеврами замечательных энологов крымской Солнечной Долины.

Литература

- Бабакина, Э. Л., & Шольц-Куликов, Е. П. (2011). *Дом вина*. Саки: Предприятие Феникс.
- Бочаров, С. Г. (2016). Историческая география Генуэзской Газарии 1275-1475 гг. *Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды* (стр. 263-268). Ялта: Stratum plus.
- Галенко, А. И. (2002). Виноделие в Османском Крыму. *Дионис – Вакх – Бахус в культуре народов мир* (стр. 49-70). Симферополь: Крымский Архив.
- Дело братьев Гуаско (2022). *Морское. Официальный сайт села*. Режим доступа: <http://www.morskoe.com/viewpage.php?pid=guasco> (дата обращения: 22.02. 2024).

- Зелинская, Е. Л. (2020). Истоки крымского виноделия XIX в.: Судак. *Вопросы истории*, 4, 238–242.
- Карзова, В. В. (2013). *Долина вечности и солнца или восхождение к истокам*. Симферополь: Ариал.
- Карзова, В. В. (2015). *Магия вина*. Симферополь, Салта.
- Князь Голицын (2024). *Sunvalley1888.ru. Официальный сайт ООО «Солнечная Долина»*. Режим доступа: <https://sunvalley1888.ru/istoriya/knjaz-golicyn> (дата обращения: 22.02. 2024).
- Красова, И. (2023). Социально-философские аспекты сказкотерапии: впечатляющее продвижение от индивида к личности. *Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований*, 1(2), 85–108.
- Кручинина, Е. Н. (2004). *Крымские вина*. Москва: Издательство Жигульского.
- Маленко, С. Высокая концентрация впечатлений: чувства, образы, идеи. *Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований*, 1(1), 9–13.
- Пелях, М. А. (1979). *Рассказы о вине*. Кишинев: Картя Молдовеняскэ.
- Семаева, Е. (2024). Археологи пытаются найти ответы на вопросы, связанные с историей уникального храма возле Судака. Тайна Килиса-Кая. *Московский Комсомолец*. Режим доступа: <https://gog.su/gAdk> (дата обращения: 22.02. 2024).
- Средневековый храм близ города судак и следы сильного землетрясения в его стенах (2024). *Судакская крепость. Официальный сайт ГБУР Музея-заповедника*. Режим доступа: https://sudakmuseum.ru/srednevek_hram (дата обращения: 22.02. 2024).
- Филлипс, Р. (2004). *История вина*. Москва: Эксмо.
- Чернышева, Е. В. (2019). Сенситивный тип культуры в окружении идеациональных типов (на примере венецианцев и генуэзцев в средневековом Крыму). *Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры*, 7, 160–172.
- Шимова, Е. В., & Гниломедова, Н. В. (2020). Принципы создания «Винной дороги Крыма» как одного из основных моментов этнотуризма. *Менеджмент в виноградарстве и виноделии. Материалы I Научно-практической конференции по итогам учебной практики магистрантов* (стр. 21–24). Севастополь: СЕВГУ.

Информация об авторах

Шевченко Олег Константинович – доктор философских наук, доцент, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Россия, 298635, Республика Крым, Ялта, ул. Севастопольская, 2-А), ORCID: 0000-0002-1362-2875, skilur80@mail.ru

Дорофеева Анна Андреевна – доктор экономических наук, доцент, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Россия, 298635, Республика Крым, Ялта, ул. Севастопольская, 2-А), ORCID: 0000-0003-0328-1605, andora.kfu@mail.ru

THE MYTHOPOETICS OF THE ARCHADERESSE (A STORY IN A GLASS OF WINE)

Oleg Shevchenko, Anna Dorofeeva

Abstract: the article explores the mythopoetic terroir of the Kozskaya and Tokluk valleys on the southeastern coast of Crimea near the city of Sudak. The basis of the mythopoetic reality of wine, from the point of view of the authors, is the historical events associated with the stay of the Hellenes, Genoese, and Ottoman Turks in these places. Throughout the history of winemaking, since antiquity, the wine-making tradition in this terroir has not been interrupted, which has allowed the preservation of more than fifty indigenous grape varieties growing only in this area. The special piquancy of this area is given by the fact that it was in this region that the Russian school of scientific viticulture and winemaking began to take shape. The rich history has left a noticeable mark in the folklore of the indigenous inhabitants of the valleys, which became the basis for the release of the popular book series "Legends of the Crimea". The authors are convinced that the essence of the wines of JSC "Sunny Valley" can be fully revealed only through an appeal to the mythopoeic logic of combined historical and fabulous impressions, which connects a specific historical fact, the legend of the area with the aroma, taste and color of wine into a single cognitive node. Specific examples of mythopoetic rebranding of the following wine brands are offered: Kokur of the Sunny Valley (dry white wine), Tokluk Montepulciano (complex dry red wine), Porto of the Sunny Valley red (liqueur wine), Cahors of the Sunny Valley (liqueur wine). The reference points for building the mythopoetics of wines are the images of: Pericles (Kokur), the knight Carlo Lomellino or the brothers Guasco ("Tokluk" Montepulciano), Athanasius Nikitin (Porto), the temple of Kilis-Kai (Cahors).

Keywords: wine, oenology, aesthetics of wine, philosophy of wine, brand, Sunny (Kozskaya) Valley, Tokluk, Archaderesse.

References

- Babakina, Je. L., & Shol'c-Kulikov, E. P. (2011). *Dom vina* [House of Wine]. Saki: Predpriyatie Feniks Publ. (In Russ).
- Bocharov, S. G. (2016). Istoricheskaja geografija Genujezskoj Gazarii 1275-1475 gg. Dialog gorodskoj i stepnoj kul'tur na Evrazijskom prostranstve. [Historical geography of Genoese Gazaria 1275-1475. The dialogue of urban and steppe cultures in the Eurasian space.]. *Istoricheskaja geografija Zolotoj Ordj* [Historical geography of the Golden Horde] (pp. 263-268). Jalta: Stratum plus Publ. (In Russ).
- Chernysheva, E. V. (2019). Sensitivnyj tip kul'tury v okruzenii ideacional'nyh tipov (na primere veneciancev igenujezcev v srednevekovom Krymu) [A sensitive type of culture surrounded by ideational types (on the example of the Venetians and the Genoese in medieval Crimea)]. *Voprosy krymskotatarskoj filologii, istorii i kul'tury* [Questions of Crimean Tatar Philology, History and Culture], 7, 160-172. (In Russ).

- Delo brat'ev Guasko [The case of the Guasco Brothers] (2022). *Morskoe. Oficial'nyj sajt sela* [The official website of the village "Morskoye"]. Available at: <http://www.morskoe.com/viewpage.php?pid=guasco> (accessed: 22.02. 2024). (In Russ).
- Galenko, A. I. (2002). Vinodelie v Osmanskom Krymu [Winemaking in the Ottoman Crimea]. *Dionis - Vakh - Bahus v kul'ture narodov mira* [Dionysus - Bacchus - Bacchus in the culture of the peoples of the world] (pp. 49-70). Simferopol': Krymskij Arhiv Publ. (In Russ).
- Karzova, V. V. (2013). *Dolina vechnosti i solnca ili voshozhdenie k istokam* [The Valley of eternity and the sun or the ascent to the origins]. Simferopol': Arial Publ. (In Russ).
- Karzova, V. V. (2015). *Magija vina* [The Magic of Wine]. Simferopol': Salta Publ. (In Russ).
- Knjaz' Golicyn [Prince Golitsyn] (2024). *Solnechnaja Dolina. Oficial'nyj sajt* [Sunny Valley. The official website]. Available at: <https://sunvalley1888.ru/istoriya/knjaz-golicyn> (accessed: 22.02. 2024). (In Russ).
- Krasova, I. (2023). Social'no-filosofskie aspekty skazkoterapii: vpechatljajushhee prodvizhenie ot individa k lichnosti. [Socio-philosophical aspects of fairy tale therapy: an impressive progress from the individual to the personality]. *Industrii vpechatlenij. Tehnologii sociokul'turnyh issledovanij* [The impression industry. Technologies of socio-cultural research], 1(2), 85-108. (In Russ).
- Kruchinina, E. N. (2004). *Krymskie vina* [Crimean wines]. Moscow: Zhigulsky Publishing House. (In Russ).
- Malenko, S. Vysokaja koncentracija vpechatlenij: chuvstva, obrazy, idei [High concentration of impressions: feelings, images, ideas]. *Industrii vpechatlenij. Tehnologii sociokul'turnyh issledovanij* [The impression industry. Technologies of socio-cultural research], 1(1), 9-13. (In Russ).
- Peljah, M. A. (1979). *Rasskazy o vine* [Stories about wine]. Chisinau: Kartja Moldovenjaskje Publ. (In Russ).
- Phillips, R. (2004). *Istorija vina* [A short history of wine]. Moscow: Eksmo Publ. (In Russ).
- Semaeva, E. (2024). Arheologi pytajutsja najti otvety na voprosy, svjazannye s istoriej unikal'nogo hrama vozle Sudaka. Tajna Kilisa-Kaja [Archaeologists are trying to find answers to questions related to the history of the unique temple near Sudak. The secret of Kilis-Kai.]. *Moskovskij Komsomolec* [Moskovsky Komsomolets.]. Available at: <https://gog.su/gAdk> (accessed: 22.02. 2024). (In Russ).
- Shimova, E. V., & Gnilomedova, N. V. (2020). Principy sozdaniya «Vinoj dorogi Kryma» kak odnogo iz osnovnyh momentov jenoturizma [The principles of creating the "Wine Road of Crimea" as one of the main points of enotourism]. *Menedzhment v vinogradarstve i vinodelii. Materialy I Nauchno-prakticheskoj konferentsii po itogam uchebnoj praktiki magistrantov* [Management in viticulture and winemaking. Materials and Scientific and practical conferences based on the results of undergraduates' academic practice] (pp. 21-24). Sevastopol': SEvGU Publ. (In Russ).

Srednevekovyj hram bliz goroda sudak i sledy sil'nogo zemletrjasenija v ego stenah [A medieval temple near the town of Sudak and traces of a strong earthquake in its walls] (2024). *Sudakskaja krepost'. Oficial'nyj sajt GBUR Muzeja-zapovednika* [The official website of the GBUR Museum-reserve "Sudak fortress"]. Available at: https://sudakmuseum.ru/srednevek_hram (accessed: 22.02. 2024). (In Russ).

Zelinskaja, E. L. (2020). Istoki krymskogo vinodelija XIX v.: Sudak [The origins of Crimean winemaking in the XIX century: Sudak.]. *Voprosy istorii* [History issues], 4, 238–242. (In Russ).

Author's information

Shevchenko Oleg Konstantinovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University (2, Sevastopolskaya St., Yalta, Republic of Crimea, 298635, Russia), ORCID: 0000-0002-1362-2875, skilur80@mail.ru

Dorofeeva Anna Andreyevna – Doctor of Economics, Associate Professor of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University (2, Sevastopolskaya St., Yalta, Republic of Crimea, 298635, Russia), ORCID: 0000-0003-0328-1605, andora.kfu@mail.ru

For citation:

Shevchenko, O. K., & Dorofeeva, A. A. (2024). The mythopoetics of the Archaderesse (a story in a glass of wine). *Experience industries. Socio-Cultural Research Technologies (EISCRT)*, 2(7), 188–224. (In Russian). [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2\(7\)-188-224](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2(7)-188-224)

ГОРИЗОНТЫ

225

УДК 316.42(47+57):316.77:004.773.6

5.4.6. Социология культуры

[https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2\(7\)-226-260](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2(7)-226-260)

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ И ОБРАЗЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО БУДУЩЕГО: ПО СЛЕДАМ КОММЕНТАРИЕВ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

Анна Шавлохова,

*Национальный
исследовательский Томский
политехнический университет
(Томск, Россия).*

Anna Shavlokhova,

*National Research Tomsk
Polytechnic University
(Tomsk, Russia).*

*ORCID: 0000-0002-6439-5828
e-mail: ollyvost@tpu.ru*

Александр Брагин,

*Национальный
исследовательский Томский
политехнический университет
(Томск, Россия).*

Aleksandr Bragin,

*National Research Tomsk
Polytechnic University
(Tomsk, Russia).*

*ORCID: 0000-0003-4148-4980
e-mail: bragin@tpu.ru*

Для цитирования статьи:

Шавлохова, А. А., & Брагин, А. Д. (2024). Репрезентации повседневности и образы технологического будущего: по следам комментариев в социальных медиа. *Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT)*, 2(7), 226-260. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2\(7\)-226-260](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2(7)-226-260)

Аннотация: технологические новшества и достижения нашей страны оказывают различное воздействие на массового «потребителя» информации, который склонен выражать свою точку зрения именно в «цифре». Технологический прогресс определяет дискурс завтрашнего дня, но, при этом, остается неясной картина в отношении образа будущего, которое репрезентируется в контекстах настоящего и в повседневности. В целях проведения всестороннего анализа репрезентаций повседневности в социальных медиа (ВКонтакте), формирующих процесс планирования будущего на основе дисциплинарно-символических пространств (в отношении «технологического благополучия России»), авторами был разработан трехступенчатый комплексный метод (сбор, структурирование и анализ комментариев социальной сети) применительно к фундаментальной части исследования (теоретическая база). В статье делается вывод о том, что несмотря на сложность анализа комментариев в «цифре», можно выявить те триггерные точки, которые могут спровоцировать негативную коннотацию пользователей в отношении конкретных технологических достижений. Делается вывод о том, что пропозициональные установки на основе мнений и высказываний в виде комментариев в социальной сети представляют собой репрезентацию повседневности, которая формирует ценностно-смысловые установки в отношении образов будущего (включая «технологическое благополучие России»).

Ключевые слова: образ будущего, технологии, благополучие, Россия, ценности, повседневность.

Введение

В эпоху развития цифрового формата коммуникации социальные сети стали неотъемлемой частью повседневной жизни многих людей. Они предоставляют платформу для обмена информацией, выражения мнений и обсуждения актуальных тем. Однако, помимо простого обмена информацией, социальные сети формируют и отражают образы будущего и репрезентации повседневности своих пользователей, демонстрируют, в рамках

каких парадигм тот или иной пользователь думает, размышляет о своем настоящем одновременно проецируя свое же будущее. Анализ комментариев к новостным постам и статьям может помочь понять, как пользователи социальных сетей воспринимают свою текущую реальность и какие у них складываются представления о будущем. Это позволит выявить общие тренды, страхи, надежды и ожидания, которые живут в сознании современного человека. Особенностью настоящего исследования является учет множества факторов, влияющих на содержание и тональность комментариев в социальных сетях. Среди них: тип исследуемой страницы (официальные организации, компании или частные лица), тематический уклон страницы, а также влияние комментариев, созданных ботами, на формирование общественного мнения.

Важность исследования подтверждается растущим влиянием социальных сетей на формирование общественного мнения, принятие решений и социокультурные процессы в обществе. Понимание того, как формируются и меняются образы будущего и репрезентации повседневности, может стать ключом к пониманию динамики социальных изменений в современном мире. В последние годы многие исследователи обратили внимание на влияние новых медиа на общественное мнение и поведение людей. В этом контексте особое внимание уделяется анализу комментариев и взаимодействия пользователей в социальных сетях. В работе Stevenson и его соавторов [Stevenson et al. 2023] поднимается вопрос об особенностях детского мировосприятия через призму коммуникации детей с игрушечными блоками (в частности, с

конструктором «LEGO»). Авторы исследуют, как дети выражают свое видение цифрового мира через конструкции из этого вида игрушек, что может служить примером использования нестандартных методов для изучения восприятия пользователей различных возрастных групп. Chen анализирует влияние новых медиа на традиционную коммуникационную теорию. Основываясь на примере «Chai Jing Event», рассматривается, как развитие новых медиа повлияло на тренды документальных фильмов и как это отразилось на общественном мнении [Chen 2016].

Также, не является секретом, что в пространстве социальных медиа личность не только может смело выражать свое мнение и быть хоть и анонимно, но услышанным, но и само по себе влияние социальных сетей проявляется в том, что пользователи стараются получить социальные оценки своим действиям (постам, фотографиям, статусам, изречениям и т. д.), что было доказано в эксперименте нидерландских исследователей [Lindström et al. 2021: 2]. Также ученые подтвердили идею о том, что пространство повседневности социальных сетей уже действительно можно рассматривать как подобие ящика Скиннера для изучения поведенческих моментов личности. Нейронаука также не стоит в стороне от изучения поведения людей в социальных сетях [Meshi et al. 2015]. В последние десятилетия складывается и новая область исследования, ядром которой выступают теоретико-практические аспекты влияния цифровизации на существование человека и

понятие цифровой экзистенции (digital existence) [Сокулер 2017; Ocheretyany 2019; Sokolovskiy 2021].

Постановка проблемы

Объектом настоящего исследования является пространство социальных сетей, как набор репрезентаций повседневности, отражающих образы будущего. Сложность анализа социальных сетей связана с постоянной трансформацией репрезентаций повседневности в данные, которое не обладают стабильностью, так как цифровой мир можно отнести к понятию «текучего» [Bauman 2000] – в этом заключается проблематика исследования. Социальные медиа формируют новую культуру и новые правила коммуникаций по отношению как к окружающим, так и к самому себе, и своему будущему [Лукьянова & Скальная 2023: 450]. В этой связи исследование социальных сетей, а конкретно – комментариев пользователей относительно такого конструкта повседневности как «технологическое благополучие России», «технологический суверенитет» является одним из перспективных направлений исследования понимания коммуникативного альянса «Я – будущее».

В связи с этим, предметом нашего исследования является установление устойчивых коммуникативных паттернов, фиксирующих репрезентации повседневности относительно «технологического благополучия России» в социальных медиа (ВКонтакте). Гипотеза исследования предполагает, что посредством данных коммуникативных паттернов, наиболее часто

встречающихся в комментариях во ВКонтакте, индивидуальные контексты повседневной жизни встраиваются в социальные отношения в процессах планирования (проектирования) будущего и создают устойчивые конфигурации дисциплинарно-символических пространств.

Научная значимость и актуальность исследования связаны с выработкой нового методического инструментария для анализа эмпирически-полученных данных в отношении репрезентаций образов будущего (в отношении «технологического благополучия»). В перспективе планируется не только фиксирование репрезентаций, но и их изучение в части влияния на жизненный мир человека (прогнозирование будущего).

На основе анализа репрезентаций повседневности в социальных медиа представляется возможным выявить триггерные точки, на которые следует обратить внимание при формировании государственной цифровой политики для формирования адекватного ответа на негативный фон, формируемый в отношении как технологического развития России, так и будущего России в целом.

Основная часть

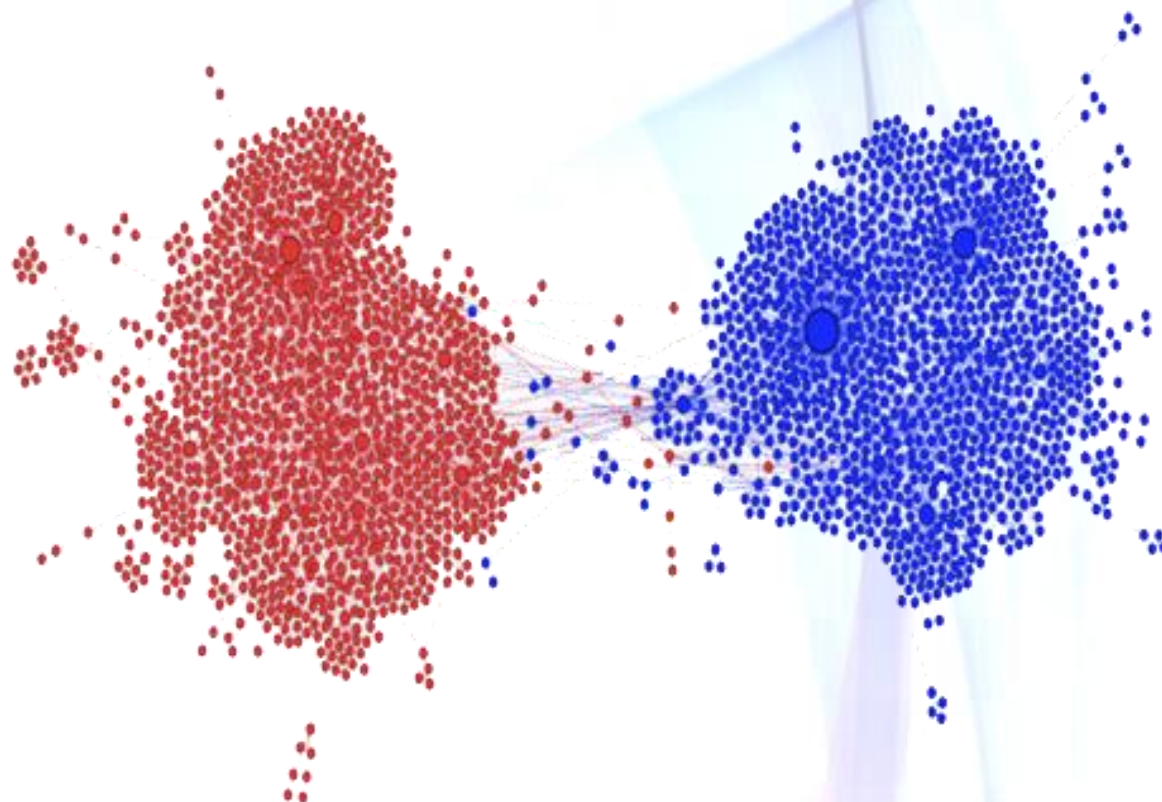
Настоящее исследование является междисциплинарным, так как авторы работы сконцентрировались не только на исследовании репрезентаций повседневности в отношении «технологического благополучия России» для отражения образа будущего, формируемого в социальных сетях с позиции социально-

философского анализа (теоретический аспект). Но и на разработке методики исследования и анализа комментариев из социальных сетей с точки зрения информационных технологий (прикладной аспект).

Здесь мы говорим о ментальности личности, которая имманентно погружена в цифровое пространство и, зачастую на основании продуцируемых в нем мнений, формирует свое представление о реальности и о будущем. Одним из ярких примеров может служить влияние социальных сетей на результаты предвыборных кампаний в зарубежной практике. Так, согласно отчету исследовательского центра «Pew Research Center», во многом благодаря использованию социальных сетей Барак Обама удалось выиграть выборы 2008 года, так как в процессе предвыборной гонки он задействовал именно социальные медиа для управления общественным мнением. Также характерным примером является бюджет Сената штата Техас (США), потраченный на выборы, согласно «Center for Responsive Politics» это 93 миллиона долларов. Причем большая часть этой суммы была затрачена именно на управление общественным мнением через социальные сети [Social Media's Influence on Elections 2022].

Подобный пример актуален в связи с тем, что картина будущего у человека складывается под воздействием ряда факторов, одним из которых является и политическая ситуация, где выборы – прямой путь к изменению коллективного будущего. И, в данном случае, «цифровая» ментальность диктует нам именно те препозиции, которые формируются в коллективном сознании в

социальных сетях. Этот факт подтверждается и в зарубежных исследованиях касательно изучения влияния эффекта эхо-камеры в социальных медиа. Любая идея, убеждение или потребность в чем-то может быть усилена или же полностью внедрена в сознание пользователя в случае, когда она многократно мелькает перед его глазами в социальных сетях в кругу его друзей, подписок и т. д., внутри закрытой системы [Cinelli 2021].

Визуализация распространения фейков за счет эффекта эхо-камеры в социальных сетях [Kumar et al. 2018: 9]

Изначально нам потребуется привести раскрытие философской стороны «цифровой» ментальности и того, что можно понимать под идеей репрезентаций повседневности.

С точки зрения зарубежных исследователей начала XX в. (Х. Патнэм) когнитивная наука должна не только рассматривать

«узкие» участки нашей ментальности, но и привлекать к решению сложных задач поведенческого характера и идеи философии функционализма. По мнению Х. Патнэма именно функционализм является наиболее предпочтительной теорией для исследования проблематики идентичности личности, ее поведенческих нюансов и теории ментальности, так как функционализм связывает не только когнитивные функции человека, но и его устремления, желания, эмоциональную составляющую его мыслительной деятельности [Putnam 1975: 76]. Другой американский философ и психолингвист Дж. Фодор предложил, на основании идей функционализма, рассмотреть модулярности ментальности человека в качестве гипотезы о «ментализме» (своеобразный врожденный язык мысли) [Fodor 1981; Rescorla 2019]. Если стандартная психология предсказывает поведение человека на основании его убеждений, страхов и желаний, то ментализм Дж. Фодора пытается объяснить поведенческие факторы личности через теорию пропозициональных установок, где центральное место занимают ментальные репрезентации.

Термин «пропозициональная установка» принадлежит Б. Расселу и отражает идею о том, что подобные сценарии представляют собой отношения в виде «желаний», «мнений», «ожиданий» от чего-либо. По мнению Б. Рассела, именно анализ «мнений» важен для изучения логики и теории познания [Russell 1918]. С позиции Дж. Фодора ментальная репрезентация есть мысленный эксперимент с участием семантических свойств нашего языка (например, значение, условие истинности, денотат и прочее) [Fodor

1987: 26–27]. То есть, когнитивные, ментальные процессы закладываются, в том числе, и тем смыслом, который «функционирует» в перерабатываемой нашим мозгом информации (в том числе, получаемой извне – через социальные сети).

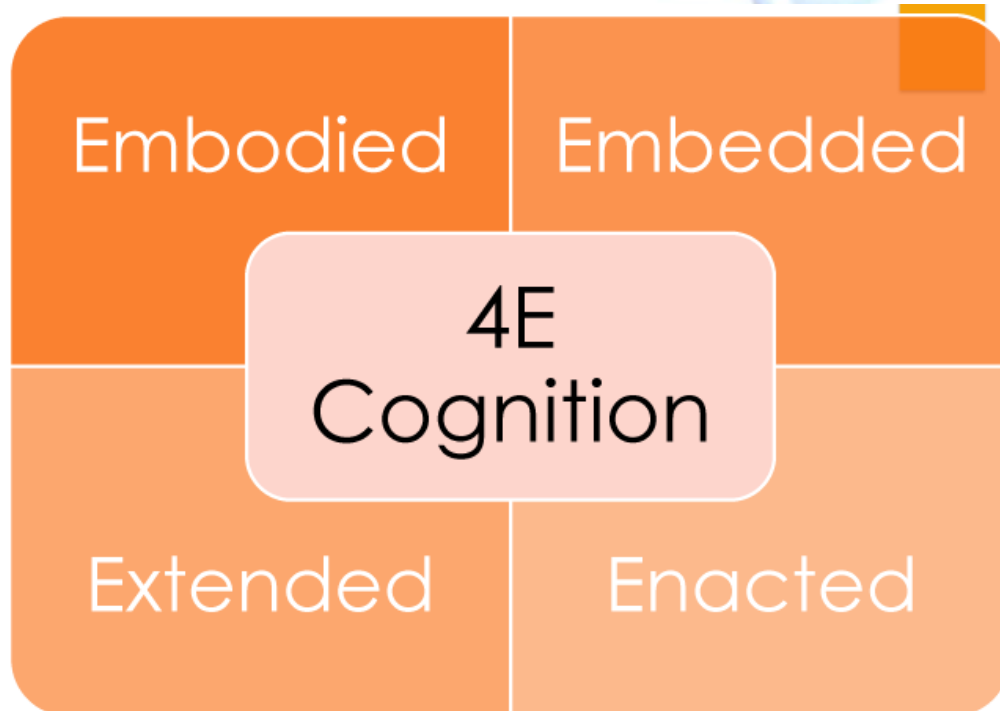
Несмотря на предпочтительность идей функционализма для понимания ментальности человека, современные зарубежные исследователи далеко не всегда согласны использовать указанный метод для анализа человеческой деятельности, поведения и мыслительных процессов [Polger & Scheier 2016: 11]. К примеру, современный ученый П. Голдфрей-Смит рассматривает субъективный опыт человека через призму нементального субстрата – когда деятельность и мышление человека как бы «помещены» под «компьютер» (т. е. в цифровую среду, где взаимодействует личность), и на основании оперирования с «цифрой», в дальнейшем, выстраивается ментальная картина окружающего мира [Godfrey-Smith 2016: 485].

Интересной, на наш взгляд, является современная методика 4E Cognition (The Four E's Cognition Theory), первые упоминания о которой относят к книге Э. Чамеро «Radical Embodied Cognitive Science», в предисловии к которой автор написал: «Я полагаю, что Дж. Фодор был не прав относительно всего» [Chemero 2011: 5].

В свое время мы описали в статье как Э. Чамеро предложил интересный методический подход к пониманию ментальных структур человека через 4 основные концепции:

- Embodied (Телесное воплощение);
- Embedded («Встроенное», в среду, воплощение);

- Enacted (Принятие или связывание с каким-либо действием);
- Extended («Расширенное» понятие личности, которое предполагает расширение личных границ за счет использование гаджетов, «образов вещей») [Шавлохова 2023b, 2023a]. о собственном восприятии представленных кинокартин.

Концепция 4E Cognition. Изображение размещено в свободном доступе:
<https://www.chain.hokudai.ac.jp/news/2734/>

В свою очередь, идеи Л. С. Выготского позволяют нам рассматривать повседневность социальных сетей именно как описанную с помощью знаковости/словесности форму реальности. Посредством словесного означивания реальности в «цифре» пользователь соединяет мысли и слова воедино, если опираться на концепцию Л. С. Выготского [Выготский 2019: 262], и не только.

В данном случае, применительно к «цифровой ментальности», которая в знаково-символической форме репрезентирует повседневность, мы можем также апеллировать к словам О. Кюльпе, который, говорил: «Мы не только скажем – мыслю значит существую, но также – мир существует как мы его устанавливаем и определяем» [Кюльпе. Цит. по: Марков 2017].

Визуализация возрастающей роли Интернета в жизни современного человека.

Изображение размещено в свободном доступе:

<https://salid.ru/journal/kak-borotsya-s-internet-zavisimostyu>

Проводя параллель с концепцией 4E Cognition и идеей репрезентации повседневности в социальных медиа мы как раз можем усмотреть необходимость исследования знаково-символических (в данном случае, словесной формы, выраженной в комментариях) форм опосредования цифровой ментальности, которая также есть не что иное, как частное определение мира, пропущенное через собственную ментальность, но также сформированное под воздействием того, как о мире говорят другие в «цифре» (Embedded). Сюда же и присовокупляется и «Расширенное» понятие личности, которое уже было рассмотрено одним из авторов исследования в предыдущих работах [Шавлохова 2023b, 2023a].

Идеи В. А. Лекторского дают нам более полное понимание того, почему так важно обращать исследовательский интерес современных философов на репрезентации повседневности, с помощью которых мы формируем образ будущего не только для себя, но и понимание будущего собственной страны. В одной из последних работ В. А. Лекторский справедливо отметил, что основные моральные принципы, формируемые личностью в различных сферах своей жизнедеятельности, не предлагают каких-либо точных правил. Но даже в том случае, когда мы имеем уже выстроенный для нас ряд предписаний для достижения целей, сама постановка этой цели зависит от наших моральных принципов и ценностей: «А ценности – не набор правил и не сумма технологий. Но ведь именно ценности лежат в основе той или иной культуры и определяют характер социальных институтов»

[Лекторский и др. 2022: 20]. Используя идеи В. А. Лекторского мы можем рассмотреть современный цифровой нарратив не только как «рассказ о своем прошлом», но и как нарратив «своего будущего». По мнению авторов исследования, опредмечивая нашу реальность через словесно-ментальные конструкции, мы формируем «цифровую» ментальность, которая отражает наше видение будущего (и технологического благополучия, в том числе).

По мнению В. А. Лекторского, «Цифровизация не помогает уйти от неопределенности» [Лекторский и др. 2022: 29], но в данном случае мы рассматриваем не инструментальный аспект цифровой реальности, а акцентируем саму важность поиска инструментов для исследования этой цифровой реальности, которые позволили бы проанализировать «цифровую» ментальность в отношении репрезентаций о технологическом благополучии России, как части образа будущего.

Таким образом, базируясь на анализе литературы, мы можем сформулировать собственное представление о «цифровой» ментальности и репрезентациях повседневности в социальных медиа. По нашему мнению, репрезентацией повседневности является тот пропозициональный образ, который формируется на основе ряда мнений (комментариев), высказываемых пользователями в пространстве социальных сетей. Эти пропозициональные установки (негативная/позитивная/нейтральная окраска) определяют характер ценностных установок в отношении образов будущего (включая и «технологическое благополучие», как часть этого будущего).

Методология и методика исследования

Для достижения поставленной в исследовании цели – анализа репрезентаций повседневности и образов будущего на основе комментариев в социальных медиа, был использован комплексный метод анализа данных.

Первый этап комплексного метода заключается в сборе постов из новостных сообществ в социальной сети ВКонтакте с помощью веб-парсера, представляющего собой программный скрипт на языке Python, использующий API социальной сети для автоматического сбора данных.

Применение веб-парсера позволило существенно ускорить процесс сбора данных и сделать его более эффективным, а также упростить доступ к большим объемам информации. Для автоматизации поиска, сбора и анализа данных в социальных сетях зачастую применяется такой инструмент, как парсинг, что отражено в ряде отечественных публикаций [Ивлева и др. 2015; Суханов & Маратканов 2017]. Парсер настроен на сбор данных, таких как: текст поста, дата публикации, количество лайков, репостов и комментариев. После сбора, данные были систематизированы для удобства дальнейшего анализа.

На следующем этапе разработанного нами комплексного метода происходит отбор собранных постов на предмет их соответствия тематике исследования. Для этого нами были выделены ключевые слова, связанные с репрезентациями повседневности, отражающими технологическое благополучие, будущее и т. д., а именно: «будущее», «технологии», «инновации»,

«прогресс» и т. д. Посты, содержащие именно эти ключевые слова, были отобраны для дальнейшего анализа.

Третий этап комплексного метода заключается в анализе комментариев к выбранным постам. Анализ комментариев позволил получить представление о том, как пользователи социальных сетей воспринимают представленные в новостных сообществах образы будущего с позиции технологического суверенитета страны, так как именно подобные индивидуальные контексты повседневной жизни встраиваются в социальные отношения в «цифре» и формируют «общую картину» для молодежи. Конфигурации дисциплинарно-символических пространств, выраженные в виде комментариев в социальных сетях, по нашему мнению, и являются тем полем, в рамках которого создается образ технологического благополучия страны.

Один из способов анализа комментариев заключался в создании облаков слов (тегов) на основе текстов комментариев. Этот метод позволяет визуализировать наиболее часто встречающиеся слова в тексте и выделить основные темы, поднимаемые пользователями.

Для построения облака слов был выполнен следующий алгоритм с использованием языка программирования Python:

- удаление предлогов и стоп-слов из комментариев,
- объединение всех комментариев в один текст,
- создание облака слов с использованием библиотеки «WordCloud»,
- визуализация облака слов.

Кроме того, была проведена дополнительная фильтрация текста для исключения нежелательных слов, таких как «и», «а», «не» и других. Это позволило улучшить визуализацию и сделать облако слов более информативным и представительным.

Помимо этого, для анализа комментариев были использованы языковые модели, основанные на технологии глубокого обучения, которые представляют собой мощный инструмент для анализа текста и выявления скрытых закономерностей и зависимостей между словами и фразами. Эти модели обучаются на больших объемах текстовых данных и способны генерировать текст, аналогичный по структуре и смыслу обучающим данным. В научных работах языковые модели используются для решения различных задач, таких как: определение эмоциональной окраски текста, разделение текстов на категории и т. д.

При анализе комментариев важно учитывать тематику сообществ (мы анализировали те группы во ВКонтакте, которые так или иначе публикуют посты с информацией о технологических новшествах, достижениях России). Важно также отбирать рекламные комментарии и комментарии программ-ботов. Эти факторы могут существенно исказить результаты анализа, исказить искомую информацию [Дагаева и др. 2018], в результате чего они не будут отражать реальные образы будущего, которые формируются в общественном сознании.

Визуализация этапов комплексного метода по анализу комментариев социальной сети ВКонтакте в авторском исполнении.

Тематика сообщества является ключевым аспектом при анализе, поскольку различные сообщества могут представлять интересы разных групп людей и, соответственно, формировать разные образы будущего. К примеру, сообщества, посвященные науке и технологиям, скорее всего, будут формировать более оптимистичный и прогрессивный образ будущего, в то время как сообщества, связанные с экологией и защитой окружающей среды,

могут формировать более пессимистичные и критические образы, пропагандируя отказ от современных технологий, нивелируя достижения промышленности, отражая лишь негативную сторону того или иного производства в стране.

Подобная двойственность может становиться основной также и для социальных разногласий, когда, в большинстве своем, массам оказывается видна лишь общая «картина», а концептуальный аспект события доступен только более привилегированным слоям, или тем, кто готов перерабатывать и осмысливать, сравнивать и анализировать большие объемы информации (ввиду перенасыщенности информационного пространства). Именно на этом стыке, по нашему мнению, и формируется в головах молодого поколения образ «отсталой, в технологическом плане, России». Вследствие того, что в пространстве социальных сетей и СМИ долго и упорно превалирует образ «отставания» нашей страны (в легком, доступном варианте для осмысления, с красивыми картинками, схемами или через «мемы»), большинству нет смысла разбираться в основных проблемах, с которыми столкнулось наше государство в процессе передела собственности, оттока «мозгов» в зарубежные страны и прочих негативных факторов.

Ярким примером может служить нашумевший доклад Центра исследований структурной политики НИУ ВШЭ «Россия на рынках передового производства», созданный авторским коллективом под руководством Ю. Симачева [Симачев 2021], который прозвучал на международной научной конференции, организованной совместно

НИУ ВШЭ и Сбербанком [XXII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества 2021]. В рамках указанного доклада представители ВШЭ отнесли Россию к «опаздывающим производителям» как раз по уровню развития передовых технологий. Общая риторика доклада, при этом, сводилась к сравнению доли нашей страны в экспорте высокотехнологичной продукции, которая, в среднем, составляла 0,2-0,5%, что, действительно, на первый взгляд кажется незначительным индикатором. К докладу были приложены красочные схемы и рисунки, наглядно демонстрирующие отсталость России по сравнению с другими странами.

Доля стран в мировом экспорте передового производства на 2018 г. Изображение размещено в свободном доступе: <https://iq.hse.ru/news/463561256.html>

Так как для большинства населения НИУ ВШЭ, действительно, является «лидером мнений», то для массового зрителя «цифрового

поля» этот доклад окончательно сформулировал мнение о технологической отсталости нашей страны. В данном случае мы видим, как раз его иконическое (образное) представление, тогда как концептуальное «значение» доклада осталось для большинства «за кадром». А именно: сравнительный анализ по экспорту высокотехнологичной продукции был представлен в разрезе трех индексов (индекса интенсивности импорта, индекса интенсивности экспорта и индекса интенсивности патентов вкупе с долей страны в мировом ВВП) по данным, взятым за 2002–2018 гг.

Анализируемый промежуток времени имеет значительный концептуальный смысл, так как промежуток в «начале нулевых» (после 90-х годов) характеризовался отсутствием каких-либо инвестиций в производственный и научно-технический сектор России. Во второй половине 2000-х годов в России происходили лишь незначительные попытки реанимации технологий за счет конвертации доходности от продажи нефтепродуктов. Затем произошел кризис мировой финансовой системы в 2008 году, после которого наша страна стала заниматься развитием высоких технологий только в 2010 году через систему государственных инвестиций и проектов.

Вышеозначенное следует из доклада, разработанного специалистами Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации и Ассоциацией инновационных регионов России совместно с Группой «Интерфакс», где указано, что доля высокотехнологичного сектора в объеме государственных закупок в России стала расти

только с 2010 г. [Адамайтис 2019: 40]. Тем не менее, доклад НИУ ВШЭ произвел свое впечатление на цифровое поле и только лишь основательно подпитал образ «отсталости» нашей страны в области технологического лидерства.

Возвращаясь к нашему исследованию, подчеркнем, что мы также пытались нивелировать долю рекламных сообщений, попадающих в комментарии. Рекламные комментарии также могут исказить результаты анализа, поскольку они создаются с целью продвижения товаров или услуг и не отражают реальные взгляды и мнения людей. Аналогичным образом, комментарии программ-ботов могут создавать искаженное представление о том, какие образы будущего преобладают в обществе, поскольку они генерируются автоматически и не отражают реальное человеческое сознание в Сети, поскольку их источник не является реальной личностью.

Таким образом, учет тематики сообщества, а также отсеивание рекламных комментариев и программ-ботов является необходимым условием для получения достоверных результатов анализа и формирования реального представления о том, какие образы будущего в отношении технологического благополучия преобладают в сознании общества.

Результаты исследования

Результатом примененного комплексного метода по поиску постов, содержащих информацию о технологических достижениях России, анализу комментариев к ним и применению языковой

модели, является выделение ряда выражений, звучащих в общем потоке информации «цифровой» ментальности.

1) Среди комментариев наиболее часто упоминается слово «космос». Что свидетельствует о том, что тема космических путешествий и исследования космоса является важной для комментаторов в контексте будущего и технологий. Комментарии пользователей включали в себя различные аспекты этой тематики: такие как развитие космической техники, исследование новых планет и возможность колонизации космоса и проч.

2) Следующая тематика, наиболее часто встречающаяся среди комментариев в отношении технологий, касалась применения роботизированных устройств в микрофинансовых организациях и банках (новость: «Четырнадцатый арбитражный апелляционный суд признал законным решение о наказании банкиров, чьи роботы-коллекторы слишком назойливо звонили должнику»). Примеры комментариев звучали следующим образом (орфография и пунктуация авторов сохранены):

А) «Ой, слава Богу! Наконец-то навязывать никто ничего не будет, это боль»;

Б) «А как быть со звонками банков навязывающих кредиты. Больше половины должников не было бы, если бы банки с такой легкостью не раздавали «легкие» деньги».

Подобные утверждения свидетельствуют о том, что роботизация банковской системы, в целом, хоть и имеет свои преимущества, но воспринимается общественностью уже с негативной точки зрения. То есть на первый план выходит не идея

технологического новшества, как инструмента, призванного облегчить жизнь человечеству, а как инструмента давления на потребителей [Некита & Маленко 2024: 99] и навязывания банковских услуг с помощью роботов-ботов.

3) Говоря о технологиях, применяемых не только в России, следует отметить ряд комментариев, посвященных применению роботов на складских помещениях пунктов доставки товаров (новость: «На складах Amazon работают роботы-грузчики»). Примеры комментариев звучали следующим образом (орфография и пунктуация авторов сохранены):

А) «Тормозные пока что роботы».

Б) «Не дай бог проявить неучтивость к этому работнику... Что будет... Восстание роботов».

В) «Давно пора зачем человек с мозгами должен мучиться на трудных работах человек должен работать умом и для физической работы должен придумывать своим умом роботов».

Г) «Со временем их запретят, когда уровень безработицы достигнет пика и начнутся бунты со сломанными ножками и головами роботов».

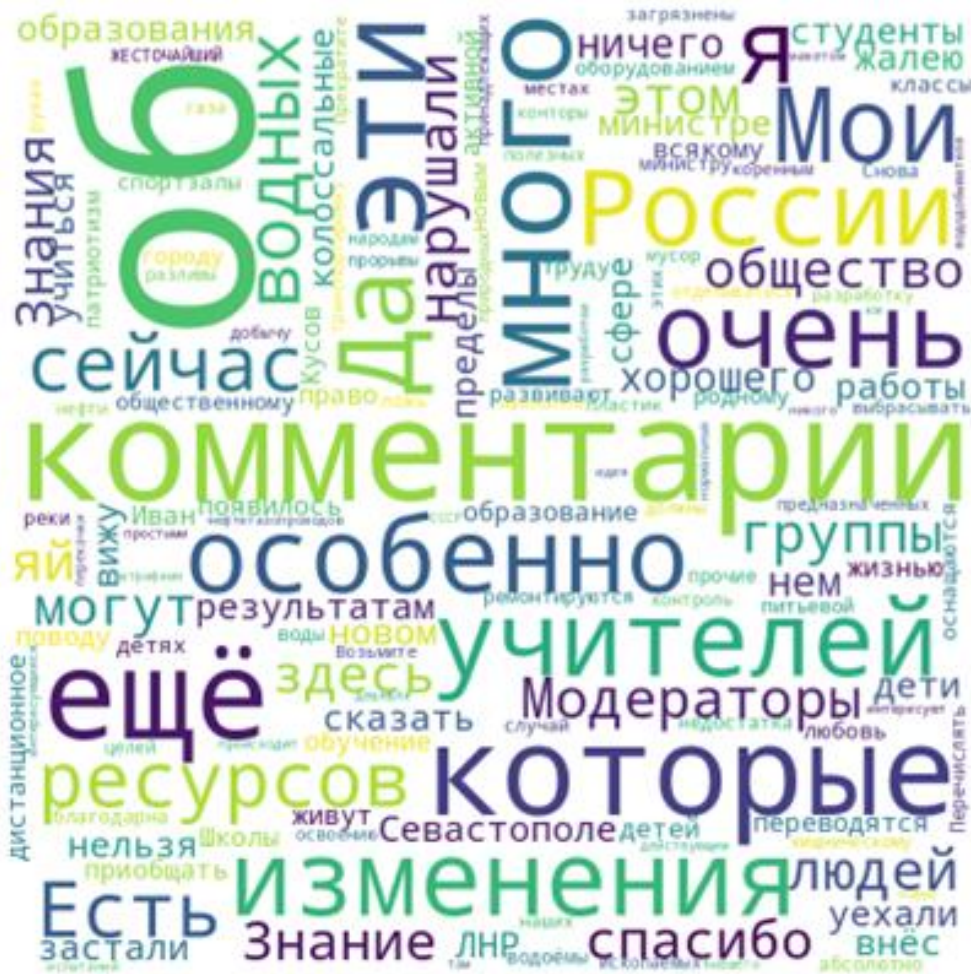
Д) «Демонстрационный вариант. Носят пустые коробки. Мексиканцы будут проворнее».

Е) «С такими работниками посылки не дождешься».

Таким образом, комментаторы хоть и связывают будущее с развитием технологий и возможностью решения каких-либо задач по облегчению физического труда человека, однако, в то же время, опасаются за ряд новых проблем, которые могут возникнуть от

применения роботизации (потеря рабочих мест, социальные бунты и т. д.)

Далее, проанализировав комментарии, нами было сгенерировано облако слов, как пример визуальной схемы репрезентаций повседневности.

Облако слов, составленное на основе комментариев социальной сети ВКонтакте с применением WordCloud.

В представленном варианте облака слов отображены словесные репрезентации, которые наиболее часто встречаются в комментариях. Стоит отметить, что в общей массе часто звучали такие слова, как: «образование», «школы», «учителя», «дети»,

«патриотизм», «любовь». Такие конструкты подчеркивают, что будущее детей непосредственным образом связано с образованием и его ролью в формировании патриотизма и любви к родному городу, стране и т. д.

В свою очередь, в облаке слов также видны и другие слова, являющиеся репрезентациями скорее экологической повестки, проблем дефицита природных ресурсов, к примеру: «вода», «мусор», «пластик», «нефть» и «газ». Это свидетельствует о том, что пользователи социальной сети обеспокоены складывающейся экологической ситуацией и подчеркивают необходимость бережного отношения к природе для сохранения благополучия будущих поколений.

Таким образом, на основе анализа комментариев можно сказать, что современный обитатель «цифрового пространства» видит будущее через призму освоения космоса, проблем, связанных с роботизацией, образования детей, экологии и природных ресурсов. Вышеозначенные слова являются, в свою очередь, теми правилами, ключевыми моментами, которые влияют на формирование положительного образа будущего страны (коллективный образ будущего).

Выводы

Авторы исследования делают следующие выводы. Сложность и «текучесть» пространства социальных сетей является проблемным моментом для анализа репрезентаций повседневности. Но, все же, если применить не только

фундаментальный анализ, в частности концепцию 4E Cognition (в части идеи «Embedded»-мышления, с «облегченной» формой мышления) и идеи В. А. Лекторского (через словесно-ментальные конструкты мы формируем «цифровую» ментальность), но и использовать комплексный метод для анализа комментариев, то возможно достигнуть определенных результатов. Разработанный авторами статьи инструментарий позволил установить устойчивые коммуникативные паттерны, фиксирующие репрезентации повседневности относительно «технологического благополучия России», бытующие во ВКонтакте. Также авторы применили облако слов (в рамках используемого трехступенчатого комплексного метода), что позволило подсветить тот «сетевой» дискурс, который формируется в отношении концепта «технологическое благополучие». А именно:

а) пользователи часто акцентируют внимание на космических программах, разработках, выражая некоторую футуристическую направленность своих идей (возможно, сформированных под влиянием писателей-фантастов) в отношении космических путешествий;

б) комментарии, связанные с роботизацией, отражают больше негативный, нежели позитивный образ будущего. В массе своей комментаторы хоть и связывают будущее с развитием технологий и возможностью решения каких-либо задач по облегчению физического труда человека, однако, в то же время, опасаются появления ряда новых проблем, которые могут возникнуть в результате применения роботизации (безработица, «восстание

машин» и прочее). То есть такие технологические достижения, как роботизация и автоматизация каких-либо процессов все-таки связывается в умах пользователей с субъективной стороной человека: с человеком проще договориться, человек имеет свои преимущества по отношению к машине и прочее;

в) пользователи социальной сети осознают, что модель технологического благополучия невозможно выстроить без грамотного образования и учителей, педагогов (то есть, все же существует понимание «субъектного» статуса образования, где даже онлайн-обучение не заменит пока «проводника» в мир технологий, что тоже очень важно).

Также авторами исследования сформулировано собственное представление о «цифровой» ментальности и репрезентациях повседневности в социальных медиа, которое заключается в утверждении, что репрезентация повседневности в «цифре» есть пропозициональный образ, формируемый на основе комментариев, определяющих ценностные установки в отношении образа будущего (негативная/позитивная/нейтральная окраска).

Таким образом, по нашему мнению, индивидуальные контексты повседневности в виде определенных репрезентаций встраиваются в социальные отношения в «цифре» и отражают видение технологического благополучия в России в виде некоторого набора субъективных переживаний. Предлагаемый авторами инструментарий позволяет фильтровать структурировать, а также анализировать полученную в Сети информацию, на фоне ее нестабильности и сложности.

Проект № FSWW-2023-0012 реализован в Национальном исследовательском Томском политехническом университете по итогам отбора научных проектов, проведённых Министерством высшего образования и науки РФ и ЭИСИ.

Литература

- Адамайтис, С. А., Баринаова, В. А., Земцов, С. П., Кидяева, В. М., Коцюбинский, В. А., Семенова, Р. И., Федотов, И. В. & Царева, Ю. В. (2019). *Национальный доклад «Высокотехнологичный бизнес в регионах России»*. Москва: РАНХиГС, АИРР, выпуск 2. Режим доступа: https://maginnov.ru/assets/files/analytics/zemcov-barinova-i-dr.-nacionalnyj-doklad_vysokotehnologichnyj-iznes-v-regionah-rossii_2019.pdf (дата обращения: 16.10.2023).
- Выготский, Л. С. (2019). *Мышление и речь*. Санкт-Петербург: Издательский дом «Питер».
- Дагаева, М. В., Катасёва, Д. В. & Катасёв, А. С. (2018). Обнаружение программ-ботов в социальных сетях на основе методов интеллектуального анализа данных. *Информация и безопасность*, 21(4), 540–545.
- Ивлева, А. С., Ошмарина, О. Е. & Шадрина, Е. В. (2015). Автоматизация сбора и анализа данных в социальных сетях. *Труды НГТУ им. Р. Е. Алексеева*. 1(108), 283–288.
- Марков, С. (2017). Освальд Кюльпе – Основатель Вюрцбургской школы. *Genvive: join us on social media*. Режим доступа: <https://geniusrevive.com/osvald-kyulpe-osnovatel-vyurtsburgskoj-shkoly/> (дата обращения: 16.10.2023).
- Лекторский, В. А., Васильев, С. Н., Макаров, В. Л., Хабриева, Т. Я., Кокошин, А. А., Ушаков, Д. В., Валуева, Е. А., Дубровский, Д. И., Черниговская, Т. В., Семенов, А. Л., Зискин, К. Е., Любимов, А. П., Целищев, В. В. & Алексеев, А. Ю. (2022). *Человек и системы искусственного интеллекта*. Санкт-Петербург: Общество с ограниченной ответственностью Издательство «Юридический центр».
- Лукиянова, Н. А., & Скальная, О. А. (2023). Феномен дизайнирования будущего: эффект метрономов. *Вестник российского университета дружбы народов. Серия: Философия*, 27(2), 443–456. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-2-443-456>
- Некита, А. Г., & Маленко, С. А. (2024). Визуальная милитаризация бытия: голливудские стратегии эстетизации насилия. *Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT)*, 1(6), 85–133. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-1\(6\)-85-133](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-1(6)-85-133)
- Симачев, Ю. В., Федюнина, А. А., Юревич, М. А., Кузык, М. Г., Зудин, Н. Н. & Городный, Н. А. (2021). *Россия на рынках передового производства*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики. Режим доступа: <https://clck.ru/3B4hNA> (дата обращения: 16.10.2023).

- Соколовский, С. В. (2021). Тело киборга: человек и концепция расширенного организма. *Сибирские исторические исследования*, 1, 200–214. <https://doi.org/10.17223/2312461X/31/10>
- Сокулер, З. А. (2017). "Fundamental Ontology" and the Ontology of Digital World. *Вестник Московского университета. Философия*, 6, 3–17.
- Суханов, А. А. & Маратканов, А. С. (2017). Анализ способов сбора социальных данных из сети Интернет. *International scientific review*, 1(32), 22–25.
- Шавлохова, А. А. (2023a). «Расширенное Я» и искусственная социальность. *Мировоззренческие основания культуры современной России. Сборник научных трудов XIV Международной научной конференции* (стр. 173–175). Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова.
- Шавлохова, А. А. (2023b) (2023, 20 октября). «Расширенное я» как коммуникативный концепт цифровой реальности. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 75. Режим доступа: http://journals.tsu.ru/philosophy/&journal_page=archive&id=2407 (дата обращения: 20.10.2023).
- XXII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества (2021). Москва: НИУ ВШЭ. Режим доступа: <https://conf.hse.ru/2021/> (дата обращения: 20.10.2023).
- Bauman, Z. (2000). *Liquid Modernity*. Wiley. Available at: <https://www.wiley.com/en-us/Liquid+Modernity-p-9780745624099> (accessed: 05.10.2023).
- Cinelli, M. (2021). The echo chamber effect on social media. *The Proceedings of the National Academy of Sciences*, 9, 1–8. <https://doi.org/10.1073/pnas.2023301118>
- Chemero, A. P. (2011). *Radical Embodied Cognitive Science*. Cambridge: The MIT Press.
- Chen, J. (2016). Extension and deepening of new media development to the traditional communication theory from the perspective of «Chaijing Event». *International Conference on Education, Management and Computing Technology (ICEMCT-16)* (pp. 1279–1284). Atlantis Press. <https://doi.org/10.2991/icemct-16.2016.272>
- Fodor, J. (1981). *Methodological solipsism considered as a research strategy in cognitive psychology*. Cambridge: MIT Press.
- Fodor, J. A. (1987). *Psychosemantics: The problem of meaning in the philosophy of mind*. Cambridge: MIT Press.
- Godfrey-Smith, P. (2016). *Mind, Matter, and Metabolism*. *Journal of Philosophy*, 113(10), 481–506. <https://doi.org/10.5840/jphil20161131034>
- Kumar, S., Jiang, M., Jung, T., Luo, R. & Leskovec, J. (2018). MIS2: Misinformation and Misbehavior Mining on the Web. *WSDM '18: Proceedings of the Eleventh ACM International Conference on Web Search and Data Mining* (pp. 799–800). <https://doi.org/10.1145/3159652.3160597>

- Lindström, B., Bellander, M., Schultner, D. T., Chang, A., Tobler, P. N. & Amodio, D. M. (2021). A computational reward learning account of social media engagement. *Nature Communications*, 12(1), 1311. <https://doi.org/10.1038/s41467-020-19607-x>
- Meshi, D., Tamir, D. I. & Heekeren, H. R. (2015). The Emerging Neuroscience of Social Media. *Trends in Cognitive Sciences*, 19(12), 771–782. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2015.09.004>
- Ocheretyany, K. (2019). From Fact to Feik: Transformation of Experience in Digital Reality. *Bulletin of PNRPU. Culture. History. Philosophy. Law*, 4, 34–48. <https://doi.org/10.15593/perm.kipf/2019.4.03>
- Social Media's Influence on Elections. *Maryville University Online*. Available at: <https://online.maryville.edu/blog/social-media-influence-on-elections/> (accessed: 15.02.2024)
- Polger, T. & Scheier, C. (2016). *The Multiple Realization Book*. Oxford: Oxford Academic & Clarendon Press.
- Putnam, H. (1975). The Nature of Mental States. *Mind, Language and Reality: Philosophical Papers*, 2, 73–79.
- Rescorla, M. (2019). *The Language of Thought Hypothesis*. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. California: Stanford University Press.
- Russell, B. (1918). *The Philosophy of Logical Atomism*. Kentucky: Open Court.

Информация об авторах

Шавлохова Анна Александровна – кандидат философских наук, старший преподаватель отделения социально-гуманитарных наук. Национальный исследовательский Томский политехнический университет (Россия, 634050, г. Томск, проспект Ленина, дом 30), ORCID: 0000-0002-6439-5828, ResearcherID: AAA-7766-2022, Scopus ID: 57981307900, Elibrary SPIN-код: 3470-1899, ollyvost@tpu.ru

Брагин Александр Дмитриевич – ассистент отделения информационных технологий инженерной школы информатики и робототехники. Национальный исследовательский Томский политехнический университет (Россия, 634050, г. Томск, проспект Ленина, дом 30), ORCID: 0000-0003-4148-4980, ResearcherID: ABD-7686-2020, Scopus ID: 56378047600, Elibrary SPIN-код: 7561-0868, bragin@tpu.ru

REPRESENTATIONS OF EVERYDAY LIFE AND IMAGES OF THE TECHNOLOGICAL FUTURE: FOLLOWING COMMENTS ON SOCIAL MEDIA

Anna Shavlokhova, Aleksandr Bragin

Abstract: technological innovations and achievements of our country have a different impact on the mass "consumer" of information, who tends to express their point of view precisely in "digits". Technological progress determines the discourse of tomorrow, but at the same time, the picture remains unclear regarding the image of the future, which is represented in the contexts of the present and in everyday life. In order to conduct a comprehensive analysis of the representations of everyday life in social media (VK), which form the process of planning the future based on disciplinary and symbolic spaces (in relation to the "technological well-being of Russia"), the authors developed a three-stage complex method (collection, structuring and analysis of social network comments) in relation to the fundamental part of the study (theoretical basis). The article concludes that despite the complexity of analyzing digital comments, it is possible to identify those trigger points that can provoke negative connotations among users regarding specific technological achievements. It is concluded that propositional attitudes based on opinions and statements in the form of comments on a social network represent a representation of everyday life, which forms value-semantic attitudes regarding images of the future (including the "technological well-being of Russia").

Keywords: image of the future, technology, well-being, Russia, values, everyday life.

References

- Adamajtis, S. A., Barinova, V. A., Zemcov, S. P., Kidjaeva, V. M., Kocjubinskij, V. A., Semenova, R. I., Fedotov, I. V. & Careva, Ju. V. (2019). *Nacional'nyj doklad "Vysokotekhnologichnyj biznes v regionah Rossii"* [National report "High-tech business in Russian regions"]. Moscow: RANHiGS, 2. Available at: [nribpcajpcglclefindmkaj/https://maginnov.ru/assets/files/analytics/zemcov-barinova-i-dr.-nacionalnyj-doklad_vysokotekhnologichnyj-iznes-v-reionah-rossii_2019.pdf](https://maginnov.ru/assets/files/analytics/zemcov-barinova-i-dr.-nacionalnyj-doklad_vysokotekhnologichnyj-iznes-v-reionah-rossii_2019.pdf) (accessed: 16.10.2023). (In Russ.).
- Bauman, Z. (2000). *Liquid Modernity*. Wiley. Available at: <https://www.wiley.com/en-us/Liquid+Modernity-p-9780745624099> (accessed: 05.10.2023).
- Chemero, A. P. (2011). *Radical Embodied Cognitive Science*. Cambridge: The MIT Press.
- Chen, J. (2016). Extension and deepening of new media development to the traditional communication theory from the perspective of «Chaijing Event». *International Conference on Education, Management and Computing Technology (ICEMCT-16)* (pp. 1279–1284). Atlantis Press. <https://doi.org/10.2991/icemct-16.2016.272>

- Cinelli, M. (2021). The echo chamber effect on social media. *The Proceedings of the National Academy of Sciences*, 9, 1–8. <https://doi.org/10.1073/pnas.2023301118>
- Dagaeva, M. V., Katasjova, D. V. & Katasjov, A. S. (2018). Obnaruzhenie programm-botov v social'nyh setjah na osnove metodov intellektual'nogo analiza dannyh [Detectional programs bots in social networks using the methods of data mining]. *Informacija i bezopasnost'* [Information and security], 21(4), 540–545. (In Russ.).
- Fodor, J. (1981). *Methodological solipsism considered as a research strategy in cognitive psychology*. Cambridge: MIT Press.
- Fodor, J. A. (1987). *Psychosemantics: The problem of meaning in the philosophy of mind*. Cambridge: MIT Press.
- Godfrey-Smith, P. (2016). *Mind, Matter, and Metabolism*. *Journal of Philosophy*, 113(10), 481–506. <https://doi.org/10.5840/jphil20161131034>
- Ivleva, A. S., Oshmarina, O. E. & Shadrina, E. V. (2015). Avtomatizacija sbora i analiza dannyh v social'nyh setjah [Automate the collection and analysis of data social networks]. *Trudy NGTU im. R. Y. Alekseyeva* [Proceedings of NSTU n.a. R.E. Alekseev], 1(108), 283–288. (In Russ.).
- Kumar, S., Jiang, M., Jung, T., Luo, R. & Leskovec, J. (2018). MIS2: Misinformation and Misbehavior Mining on the Web. *WSDM '18: Proceedings of the Eleventh ACM International Conference on Web Search and Data Mining* (pp. 799–800). <https://doi.org/10.1145/3159652.3160597>
- Lektorskij, V. A., Vasil'ev, S. N., Makarov, V. L., Habrieva, T. Ja., Kokoshin, A. A., Ushakov, D. V., Valueva, E. A., Dubrovskij, D. I., Chernigovskaja, T. V., Semenov, A. L., Ziskin, K. E., Ljubimov, A. P., Celishhev, V. V. & Alekseev, A. Ju. (2022). *Chelovek i sistemy iskusstvennogo intellekta* [Human being and artificial intelligence systems]. Sankt-Petersburg: Law Center Publ. (In Russ.).
- Lindström, B., Bellander, M., Schultner, D. T., Chang, A., Tobler, P. N. & Amodio, D. M. (2021). A computational reward learning account of social media engagement. *Nature Communications*, 12(1), 1311. <https://doi.org/10.1038/s41467-020-19607-x>
- Luianova, N. A. & Skalnaya, O. A. (2023). Fenomen dizaynirovaniya budushchego: effekt metronomov [Future design phenomenon: effect of metronome]. *Vestnik rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya* [RUDN Journal of Philosophy], 27(2), 443–456. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-2-443-456>
- Markov, S. (2017). Osva'd Kiul'pe – Osnovatel' Viurtsburgskoi shkoly [Oswald Kulpe – Founder of the Württemberg School]. *Genvive: join us on social media*. Available at: <https://geniusrevive.com/osvald-kyulpe-osnovatel-vyurtsburgskoj-shkoly/> (accessed: 16.10.2023). (In Russ.).
- Meshi, D., Tamir, D. I. & Heekeren, H. R. (2015). The Emerging Neuroscience of Social Media. *Trends in Cognitive Sciences*, 19(12), 771–782. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2015.09.004>
- Nekita, A. G., & Malenko, S. A. (2024). Vizual'naiia militarizatsiia bytiia: gollivudskie strategii estetizatsii nasiliia [Visual militarization of being: Hollywood

- strategies for aestheticizing violence]. *Industrii vpechatlenii. Tekhnologii sotsiokul'turnykh issledovanii (EISCRT)* [Experience industries. Socio-Cultural Research Technologies (EISCRT)], 1(6), 85-133. (In Russian). [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-1\(6\)-85-133](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-1(6)-85-133)
- Ocheretyany, K. (2019). From Fact to Feik: Transformation of Experience in Digital Reality. *Bulletin of PNRPU. Culture. History. Philosophy. Law*, 4, 34-48. <https://doi.org/10.15593/perm.kipf/2019.4.03>
- Polger, T. & Scheier, C. (2016). *The Multiple Realization Book*. Oxford: Oxford Academic & Clarendon Press.
- Putnam, H. (1975). The Nature of Mental States. *Mind, Language and Reality: Philosophical Papers*, 2, 73-79.
- Rescorla, M. (2019). *The Language of Thought Hypothesis. The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. California: Stanford University Press.
- Russell, B. (1918). *The Philosophy of Logical Atomism*. Kentucky: Open Court.
- Shavlohova, A. A. (2023a). «Rasshirennoe Ja» i iskusstvennaja social'nost' ["Extended self" and artificial sociality]. *Mirovozzrencheskiye osnovaniya kul'tury sovremennoy Rossii. Sbornik nauchnykh trudov XIV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Worldview foundations of the culture of modern Russia. Collection of scientific papers of the XIV International Scientific Conference] (pp. 173-175). Magnitogorsk: Magnitogorsk State Technical University named after G. I. Nosov. (In Russ.).
- Shavlohova, A. A. (2023b) (2023, October 20). «Rasshirennoe ja» kak kommunikativnyj koncept cifrovoj real'nosti [The "Expanded self" as a communicative concept of digital reality]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science], 75. Available at: http://journals.tsu.ru/philosophy/&journal_page=archive&id=2407 (accessed: 20.10.2023). (In Russ.).
- Simachev, Yu. V., Feduynina, A. A., Yurevich, M. A., Kuzyk, M. G., Zudin, N. N. & Gorodnyi, N. A. (2021). *Rossija na rynkah peredovogo proizvodstva* [Russia in advanced manufacturing markets]. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. Available at: <chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://conf.hse.ru/mirror/pubs/share/461122404.pdf> (accessed: 16.10.2023). (In Russ.).
- Social Media's Influence on Elections. *Maryville University Online*. Available at: <https://online.maryville.edu/blog/social-media-influence-on-elections/> (accessed: 15.02.2024)
- Sokolovskiy, S. V. (2021). Telo kiborga: chelovek i kontseptsiya rasshirennogo organizma [Digital anthropology: Research methods and principles]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian historical researches], 1, 200-214. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/2312461X/31/10>
- Sokuler, Z. A. (2017). "Fundamental'naya ontologiya" i ontologiya digital'nogo mira ["Fundamental ontology" and the ontology of digital world]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Filosofiya [MSU Vestnik. Philosophy]*, 6, 3-17. (In Russ.).

- Suhanov, A. A. & Maratkanov, A. S. (2017). Analiz sposobov sbora social'nyh dannyh iz seti Internet [The analysys of ways of gathering social data from the internet]. *International scientific review*, 1(32), 22–25. (In Russ.).
- Vygotskij, L. S. (2019). *Myshlenie i rech'* [Thinking and speech]. Saint-Petersburg: Piter Publ. house. (In Russ.).
- XXII Aprel'skaja mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija po problemam razvitija jekonomiki i obshhestva [April international scientific conference on problems of economic and social development]. Moscow: Higher School of Economics. Available at: <https://conf.hse.ru/2021/> (accessed: 20.10.2023).

Author's information

Shavlokhova Anna Aleksandrovna – PhD in Philosophy, Assistant Professor of Division for Social Sciences and Humanities. Tomsk Polytechnic University (30 Lenina Avenue, Tomsk Polytechnic University, Tomsk, 634050, Russia), ORCID: 0000-0002-6439-5828, ResearcherID: AAA-7766-2022, Scopus ID: 57981307900, Elibrary AuthorID: 854588, ollyvost@tpu.ru

Bragin Aleksandr Dmitrievich – Teaching Assistant, Division for Information Technology School of Computer Science & Robotics. Tomsk Polytechnic University (30 Lenina Avenue, Tomsk Polytechnic University, Tomsk, 634050, Russia), ORCID: 0000-0003-4148-4980, ResearcherID: ABD-7686-2020, Scopus ID: 56378047600, Elibrary SPIN-код: 7561-0868, bragin@tpu.ru

For citation:

Shavlokhova, A. A., & Bragin, A. D. (2024). Representations of everyday life and images of the technological future: following comments on social media. *Experience industries. Socio-Cultural Research Technologies (EISCRT)*, 2(7), 226–260. (In Russian). [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2\(7\)-226-260](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2(7)-226-260)

рецензии

[https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2\(7\)-262-269](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2(7)-262-269)

REVIEW OF THE BOOK BY E. G. HAMDAN "LEARNING TO UNDERSTAND RUSSIAN NEWS" (2020)

Mairamgul Zhumabaeva,
*Rashtriya Raksha University
(Lavad-Dahegam,
Gandhinagar, India).*

Майрамгул Жумабаева,
*Университет Раштрия
Ракша (Лавад-Дахегам,
Гандинагар, Индия).*

ORCID: 0009-0005-2577-6678
e-mail:
mairamgul.zhumabaeva@rru.ac.in

For citation:

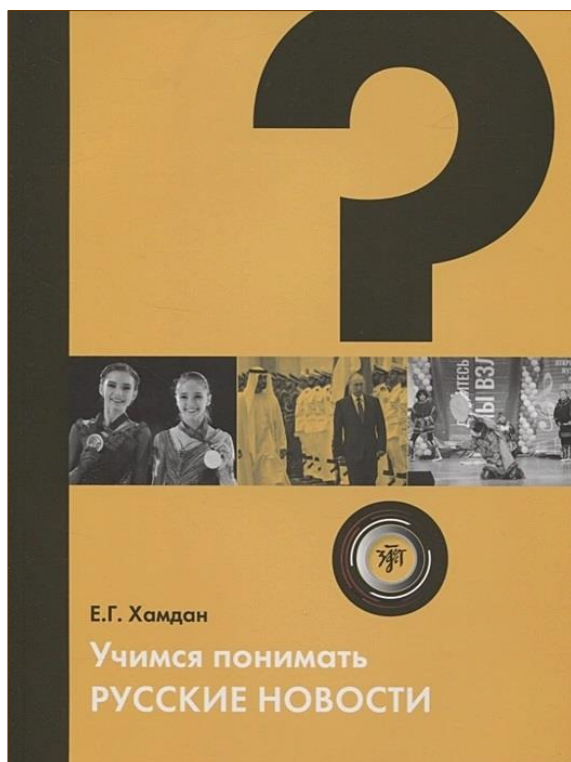
Zhumabaeva, M. Review of the book by E. G. Hamdan "Learning to understand Russian news" (2020). *Experience industries. Socio-Cultural Research Technologies (EISCRT)*, 2(7), 262-269. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2\(7\)-262-269](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2(7)-262-269)

The modern concept of higher professional education implies the organization of the educational process in such a way that it is based on the basic competencies that a graduate should possess. Excellent mastery of social, communicative, socio-informational, cognitive, and special-professional key competences provides a high level of training of professionals in a certain sphere of activity, which is actually

substantiated in the reviewed manual is actually substantiated in the reviewed manual.

This textbook was specially written for foreigners studying at the preparatory faculty, i.e. those who have a level of education in Russian language at the basic level (A2) and above.

The main goal of teaching Russian as a foreign language is the formation of communicative competence in the totality of its components: linguistic, speech, socio-cultural, compensatory and the educational-cognitive. The development of such communicative competence of students is impossible without formed language competence.

In the reviewed textbook, the author clearly defines language competence as an integral part of communicative competence, which is the main factor of foreign language proficiency, and also highlights the main strategies of its use in communicative practice.

Thus, in the structure of linguistic competence it is customary to distinguish lexical, grammatical, semantic, phonological, orthographic and orthoepic competence. At the same time, it should be understood that all these components are closely interrelated and for greater efficiency they should be initially formed together.

E. G. Hamdan's "Learning to understand Russian news" has developed and theoretically substantiated the system of language competence formation, which organically includes target, content, organizational, functional and evaluation-action components. The interrelation of these components reflects the systematicity and integrity of the developed system, which is realized on the basis of system-activity and practice-oriented approaches, as well as considering the principles of communicative orientation, personality-oriented approach, the principle of the activity character of learning, which form the theoretical and methodological basis.

Thus, we can conclude that the most important goal of this publication is to develop students' reading, listening, speaking and writing skills by using specially selected lexico-grammatical material representing the publicistic style of language. It is gratifying that the material of the manual is based on modern and up-to-date authentic printed, audio and video texts. The author emphasizes that the language environment positioned by him as a space of communicative interaction not only at the linguistic level, but also at the socio-cultural level. Therefore, a translation teacher should have communicative competence, since the teaching process is based on the comparison of students' background knowledge, which have to apply the necessary theoretical knowledge to understand the content of the original.

An important task of the translation teacher is to expand learners' background knowledge in order to maximize their understanding of the original content. The textbook shows that it is the

newspaper-publicistic style that almost completely dominates in the socio-political sphere and is used in oratory, in various newspaper genres, and in journalistic articles in periodicals.

One of the main features of such style is an organic and dynamic combination of two seemingly diverse tendencies, oriented simultaneously on expressiveness and standard. This is due to the specific functions that modern journalism performs, which are focused on informing, persuading and emotional impact on the audience.

It is noteworthy that information in this sphere of social activity is addressed to a huge range of people, almost immediately to all native speakers and members of this society. The time factor is very important for the relevance of such information since it should be transmitted as quickly as possible and is intended to become common knowledge in the shortest possible time. It is indicative that persuasion is carried out through emotional impact on the reader or listener, so the author always expresses his attitude to the reported information, but, as a rule, in doing so, he formulates not only his personal attitude, but also broadcasts the spectrum of opinions of certain social groups.

Undoubtedly, in the modern world intercultural communication occupies a very important place, in addition, it also has a great impact on the sphere of education. Since society constantly needs the development of international relations, the education system also requires constant pedagogical innovations and changes.

After all, today the space of higher education implies not only the training of highly qualified specialists, but also personalities who are able to take an active part in dynamic social processes, to adapt

adequately in society. It is aimed at developing in students such competences as professional and social mobility, competitiveness, independence in decision-making, and ability to intercultural interaction.

As a result, mastering a foreign language as a means of communication is a priority task of the educational process. According to the requirements of modern educational standards, which apply to the content and level of training of Bachelor's degree students, a graduate must have a command of a foreign language at a level that allows him/her to receive and evaluate information in the sphere of professional activity from foreign sources. In addition, university graduates should be ready to carry out a dialog of cultures and interact with representatives of different cultures, i.e. possess communicative competence, an important part of which is language competence.

Thus, the undeniable advantages of the peer-reviewed textbook are as follows:

- setting and solving the actual problem of using authentic materials in the process of teaching a foreign language;
- development of the system of formation of students' language competence;
- identification and scientific substantiation of a set of pedagogical conditions of language competence formation;
- confirmation of the practical significance of the developed system of professional language competence development.

At the same time, the theoretical significance of the peer-reviewed building is due to the following provisions:

- the essence of the concepts "competence" and "language competence" is considered in more detail, which contributes to the concretization and improvement of the categorical apparatus;
- the criteria for selecting authentic foreign language materials are specified and arranged;

- the system of language competence formation from the point of view of system-activity and practice-oriented approaches is theoretically substantiated, its components are described;

- criteria for determining the level of students' language competence formation are proposed.

The practical value of this textbook is determined by the following provisions:

- creation of criteria for complex assessment of the level of formation of language competence;

- development and implementation in the educational process of the actual case on the basis of authentic materials, which contributes to the formation of language competence.

Thus, the peer-reviewed textbook undoubtedly has the following advantages.

1. System-activity and practice-oriented approaches assume the organization of the learning process as a unity of different types of activities, united and ordered to achieve the main goal - to achieve a high level of language competence formation.

2. The developed system, including target, content, organizational-functional and evaluation-effective components, is aimed at improving the effectiveness of the learning process and contributes to the formation of a high level of formed language competence.

3. The implementation of the developed system in practice and its effectiveness are conditioned by the following pedagogical conditions: the use of the case method in the learning process, the selection and practical application of foreign-language authentic materials, the introduction of the meta-subject orientation of the foreign language teaching process. Based on the above, we can conclude that it is the meta-subject orientation of the process of teaching Russian as a foreign language that allows us to solve the most important strategic task of the learning process – to promote the formation of foreign-language communicative competence in students.

4. Thus, the identification of conditions that contribute to the functioning of the pedagogical system and the integrity of the pedagogical process is an important component of scientific and pedagogical research, determining their practical value.

Author's information

Zhumabaeva Mairamgul – Subject Matter Specialist, School of International Cooperation, Security and Strategic Languages (SICSSL), Rashtriya Raksha University (India, Lavad-Dahegam, Gandhinagar – 382305), ORCID: 0009-0005-2577-6678, mairamgul.zhumabaeva@rru.ac.in

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ
Е. Г. ХАМДАН “УЧИМСЯ ПОНИМАТЬ РУССКИЕ НОВОСТИ” (2020 г.)**

Майрамгул Жумабаева

Информация об авторе

Жумабаева Майрамгул – специалист по языку Школы международного сотрудничества, безопасности и стратегических языков университета Раштрия Ракша (Индия, Лавад-Дахегама, Гандинагар – 382305), ORCID: 0009-0005-2577-6678, mairamgul.zhumabaeva@rru.ac.in

Для цитирования статьи:

Жумабаева, М. (2024). Рецензия на книгу Е. Г. Хамдан “Учимся понимать русские новости” (2020 г.) *Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT)*, 2(7), 262-269. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2\(7\)-262-269](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2(7)-262-269)

experience
INDUSTRIES
SOCIO-CULTURAL RESEARCH TECHNOLOGIES

СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ

индустрии
ВПЕЧАТЛЕНИЙ
ТЕХНОЛОГИИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

№2 (7), 2024